

338

М. И. ТРОФИМОВ

**Фонетические
процессы
в слоге
в современном
уйгурском
языке**

АЛМА-АТА
1978

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ОТДЕЛ УЙГУРОВЕДЕНИЯ ПРИ ИНСТИТУТЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М. И. ТРОФИМОВ

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ
В СЛОГЕ
В СОВРЕМЕННОМ
УЙГУРСКОМ
ЯЗЫКЕ**

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА • 1978

Фонетические процессы в слове в современном уйгурском языке. Трофимов М. И. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1978.

120 с.

Монография посвящена выявлению как общих, так и частных особенностей слогостроения, нахождению типологических закономерностей дистрибуции слоговых и неслоговых элементов в звуковом строе современного уйгурского языка. На конкретных примерах показаны факты качественной и количественной редукции, элизии, эпентезы, парагогии, а также способы устранения труднопроизносимых сочетаний согласных, приведших к перестройке слога.

Книга рассчитана на специалистов-тюркологов, аспирантов, студентов и учителей уйгурских школ.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН КазССР
Г. САДВАҚАСОВ

Т $\frac{70103-119}{407(07)-78}$ 141-78

©Издательство «НАУКА» Казахской ССР, 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение структуры современного уйгурского языка началось одновременно с его описанием. В различных описательных работах делались в той или иной степени попытки объяснения конкретных фонетических явлений. История знакомства современной лингвистической науки с уйгурским языком складывалась таким образом, что в то время как русские ученые изучали северные диалекты, западноевропейские исследователи, начиная с Р. Б. Шоу, сталкивались в первую очередь с южными диалектами, особенно с кашгарским, который был положен тогда в основу литературного языка. Первой описательной грамматикой кашгарского диалекта явилась работа Р. Б. Шоу [97], где была сделана попытка сформулировать отношения сингармонизма гласных и другие закономерности, характерные для уйгурских диалектов.

Подлинно научную основу для изучения не только уйгурского, но и многих других тюркских языков заложил В. В. Радлов, опиравшийся на теоретические установки казанской школы [93].

Работу В. В. Радлова по исследованию илийского диалекта продолжил Н. Ф. Катанов [23—25]. Ему принадлежат многочисленные замечания по различным вопросам структуры илийского диалекта, содержащиеся как в его собственных работах, так и в примечаниях к публикациям текстов Н. Н. Пантусова. Тем временем появляются работы М. Хартмана, И. Куноша, А. Лекока и других авторов. Это главным образом записи текстов. С точки зрения нашей темы следует отметить статью

К. Шрифля [96]. В 1909—1912 гг. вышли в свет очерк фонетики, а затем грамматики кашгарского диалекта Г. Ракетта [94, 95]. Многочисленные интересные замечания сделаны в рецензиях Б. Мункачи [91].

К новому поколению исследователей принадлежат С. Е. Малов и Г. Ярринг. С. Е. Малов, ученик В. В. Радлова, начал работу по изучению уйгурских диалектов еще до революции. В 1934 г. он опубликовал наиболее богатую обобщениями работу [30]. Годом раньше была издана диссертация шведского исследователя Г. Ярринга [87], которая явилась наиболее фундаментальной обобщающей работой по фонетике одного из уйгурских диалектов, точнее, кашгарско-яркендского диалекта. К этому же времени относятся содержащие много интересных замечаний рецензии С. Е. Малова [31], Е. Д. Поливанова [42], К. Менгеса [89].

После революции начала развиваться новая, советская, школа уйгуроведов, признанным главой которой долгое время был С. Е. Малов. Представителями советской школы, занимавшимися изучением как илийского, так и кашгарского диалектов, являются А. К. Боровков [8], Н. А. Баскаков [4—7], В. М. Насилов [38] и другие. Работы указанных авторов представляли собой очерки фонетики и грамматики уйгурского языка. В них получил описание прежде всего кашгарский диалект, но, несомненно, чувствовалось сильное влияние и семиреченского говора, на основе которого в это время формировался новый литературный язык советских уйгуров. После войны значительными событиями в области уйгуроведения явились диссертация Л. А. Аганиной, посвященная семиреченскому говору [1, 2] и очерк Э. Наджипа [36]. В зарубежной литературе в этот период можно отметить главным образом очерк О. Прицака [92].

За последние десятилетия, особенно в связи с появлением алма-атинской школы уйгуроведов (А. Т. Кайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов и др.), прослеживается переход от общих очерков к исследованиям, рассматривающим отдельные конкретные вопросы уйгурской фонетики и грамматики. Новый период в изучении уйгурских диалектов начат в работах [17] и [59].

Данное исследование посвящено в основном структуре слога в уйгурском языке. Рассмотрим в связи с этим

основные концепции слога, существующие в современном языкознании. (Обзор состояния вопроса см. [66/107—108] — здесь и далее цифра в числителе дроби обозначает источник, цифры в знаменателе — страницу).

К. О. Есперсену восходит концепция нарастающей звучности, означающая, что звуки в слоге должны располагаться преимущественно в следующем порядке: шумные — сонорные — гласные. Другой принцип выдвигает Ф. де Соссюр, который кладет в основу своей теории критерий степени раствора [53/71—74]. Теория слога де Соссюра, видимо, является своего рода резюме дискуссии об индоевропейских сонантах, имевшей место в 80—90 гг. прошлого века. Обе эти концепции являются односторонними, так как кладут в основу классификации звуков только один какой-то признак, оставляя в стороне другие. Следует, вероятно, сочетать оба принципа.

Уже Э. Зиверс [99/157] рассматривал звучность как относительную величину: у плавных звучность больше, чем у носовых, у *p* больше, чем у *л*. Из шумных согласных более звучными являются сибиллянты. Описание же структуры слога производится в терминах различных классов звуков, таких, как смычные, спиранты, сонанты, гласные [27, 28, 29, 43]. Причем сущность звука как гласного или согласного выступает как функция его позиции в типичном слоге.

Функционально-позиционная концепция представляется в настоящее время наиболее перспективной. Ф. де Соссюр высказал важную мысль о том, что слогообразующая функция звука связана с его позицией и что различные позиции в слоге, как-то эксплозивная и импловзивная, также определяются различными функциями звуков в слоге. Интересно, что Ф. де Соссюр, который отрицательно относился к разделению формы и функции в плане содержания, первый ввел, таким образом, подобное разделение в плане выражения. В дальнейшем это направление наиболее плодотворно разрабатывалось Е. Куриловичем. Основываясь на идее изоморфизма планов Л. Ельмслева, он сопоставляет слог с предложением, а классификацию звуков — с частями речи. Логическим продолжением этой концепции будет выделение других различных функциональных классов звуков, которые бы соответствовали классификации чле-

нов предложения. Такими классами могут быть опорные согласные, в роли которых выступают обыкновенно смычные, и примыкающие, постпозитивные и препозитивные по отношению к опорным, в качестве которых чаще всего используются длительные — сонанты и спранты. В русских словах *страм* и *ндрав* (просторечн.), появление эпентетического смычного между двумя длительными при заимствовании этих слов из старославянского можно объяснить функцией опорных звуков, которую они исполняют.

Закономерности, действующие внутри слога, переплетаются с закономерностями, действующими внутри слова в целом [66/108]. Различные позиции внутри слога — инициальная, медиальная, финальная — накладываются на различные позиции внутри слова — анлаут, инлаут, ауслаут. В связи с этим целесообразно привлечь для описания этого перекрещения теорию вынужденных колебаний, которая является развитием и дополнением принципа экономии.

Речь можно рассматривать как систему колебаний различных частот (напр., предложение, слово, слог). Это относится к обоим планам, поскольку они изоморфны. Таким образом, анализ речи превращается в разновидность гармонического анализа. Каждый сегмент речи соответствует одному размаху и одному волевому импульсу, т. е. занимает один полупериод времени. Они накладываются друг на друга и интерферируют, в результате чего наступает стягивание и образование единого конкретного контура. Основной закон теории колебаний: время колебания не зависит от его амплитуды. Так как речь стремится к максимальной скорости, то наиболее экономичным ее построением является такое, при котором каждый ее сегмент может разлагаться на минимальное число гармонических колебаний, т. е. кратных целому числу полупериодов. Если мы будем иметь остаток, то это поведет либо к проигрышу времени (неполное колебание занимает такое же время, как и полное), либо к проигрышу энергии (в результате компенсации некомпенсированного движения, как при остановке маятника пальцем) [52].

В уйгурском языке, как и в других тюркских языках, встречаются в основном следующие типы слогов: Г, СГ,

ГС, ГСС, СГС, СГСС (более сложные типы слогов наблюдаются только в заимствованных словах). [36/45—46, 16/294, 72/240; см. также 7/333—334, 66/109]. В середине слова два рядом стоящих согласных расходятся по разным слогам, напр., *қуш-та, кәс-кән* [7/333, 74/38], причем это не может быть вызвано морфемным делением: в принципе слоговое деление с морфемным не связано [72/238, 49/65]. Используя терминологию Ф. де Соссюра, можно сказать, что стечение согласных внутри слова может быть только имплозивно-эксплозивным [66/108]. К этому можно добавить, что стечения как гласных (хиатус), так и согласных (в особенности в начале и конце слова) сильно ограничены (см. ниже). Все это приводит нас к выводу, что основным законом тюркского слога деления является регулярное чередование гласных и согласных.

Мы ограничимся здесь этими краткими замечаниями, так как в нашу задачу не входит углубляться в многочисленные детали теории слога. В частности, не будем останавливаться на теории слога Л. В. Щербы, чтобы не разбирать сложного вопроса о различиях между теми или иными фонологическими школами. Также мы не будем касаться исследования Н. А. Баскакова о первоначальной структуре тюркского слога, потому что данная работа в большей степени относится к плану синхронии, нежели к плану диахронии. Автор везде старался подчеркивать общие закономерности, при этом, возможно, допущены некоторые погрешности в истолковании происхождения отдельных слов. Количество ссылок в работе может показаться чрезмерным, однако автор стремился сохранить их как можно больше для того, чтобы каждая ссылка могла служить краткой справкой по истории развития тех или иных идей. По техническим соображениям в данной работе принята транскрипция, основанная на графике литературного языка советских уйгуров. Поэтому примеры, взятые у Г. Ярринга и других западноевропейских авторов, даются в упрощенной транскрипции.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить благодарность Э. Р. Тенишеву, А. Т. Кайдарову, Г. Садвакасову, Т. Талипову, М. К. Исаеву, Ш. Ч. Сату, М. Н. Валиеву, В. П. Юдину, прочитавшим рукопись в целом или отдельные ее части и сделавшим ценные замечания.

СИНКОПЫ И ЭПЕНТЕЗЫ ГЛАСНЫХ

НАЧАЛО СЛОВА

Е. Д. Поливанов отмечал две противоположные тенденции в тюркских языках. С одной стороны, тюркские языки не терпят стечения согласных в начале слова, что является причиной возникновения эпентетического сверхкраткого гласного при произношении, допустим, таких русских слов, как *гром*, *плеть*, *пшено* — *г^уром*, *п^улет*, *п^ушино* (Е. Д. Поливанов пишет: «в узбекском», но это можно отнести и к уйгурскому языку). С другой стороны, гласный *и* (наиболее краткий) ослабляется в первом открытом слоге, например, *п^уширмок*. Причем этот первый открытый слог со сверхкратким гласным мы имеем в сознании говорящего в обоих случаях — как в заимствованных словах, так и в исконно тюркских. Таким образом, происходит своего рода нейтрализация двух позиций (с одной стороны, в сочетаниях *гр*, *пл*, *пш*, а с другой стороны, в сочетаниях *гир*, *пил*, *пиш*) [41/239—240].

С. Е. Малов касается этого же вопроса с точки зрения орфографии. В своем выступлении на совещании, посвященном вопросам уйгурской орфографии в 1937 г., он обсуждал предложение не обозначать краткий *и* в слове *план* — план наряду с предложением не обозначать этот же звук в слове *бринчи*. По его мнению, это создаст трудности для детей, как показывает опыт татарской и узбекской орфографии. При этом он добавляет, что советизмы и интернационализмы имеют другое строение слога, чем исконно тюркские слова [73].

Дальше мы рассмотрим оба эти случая отдельно. Отметим лишь, что такая противоположная направлен-

ность двух процессов является реальностью в языке и встречается довольно часто.

Протезы и эпентезы в заимствованных словах. О заимствовании стечения согласных в начале слова говорят многие авторы [93/93, 50/291, 7/333, 84/13, 75/13]. Такие стечения в заимствованных словах разряжаются вставкой гласных, главным образом узких, точнее почти исключительно сверхкраткого *и* [93/93, 87/125, 7/333, 8/8, 3/129, 56/14].

Для того, чтобы произвести классификацию этих случаев, мы в соответствии с концепцией Е. Куриловича разделим согласные на два класса: опорные и примыкающие. В роли опорных выступают, как правило, смычные, в роли примыкающих — длительные, в частности, сонанты. Таким образом, возможны два случая [93/93]: а) протеза — гласный предшествует сочетанию согласных; б) эпентеза — гласный вставляется между согласными.

Сначала рассмотрим случай а. В своих комментариях к теории слога Ф. де Соссюра его издатели приводят близкие примеры. Они указывают, например, на возникновение протетических гласных перед сочетанием *s*+другой согласный во французском языке: лат. *skutum* дало *iskutum* > *escu* > современ. французск. *écu*. Они объясняют это с точки зрения теории де Соссюра следующим образом: сочетание *sk* есть разорванный отрезок; *sk* более естественно. Но этот *s* должен служить вокалической точкой, когда слово находится в начале фразы или когда предыдущее слово заканчивается на согласный с низкой степенью открытости. Протетический *i* или *e* только подчеркивает это сонантическое качество. Всякое мало заметное фонологическое свойство, если проявляется стремление его сохранить, имеет тенденцию шириться. Это же явление проявляется в слове *esclandre* и в народном произношении таких слов, как *esquelette*, *estatue* [53/76, прим. издателей]. Ср. также примеры из русского языка: *агромáдный*, *аржа́ной*.

Примеры из уйгурского языка можно классифицировать следующим образом: в качестве примыкающего спиранта выступают почти исключительно переднеязычные *с*, *ш*, в качестве опорных согласных — смычные *т*, *п*, *к*, а также изредка другие согласные, например, сонант *н*:

ст — *истакан* — стакан, *истанса* — станция, *истарчи* — старший, *истипендийэ* — стипендия; шт: *иштат* — штат, *иштирап* — штраф; сп: *испорт* — спорт, *исп^нравка* — справка; шп: *ишпион* — шпион; шк: *ишкап* — шкаф, *ишкол* — школа; шн: *ишнур* — шнур; зв: *извена* — звеньевая [87/126, 3/129, 2/80, 49/37, 13/106, 70/135]. Для других тюркских языков существуют аналогичные примеры [93/93, 9/281—282, 50/292]. Особенно интересны те из них, в которых опорным звуком выступает сонорный: турецк. *исмокин* — смокинг, *ыслав* — славянин, башкирск. *ышлыя* — шлея. В качестве примера протетического губного обычно приводится слово *устал* — стол, хотя это слово, по-видимому, было заимствовано уйгурами не из русского языка непосредственно, а из татарского, в котором оно существует как раз в похожей форме, необычной для уйгурского языка [93/93, 9/281—282].

Для случая б большей частью встречаются слова, в которых опорный смычный предшествует примыкающему длительному, причем в качестве опорного обычно выступают смычные согласные б, г, т, к, п, а в качестве длительных — сонорные р, л [50/291]: *гирам* — грамм, *гирәнис* — граница, *бригада* — бригада, *тирәктир* — трактор, *тирамбай* — трамвай, *билинчик* — блинчики, *килас* — класс, *пилан* — план, *пилаш* — плащ и др. [8/225, 3/129, 56/14, 70/134—135, 139, 13/106—107, 108, 49/37]. Иногда в качестве эпентезы выступает также узкий губной: *кулуп* — клуб, *пуронт* — фронт, *д^нруска*, *друска* — подушка [87/126] (под влиянием соседних гласных или согласных). В других тюркских языках можно найти аналогичные примеры [93/93, 9/281—282, 50/292].

Изредка встречаются случаи, когда в начале слова эпентеза возникает между двумя смычными, напр., *кипитанча* — квитанция или как в слове *динивник* — дневник между смычным и сонорным, который чаще выступает в качестве опорного смычного.

Редукция гласного в первом открытом слоге. Большинство авторов указывает на редукцию узких гласных в начальных открытых слогах. Однако следует отметить, что мы недостаточно знаем о тюркском ударении и его связи с редукцией гласных, чтобы назвать так этот процесс с полной уверенностью [87/57, 51/48, 72/233]. Редукция гласных протекает легче в соседстве с длительными сонантами

или спирантами. Таким образом, наравне с фактором редукции наблюдается фактор абсорбции гласного длительным согласным.

Как уже говорилось выше, редукция гласных может происходить в позиции между теми же согласными, что и эпентезы, например, между смычным (или аффрикатой), играющим роль опорного согласного, и длительным сонантом или спирантом, причем наиболее активную роль в этих процессах из длительных согласных, видимо, играет согласный *p*.

Сочетание смычный + *p*: *б^uрақ* — но, *б^uрәв* — кто-то, *т^uрик* — живой; смычный + *л*: *б^uлән* — с, *б^uлим* — знание, *т^uлимәк* — желать, *т^uлим* — мой язык; опорным согласным вместо смычного может быть также аффриката: *ч^uрай* — лицо, облик, *ч^uрақ* — лампа (аффриката вообще в силу своей промежуточной природы, как увидим дальше, играет двойственную роль). Сочетание смычный или аффриката + спирант: *к^uши* — человек, *п^uшип* — сварившись, *пишиқ* — жадный, прочный, *кишмиш* — изюм, *қызыл* — красный, *чиши* — самка [3/121, 16/292, 19/370, 49/33]. К. Брокельман, приводя пример *бзниц* — наш, подчеркивает, что *з* здесь становится слогообразующим [85/69]. Аналогичная редукция происходит в различных формах слова *сиз* — вы, в котором гласный *и* оказывается в позиции между двумя спирантами: *сләр* < *сизләр* и т. п. [92/539, 96/185, 85/69]. Для последнего случая К. Шрифль дает даже форму, в которой образуется протеза: *исзге*. Иногда редукции подвергается губной гласный: *дурус(т)* — правильно, *түшүп* — упав [85/65].

Если в словах *чирақ*, *чирай* аффриката выполняет роль опорного согласного в силу своей большей закрытости по сравнению с сонантом, то в других случаях она может, наоборот, быть примыкающей, если оказывается в соседстве с более закрытым смычным: *к^uчик* — маленький, *п^uчақ* — нож, *к^uчә* — вечер, *қшчқатти* (от *қычқырмақ* — кричать) [87/29, 42/149, 92/539, 49/33].

В других тюркских языках мы можем встретить аналогичные явления [93/92, 9/284—285, 51/49, 15/210—212]. В азербайджанском языке это настолько сильно выражено, что распространяется даже на русские заимствования (в просторечии), напр., *дректор* — директор, *псатели* —

писатели, *внительный* — винительный, *блавка* — булавка, *пхалтер* — бухгалтер и др. [9/285, 51/50].

Таким образом, длительные согласные, сонанты и спланты могут играть двоякую роль: они могут абсорбировать соседний гласный, но могут, наоборот, являться напряженными, становясь в результате слогаобразующими, и в конце концов производить смежный гласный призыв.

Иногда оба процесса — эпентеза и редукция — имеют место одновременно, что приводит к своего рода метатезе. Это бывает в некоторых русских заимствованиях при стечении согласных в начале слова, напр., *пирсидатил* — председатель, *пирдавис* — продавец, *биргадир* — бригадир и др. [77/93]. В слове *бюрократ* мягкость согласного передается с помощью *й*: *бйурократ*, после чего вступает в действие уже известный механизм разрядки стечения согласных, т. е. метатеза: *буйрукрат*.

Нужно признать, что абсорбция не может всего объяснить. Ударение, бесспорно, играет важную роль [3/121, 49/33, 85/65]. На это указывает редукция гласных в позиции между смычными, хотя это и редкое явление. Комментаторы Ф. де Соссюра приводят следующий пример: в результате синкопы французск. *de tanche* превратилось в *d'tanche*. Чтобы быть слышимым в такой позиции, *d* должно стать имплозивным: *ḏtanche*, и гласный развивается перед ним, как и в других случаях. Таким образом (в вульгарном произношении) мы имеем, напр., *un all ed tanche* [53/76]. Отдельные примеры редукции гласных между смычными встречаются и в уйгурском языке, напр., *nʷtʉm* — моя нога [3/121], *tʰkən* — колючка [49/33], *tʰdi* (имя *Туды-ахон*) [87/46]. Существуют также отдельные примеры, когда сплант или аффриката предшествуют смычному согласному, и в позиции между ними также происходит редукция: *sʉtʉm* — мое молоко [3/121], *xʷtai* — китаец [49/33], *çqti* — вышел [92/549].

Более слабо выраженная редукция имеет место в абсолютном начале слова перед некоторыми сплантами и аффрикатами: *ичти* — пил, *испатлайду* — доказывает, *учти* — летел [3/121, /129]. Более четко это явление опять-таки выражено в азербайджанском языке (в просторечии): *Смаил* < *Исмаил*, *Срафил* < *Исрафил*, *сторийа* < *исто-*

рия, *словийа* < условия [9/282]. Это можно сопоставить с появлением протезы перед сочетаниями спирант + смычный.

С другой стороны, фактор ударения не следует переоценивать, как показывает факт редукции гласных в односложных словах. О. Прицак говорит, что это особенность некоторых диалектов, прежде всего южных: кашгарск.-яркендск. *қрқ* — сорок (Ярринг), хотанск. *қрқ* — сорок (Ярринг), кашгарск.-яркендск. *қх* — сорок (Хартман), *қш* — зима (Хартман), кашгарск. *сз* — вы (Ярринг), *сш||ч^ш* — зуб [92/539, 42/149], но Л. А. Аганина и А. Т. Кайдаров приводят аналогичные примеры также для семиреченского говора и для литературного языка советских уйгуров: *қиш* — зима, *чиш* — зуб, *тиз* — расставь, *сиз* — вы, *чуш* — сон, *қуш* — птица [3/121, 16/292]. Е. Д. Поливанов отмечает, что то же самое наблюдается в ташкентском говоре узбекского. Ср. также *қрқ* у К. Брокельмана [85/69]. Т. Талипов связывает эту редукцию с позицией между смычными, однако такие примеры встречаются как раз, как исключение: *кир*, *бир*, *тил*, но *т^чк* — шей, *түк* — волос, *уқ* — понимай [72/234, 49/33, 41]. Н. К. Дмитриев приводит аналогичные примеры для других тюркских языков [9/284].

В заключение следует упомянуть об аналогичных процессах с участием широких гласных. А. К. Боровков и Т. Талипов указывают, что редукции могут подвергаться и широкие гласные первых открытых слогов (в диалектах), главным образом также в позиции после смычного перед длительным сонантом или спирантом: *қъра* — черный, *қърап* — смотря, *бъла* — ребенок, *қъзан* — котел, *қъйси* — который, *йъман* — плохой, *йъхши* — хороший, *йъғач* — дерево, *қъчиду* — убегает, *қъшун* (< *қошун*) — войско, *бълуп* (< *болуп*) — став, *қъшулуп* (< *кошулуп*) — присоединившись [8/225, 56/5—6, 1/14].

Вместе с тем, как исключение, широкие гласные, наоборот, могут выступать в качестве эпентезы перед согласным *р*: *дърэхт||дрэхт* — дерево, *фэрэнги* — европейцы [87/126], *гэлэвни* — главный [49/37], *карават||кативэт||кэрэвэт* — кровать [3/139, 13/105, 70/133], (в казахск. *кіреует*). Впрочем, для последнего примера возможно и посредство татарского языка.

Ограничение на стечения согласных существует также для конца слова, хотя и менее сильное. Точнее можно сказать, что под словом здесь, как правило, подразумевается основа, к которой еще могут присоединяться аффиксы словоизменения.

Так же, как в предыдущем случае, стечения согласных в заимствованных словах часто разряжаются с помощью узких гласных [8/8, 4/33, 3/129, 56/14, 49/36]; ср. также [93/93, 9/282, 50/291, 7/333], где содержатся примеры из других тюркских языков.

Так же, как в начале слова, нужно различать следующие случаи: 1) примыкающий согласный предшествует опорному, 2) следует за ним, 3) оба согласных равноправны.

Ф. де Соссюр приводит пример с индоевропейскими сонантами. Древневерхнемецкое *hagl* превратилось в *hagal*, а *balg* осталось без изменения. Комментаторы де Соссюра поясняют, что в последнем слове второй элемент имплозивного отрезка *l* играет роль консонанта и нет причины его менять. Наоборот, имплозивный *l* в *hagl* явился вокалической точкой. Будучи сонантом, он развил перед собой более открывающий гласный (*a* — если верить написанию). С течением времени он снова редуцировался.

В настоящее время *Hagel* снова произносится *hagl*; *l* является закрывающим. Другое дело французск. *aigle*, где *l* является открывающим с конечным немым *e:egia* [53/76]. Ср. также русские слова *воплъ*, *корабль* или метатезу в слове *Селиверст* < *Сильвестр* < лат. *Silvester*. В последнем случае гласный сначала редуцировался и образовался побочный слог *p*, но затем *p* перешел в препозицию по отношению к смычному и слог ликвидировался.

Примыкающий согласный предшествует опорному. В качестве опорных, как правило, выступают опять-таки смычные, в качестве примыкающих — длительные сонанты и спиранты. В этом случае ограничения на стечения согласных не столь сильные, как в начале слова, т. е. стечения согласных часто допускаются [50/291, 84/14, 8/225]. Примеры такого рода можно разделить по происхождению

на следующие группы: а) заимствованные слова, б) слова *алд* — перед, *аст* — низ, *уст* — верх, *арт* — зад, в) слова с глагольным аффиксом *-нч* и г) некоторые подражательные слова. По фонетическому составу они делятся в зависимости от фонетической природы опорного или примыкающего согласного. В качестве опорных согласных выступают главным образом смычные согласные, напр. *т*, *қ*, реже — *д*, наконец, *с* или *ч*, в качестве примыкающих главным образом длительные — *р*, *с*, реже — *л*, *й*.

К группе заимствованных слов относятся слова: *шарт* — условие, *дарт* — горе, *март* — щедрый, *парқ* — разница, *дост* — друг, *қаст* — злой умысел, *пайт* — время, *дарс* — урок и др. [69/16, 76/25, 92/543].

Вторая группа слов принадлежит к исконно тюркским словам. Как показал Ф. Г. Исхаков [14], эти слова, употребляющиеся главным образом с аффиксом *-и*, возникли сравнительно поздно в результате, во-первых, появления высоко абстрактных понятий, таких, как «верх», «низ», «перед», «зад» из более конкретных «его верх» и т. д., а во-вторых, в результате своего рода вторичного разложения на морфемы слов *алди*, *асти* и пр.

К третьей группе относятся слова типа *тинч* — покой, мир, *ишэнч* — вера, *чүшэнч* — объяснение, *қорқунч* — боязливый [47/10]. Этот аффикс встречается и в старых памятниках [85/130]. К. Брокельман возводит его к сочетанию аффиксов *н* (возвратный залог) + *ш* (имя действия), но эта этимология остается недостаточно обоснованной, так как редукция гласных, которую она предполагает, встречается редко.

Наконец, четвертую группу составляют слова типа *ғарт* — *ғурт* или *тарс* — *турс* — звукоподражания и т. п. [75/13].

Существует еще несколько тюркских слов, которые не вошли в эти группы, напр., *ант* — клятва, *төрт* — четыре, *қирқ* — сорок.

Однако тенденция к устранению стечения согласных существует и для конца слова. Она может проявляться тремя путями: выпадением примыкающего согласного, образованием эпентезы между опорным и примыкающим согласными и отпадением конечного опорного согласного. Первый способ выпадения согласных в исходе слога будет рассмотрен в другом месте, поэтому здесь мы отметим

лишь, что такое явление существует, например, в словах *төрт*, *қирқ*, *халқ* и что выпадающий согласный составляет часть импловзивного отрезка: *төрт*.
 < < > >

Второй способ устранения стечения согласных — эпентеза гласных. Подобные примеры можно найти и в индоевропейских языках. Например, в нидерландском языке в просторечии может возникать эпентеза между сонорными *p*, *l*, *n* и последующим согласным: *arm* > *arəm* — рука, *melk* > *melək* — молоко [35/14]. В уйгурском языке эпентетический сверхкраткий гласный, могущий в дальнейшем становиться ударным, образуется, напр., в словах *шәриқ* — восток, *пәриқ* — разница, *қисим* (<*қисм*) — часть, отдел, *исим* (<*исм*) — имя, *рәсим* (<*рәсм*) — живопись [4/33, 6/119, 16/292, 56/14, 49/36]. Аналогичные примеры существуют и в других тюркских языках [15/209, 9/282, 50/291, 85/66].

Таким образом, характер примыкающего согласного может широко изменяться: с одной стороны, он может редуцироваться вплоть до полного исчезновения, с другой стороны, становится напряженным и развивать после себя эпентетический гласный. Причем такое варьирование может наблюдаться в составе одного и того же слова, напр., *қирқ* || *қиқ* || *қириқ* и даже *қрқ* [87/113, 92/547, 85/66—69, /160, 17/171, 18/88], *бөрк* || *бөк* || *бөрүк* — тюбетейка [3/131, 16/294], *йолварс* || *йолвас* || *йолбарс* || *йолбарус* — тигр [74/16—17, 85/66], *төрт* || *төт* || *төрүт* [85/66], *халқ* || *хәх* || *хәлиқ* [16/294, 17/171, /292, /295, 49/36]. Здесь же можно перечислить случаи, когда комбинация согласных состоит из двух длительных: *қәрз* || *қәз* || *қә-р^uз* || *қәриз* — долг [48/71], *әрз* || *әз* || *әриз* и даже *әри-зә* — заявление [24/304, 92/540, 49/36—37, /53], *дәрс* || *дәс* || *дәрис* — урок [49/26].

Если явление выпадения примыкающего согласного или появления эпентезы наблюдается главным образом в сочетаниях *p* + другой согласный или в сочетании *см*, то в сочетаниях *n* + смычный или сочетании глухой щелевой + глухой смычный мы чаще сталкиваемся с отпадением конечного смычного, который, впрочем, тоже входит в импловзивную группу, напр., *дост* — друг. Кроме персидских слов этот процесс захватывает и исконно тюркское *ант*: *а:хонд* > *а:хон* — священник, *қанд* >

> *қан* — сахар, *ант* > *ан* — клятва, *дост* > *дос* — друг, *раст* > *рас* — правда, *маст* > *мас* — пьяный, *паст* > > *пас* — низкий, *қаст* > *қас* — злой умысел, *гөшт* > *гөш* — мясо, *мушт* > *муш* — кулак, *хишт* > *хиш* — кирпич, *рәхт* > *рәх* — грубая кожа, *дәрәхт* > *дәрәх* — дерево, *тәхт* > *тәх* — трон, *вахт* > *вах* — время и др. [25/31, 87/113, 4/33, 3/133, 76/18].

Аналогичные примеры приводит К. Брокельман [85/65]. При аффиксации этот конечный согласный в большинстве случаев восстанавливается, что позволяет рассматривать это изменение как позиционное, хотя есть и исключения: *дост*, *растини*, *кәнти*, но *гөши*, *дуруси*, *жүпи* [25/31, 85/65, 76/18] (в последнем случае должно было образоваться сочетание двух смычных, так как персидский *ф* дает в уйгурском смычный *п*). Аналогичные изменения происходят в русских заимствованиях с конечными сочетаниями *ст*, *сть*, *зд*: *сийез* — съезд, *батис* — батист, *пойез* — поезд, *комунис* — коммунист, *разйез* — разъезд [3/133, 74/19, 76/23, 26/91, 70/135]. Любопытно, что здесь встречаются конечные сочетания звонких шумных, причем, по-видимому, сохраняется звонкость, которая в русском языке существует лишь в косвенных падежах. Случаи окончательного отпадения конечного смычного, который, таким образом, не восстанавливается при аффиксации, отмечены и здесь: *сийези*.

Конечные сочетания *н* + смычный (или аффриката) могут уничтожаться также путем устранения не второго, а первого члена импловивной группы — *қант*: напр., *теш* — мирный, *течлик* — мир, *ишәшлик* — надежный (в других диалектах сохранились формы *тинж*, *ишәнжилик*), *қат* — сахар, *Йаркәт* — Яркенд, *баләт* — высокий, *бәт* (< *бәнд*) — занятый и даже в русском *ремот* — ремонт [3/133, 16/294, 49/44—45]. Возможно, в данном случае имеет место ассимиляция с последующим упрощением двойного согласного, хотя фактор ассимиляции может играть роль и при устранении второго согласного, если группа согласных состоит из двух зубных.

Как исключение, среди сочетаний *н* + согласный можно отметить примеры возникновения эпентезы в аффиксе *-нч*, которые приводит К. Брокельман (для других диалектов): *сәвүнч* > *сәвүнүч* — радость, радостная весть, *өгүнч* > *өгүнүч* — раскаяние [85/66].

Опорный согласный предшествует примыкающему. Для этого сочетания эпентеза более характерна, чем в предыдущем случае. Примыкающий длительный не только образует побочный слог, но, являясь напряженным, он производит перед собой гласный призвук, который может и не отражаться в орфографии, как, например, в слове *шахс* — лицо. Ср. также *литир* — литр. В конечном счете эти гласные становятся способными принимать на себя динамический пик словесного ударения и таким образом превращаются из призвуков в полноправные гласные.

Приведем примеры (так как *р* является наиболее сонорным из всех звуков, здесь же могут быть рассмотрены примеры, в которых *р* следует после длительных): *пикир* — мысль < *фикр*, *һеқил* — ум < *сақл*, *экис* — отражение < *экс*, *өмүр* — жизнь < *өмр*, *жинис* — пол, порода < *жинс*, *нәшир* — печатание < *нәшр*, *дәвир* — период < *дәвр* [4/33, 6/119, 3/129, 63, 56/14]. Как исключение, можно отметить *шәһәр* — город < *шеһр* (персидск.) с широким гласным в качестве эпентезы. Аналогичные примеры можно найти в других тюркских языках [87/113, 92/547, 85/66—69, /160, 17/171, 18/88]. Сюда же можно отнести, вероятно, примеры, когда эпентеза возникает между двумя смычными или между смычным и носовым сонорным, который чаще выступает в качестве опорного, чем в качестве примыкающего: *вәқит* < *вәқт* — время [3/129, 49/37], *һүкүм* — приговор < *һүкм*, *синип* — класс < *синф*.

Среди более поздних русских заимствований можно найти слова обеих групп, как таких, в которых опорный предшествует примыкающему, так и таких, в которых он следует за ним: 1) *литир*, *метир*, *тийатир*, *өктәбир*, 2) *икес* — икс, *гериб* — герб, *парик* — парк, *социализм*, *дүйүм* — дюйм. В слове *экит* — акт — два смычных, в слове *боруш* — борщ — два длительных [3/129, 56/14, 49/37, 70/134—135, 13/108].

Г. Ярринг приводит примеры, когда стечение согласных со вторым носовым, следующим после любого шумного, не разряжается эпентезой; носовой же становится слогообразующим: *һәкм* — приговор, *руkn* — число, *қисм* — часть (у Ярринга «вид» — kind) [87/101, /104]. О. Прицаком даются примеры для хотанского диалекта, в

которых те же носовые, а иногда и другие сонорные в результате редукции гласного в конечном слоге становятся слогообразующими: *узн* (<*узун*) — длинный, *сегисн* (<*сэкиз он*) — 80, *Кхасн* (арабск. *хасан*), *ахн* (персидск. *а:ху:нд*) — первосвященник, *кемпр* (чагатайск.-киргизск. *кемпир*) — старуха [92/541].

Случаи редукции гласных в слогах типа длительный согласный + гласный + смычный в современном уйгурском языке не встречаются, хотя, согласно Махмуду Кашгарскому, подобные случаи наблюдались в «испорченном» языке арго: *қылқ* < *қылық* — нрав, *балқ* < *балық* — город [85/65]. См. также казахск. *кілт* — ключ, *бұлт* — облако по сравнению с уйгурскими *келит*, *булут*.

Выше уже отмечалось, что при стечении согласных в конце слова конечный согласный может становится не только импловивным, но и экспловивным, как во французском слове *aigle* (*eglə*). На этом основан другой способ разрядки стечения согласных в конце слова, который в лингвистической терминологии получил название «парагогии» [3/129, 56/14, 17/295, 49/37]: гласный появляется в абсолютном конце слова. Причем в уйгурском языке это бывает в большинстве случаев не узкий, а широкий гласный, что объясняется общим расширением гласных в исходе слова в уйгурском языке. Примеры: 1) опорный предшествует примыкающему: кашгарск. *Ракетт*, *пикре* — мысль, хамийск. Катанов, *өмри* — жизнь, кашгарск. Ярринг, *үзрə* — оправдание, семиреченск. *шəхсə* — личность, литературн. *тəхсə* — блюдо, тарелка (<монгольск. *таги*) [92/543, /558, 17/295, 87/28, 20/63]; 2) опорный следует за примыкающим: *гирдə* — лепешка, *бəндə* < *бəнд* — раб божий, *кəйпə* < *кəйф* — состояние опьянения, чувство блаженства, *əспи* < *əсп* — лошадь, *бəзмə* < *бəзм* — пир [56/14, 17/295, 49/37, /42]. К. Брокельман приводит примеры: *тəрси* < *тəрс* — тяжелый, *қорқұнча* < *қорқұнч* — страх [85/89, /131]. Он указывает также, что порядковые числительные первоначально образовались с помощью аффикса *-нч*, который уже впоследствии получил дополнительный *и*: *үчүнч* > *үчүнчи* [85/131, /164]. Видимо, подобное явление возможно и в других тюркских языках. Напр., Н. К. Дмитриев дает для кумыкского пример *исму* < *исм* — имя [9/282].

На этот же процесс указывает появление аффикса *-си* в некоторых словах, напр., *бирси*, *сиңлиси* [49/35]. В. В. Радлов считал, что татарские формы *бириси* или *пирзи*, или чувашск. *пирре* говорят о существовании в прошлом в этом слове конечного гласного [93/95]. Но возможно, что здесь имел место как раз противоположный процесс — не элизия гласного, а его добавление.

Очень много подобных форм среди русских заимствований (в просторечии). Напр., *банка* — банк, *танка* (*танка*) — танк, *митинга* — митинг, *ромба*, *аванса*, *отпуска* (*атпоска*), *пропуска*, *киоска*, *Мински*, *Новосибирски* [3/129, 56/14, 17/295, 70/135, 49/35]. Иногда добавление гласного сочетается с редукцией, так что происходит своего рода метатеза: *учаска* — участок, *исписка* — список [70/134]. Возможно, что возникновение большого количества подобных форм в русских заимствованиях объясняется влиянием форм косвенных падежей: *танкидин*, *митингига*, *ромбиси*, *киоскига*, *Минскидин*, *иштормилар* [76/23, 26/91].

Иногда эпентеза и парагогия могут развиваться параллельно в одном и том же слове, но как факультативные варианты или в разных диалектах. Напр., *текис* || *тэкши* — ровный, гладкий (первая форма встречается также в других тюркских языках) < монгольск. *тэгш* [20/63]. Много таких примеров приведено в работе Т. Талипова о метатезах [77], но многие эти метатезы являются таковыми лишь с синхронической точки зрения, а с точки зрения диахронии они произошли, возможно, не в результате метатезы, а в результате разрядки стечения согласных двумя различными способами. Кроме вышеуказанного примера сюда, видимо, относятся *сэйил* || *сэйлэ* — прогулка < *сэйр*, *зулум* (литературный язык) || *зулма* (диалектн.) — гнет < *зулм*, *қулуп* || *қулпа* (диалектн.) — замок < *қуфл*, *кэйпэ* < *кэйип* — настраивание < *кэйф*, *супра* || *супур* — подстилка для разделявания теста < *суфр*. Настоящие метатезы здесь, видимо, составляют как раз исключение, напр., *оғри* || *оғур* — вор. Возможны также и другие различные процессы. Напр., в паре *тинич* || *тинжи* — мир, покой первое слово могло возникнуть непосредственно из *тинич* [85/68], и в этом случае тенденция к разрядке стечения согласных объясняет не возникновение гласного, а его сохранение. *Жуқур* — *жуқри* (вверх) и *да-*

вуз — *давза* (ворота) возникли, видимо, с одной стороны, в результате апокопы конечного гласного, а с другой стороны, в результате абсорбции гласного в середине слова [56/14]. Такие пары, как *қапуғ* — *қапқа* (дверь, ворота) могли возникнуть в результате мены аффиксов.

Настоящие метатезы могут происходить иногда при стечении согласных в конце слова в заимствованных словах, в особенности с участием *р*: *стандарт* (марка бритвенных лезвий) > *стандарт* (даже с возникновением стечения трех согласных) [3/136]; персидск. *бузург* — большой > *бузруг* [85/68].

В связи с вопросом о стечениях согласных в конце слова следует затронуть вопрос об аффиксах. Многие авторы, начиная с Р. Б. Шоу [97/89], считают, что если имеются алломорфы аффиксов типа *С||ГС*, то основным является вариант *ГС*, а вариант *С* — его модифицированной разновидностью. По мнению В. В. Радлова, наоборот, гласный в сочетании *ГС* (в большинстве случаев он бывает узким) возникает благодаря закону избегания стечения согласных [93/93—94]. К. Брокельман называет эти гласные связочными, подчеркивая, таким образом, их служебную роль [85/74, /110, /138 и др.]. В самом деле, в подавляющем большинстве случаев эти гласные не играют никакой фонематической роли. С другой стороны, некоторые авторы подчеркивают краткое произношение гласного в аффиксе деепричастия прошедшего времени *Г+n*. В. В. Радлов говорит о краткости гласного в этом аффиксе [93/33].

Г. Ярринг, более того, отмечает редукцию этого гласного: *бол^уп* — став, *көр^оп || көр^оп* — увидел [87/57, /28—29]. Редукция этого рода скорее объяснима для случая сложных глаголов типа *көр^уп қалди* — увидел в связи с перемещением ударения в первом компоненте сочетания на первый слог, но Г. Ярринг обходит этот момент молчанием.

Имеются также примеры редукции аффиксального гласного, предшествующего носовому согласному, причем носовой становится слогаобразующим, так же как это происходит в корнях (см. выше). Аффикс исходного падежа, который построен не по схеме *ГС*, а по схеме *СГС*, у В. В. Радлова опять-таки выступает с кратким гласным: Радлов илийск. *кишидин* — от человека, *кэлгәндин* — от

прихода. У других же авторов (зарубежных) вообще выступает без гласного, со слогообразующим *н*: Хартман яркендск. *қолдн* (<колдин — из руки), *баледн* (<балдин — от ребенка), *сиздин* — от вас > *сзdn* > *стн* > *ситн* [96/186, /185, 92/541]. О. Прицак приводит пример из хотанского *тойдм* [92/541], где аффиксальную часть можно интерпретировать как по схеме ГС, так и по схеме СГС.

Апокопа. Будет уместно рассмотреть здесь еще одно явление — апокопу, т. е. отпадение гласного в абсолютном исходе слова. Хотя это явление не имеет отношения к стечениям согласных в конце слова, но оно имеет отношение к вопросу об ударении и редукции. Этого вопроса касаются Л. А. Аганина [3/128] и Т. Талипов [56/14], причем последний рассматривает это явление как частный случай редукции. Соответствующие примеры можно в основном разделить на три группы.

Заемствования из русского языка. В этом случае апокопа происходит большей частью, если ударение в языке-источнике приходится на предпоследний слог. Тогда ударный гласный, который в русском языке подвергается редукции, в уйгурском окончательно сходит на нет: *минут* — минута, *кәнтур* — контора, *бәлнис* — больница, *телиграм* — телеграмма, *алимент* — алименты и т. п. [3/128, 56/14, 70/134, /139, 13/108—109]. В отдельных случаях ударение в языке-источнике стоит еще ближе к началу слова, напр., *набирик* — фабрика, *шахмат* — шахматы. Иногда апокопа сочетается с эпентезой гласного, что приводит к своего рода метатезе: *цифир* — цифра. Как исключение, надо рассматривать пример Аганиной: *мәмпәс* — монпансье [2/119] — отбрасывается ударный слог.

Ко второй группе относятся персидские заимствования (изредка арабские): *әндиш* < *әндишә* — волнение, *тараз* < *таразу* — весы, *пәнжир* < *пәнжирә* — решетчатое окно, *шәптул* < *шәпталу* — персик, *устур* < *устура* — бритва, *дарвуз* < *дәрваза* — ворота, *накиз* < *накизә* — чистый, *мунар* < *мунара* — башня [3/128, 56/14]. Л. А. Аганина отмечает, что в данном случае апокопа связана с распределением долгих и кратких гласных в слове. Конкретнее, если предпоследний слог является долгим, он воспринимается в уйгурском языке как ударный, напр., *әнди:шә*, *тара:зу*, *дәрва:зә* [88/41, /300, /325]. Иногда

долгий слог может стоять в языке-источнике еще ближе к началу слова: *па:кизэ, устурэ* [88/222, /325]. Наконец, в примере *аварэ болмак* — беспокоиться описанный фактор может сочетаться с действием абсорбции гласного длительным согласным, которая иногда встречается в парных словосочетаниях на стыке компонентов. К этой группе можно присоединить также пример *мэниз* — щека < китайск. *мяньцзы* [56/14]. (Так же как в слове *цифир*, апокопа сочетается с эпентезой гласного). Л. А. Аганина отмечает, что китайский аффикс *-цзы* воспринимается в уйгурском как безударный [2/92].

К третьей группе относятся слова, которые Л. А. Аганина считает собственно уйгурскими: *мор* < *мора* — дымовод, *гол* < *гула* — место между лопатками, плечо, *эңгиз* < *эңгизэ* — затем, *апкур* < *апкора* — чаша, *чөшүр* < *чөшүрэ* — пельмени, *өгүз* < *өгүзэ* — крыша, *час* < *чоса* — четырехугольный платок [3/128]. Л. А. Аганина отмечает, что полные варианты сохранились главным образом в кашгарском диалекте, тогда как в илийском (и семиреченском) говоре предпочитают усеченные варианты. Для объяснения этого явления в исконно тюркских словах она выдвигает следующую гипотезу: отпадение гласного произошло вследствие того, что эти слова часто употреблялись в качестве первых компонентов парных словосочетаний, как в сложном слове *морочақ* — очаг, встроенный в стену. В принципе явление апокопы встречается в различных тюркских языках [93/95, 9/284]. Однако данная гипотеза представляется маловероятной. Это явление встречается в уйгурском языке спорадически и не носит характера регулярного фонетического закона в отличие от элизии гласных в парных сочетаниях.

С другой стороны, некоторые из слов, приведенных в списке Аганиной, также являются заимствованными, напр., *апкора* < *а:бхорэ* (с долгим гласным в первом слоге), *мора* < персидск. *мора* (долгие гласные в обоих слогах), *час*||*чоса* < *чаһа:рсу* (снова долгий гласный в предпоследнем слоге; чередование *о* — *а* объясняется влиянием то акающих, то окающих говоров) [88/24, /63, /198]; *чөшүрэ*, видимо, восходит к *чөп-чөрэк*, где *чөп* — лапша, мучное изделие, *чөрэк* — производное имя от глагола *чөрүмәк* — кружить (Н. Ф. Катанов иногда дает в форме *чөпчүрэ* [88/76], ср. также *чүчвэрэ* [49/42] или

узбекск. *чу́чвара* — с метатезой). Возможно, в этом парном сочетании ударение также могло переместиться на первый компонент. Этимология некоторых других слов также не является бесспорно тюркской. Тюркское происхождение можно с уверенностью предположить лишь для слова *эңгизэ* — затем. Если для слова *эңгизэ* принять этимологию А. Т. Кайдарова *эңгизэ* < *андин кейинзэ* [17/296], то апокопа может объясняться безударностью частицы *зэ*. В слове *инчикэ* || *инчик* — тонкий перемещение ударения на первый слог может быть связано с качественной семантикой этого прилагательного.

Л. А. Аганина приводит известные тюрко-монгольские параллели *көк* — *көке* — синий, *ер* — *ере* — муж, *түн* — *түне* — ночь, *сав* — *сава* — доить, *сиқ* — *сиқа* — давить, в которых тюркское слово оказывается на один слог короче, и объясняет это апокопой в древнетюркском языке, которая вызывалась гипотетическим первоначальным тюркским ударением на первом слоге [2/79]. Однако, во-первых, большая временная разница между двумя языковыми состояниями делает подобное сближение сомнительным. Во-вторых, по мнению многих специалистов, это различие может быть вызвано, наоборот, не апокопой в тюркском, а парагогией в монгольском [93/95].

Единственный пример редукции, хотя и неполной, аффиксального конечного гласного приводит Г. Ярринг: *дед^u* — сказал, *йед^u* — ел [87/54]. Это тем более любопытно, что В. Радлов как раз, наоборот, часто показывает этот аффикс с долгим гласным и специально подчеркивает долготу этого гласного [93/33]. Впрочем, в «Образцах народной литературы северных тюркских племен», как отмечал В. Банг, В. Радлов сплошь и рядом приводит эту форму и с кратким конечным гласным [82/1].

Единственный пример парагогии, не связанный со стечением согласных, приведен у И. Исмаилова: *лэкторийэ*, *санаторийэ* [70/134]. Это может быть объяснено стремлением подкрепить позицию *й*, который в исходе слова после *и* оказывается в особо слабой позиции [70/135].

Иногда отбрасывается не один гласный, а целый слог или его часть — гласный вместе с согласным. В русских заимствованиях это может происходить опять-таки с заударными слогами: *чит* — ситец, *пунтам* — фундамент, *бронинос* — броненосец [70/135, 13/109, 71/71]; в других

случаях это объясняется тем, что после апокопы гласного согласный оказывается в слабой позиции и не может удержаться: *тəһийə* > *тəхи* — подушка, *нəсийə* > *нəси* — кредит [3/134], *хари* > *ха:* — балка [49/26]; кроме того, особой употребительностью полуслужебных элементов (препозитивных): *аву* — тот > *а:*, *маву* — этот > *ма* [49/26].

СЕРЕДИНА СЛОВА

Запрещения на сочетания двух согласных в середине слова не существует, стечения же трех согласных, как правило, избегаются. Это, видимо, объясняется тем, что два согласных, как уже говорилось выше, расходятся по разным слогам, тогда как в сочетаниях трех согласных два первых обычно относятся к импложни и, таким образом, представляют собой тот случай, который был рассмотрен в предыдущем разделе [50/292]. Поэтому выпадение гласного в этой позиции происходит довольно часто, тогда как эпентезы сравнительно редки. Этот процесс затрагивает в первую очередь узкие гласные и связан с абсорбцией гласного длительным согласным, хотя, с другой стороны, участвуют и акцентуационные факторы. Однако роль этих последних не выяснена до конца [49/33].

В дальнейшем мы будем использовать в классификации рассматриваемых явлений в первую очередь морфологический критерий.

В качестве примеров синкопы гласного в середине слова чаще всего приводятся существительные числом несколько более десятка, имеющие непроеизводную (в современном языке) двусложную основу с фонетической структурой СГСГС, в которой гласный второго слога выпадает при присоединении словоизменительных аффиксов принадлежности, когда второй слог оказывается средним. Слова эти имеют общетюркский характер. Различные трактовки данного явления можно найти в работах многих авторов [95/16, 87/58, 65/20, 3/121—122, 74/14—15, 92/539, 36/40—41, 16/292, 19/370, 72/234, 49/95]. В большинстве случаев они подчеркивают роль тех же двух факторов — окружения (как правило, соседства сонорных) и ударения.

Согласный, который в исходной форме является эксплозивным согласным второго слога, в аффиксальной форме становится имплозивным согласным первого слога: $\begin{smallmatrix} \text{C} & \text{G} & \text{C} & \text{G} & \text{C} \\ \text{>} & \text{>} & \text{>} & \text{>} & \text{>} \end{smallmatrix}$ $\begin{smallmatrix} \text{C} & \text{G} & \text{C} & \text{G} & \text{C} \\ \text{>} & \text{>} & \text{>} & \text{>} & \text{>} \end{smallmatrix}$. Так как согласные *р, л, й* в этой позиции подвержены выпадению, то, чтобы стать более устойчивыми, они должны, очевидно, обладать специальным качеством, которое мы можем назвать «напряженностью». Примеры: *қарин* — *қарни* — живот, *бурун* — *бурни* — нос, *орун* — *орни* — место (примыкающий *р* предшествует опорному *н*), *бойун* — *бойни* — шея, *қойун* — *қойни* — пазуха, *қайин* — *қайни* — зад, *еғиз* — *ағзи* — рот, *оғул* — *оғли* — сын (примыкающие *р, з, л* следуют за опорным *ғ*), *сиңил* — *сиңли* — младшая сестра, *көңүл* — *көңли* — сердце, настроение (примыкающий *л* следует за опорным *н*), *көкүс* — *көкси* — грудь (примыкающий *с* следует за опорным *к*) [49/35, 92/549, 85/33]. Аналогичные примеры можно найти в других тюркских языках [93/92, 15/209—213, 9/282—283, 51/49] и в памятниках, относящихся к раннему состоянию языка [85/64, 72/234].

Любопытно, что большинство этих слов обозначает части тела или термины родства, особенно с древним аффиксом *-н* [14/124] (ср. также тувинск. *келин* — невестка — *кенни*).

Анализ Ф. Г. Исхакова показывает, что в большинстве этих слов рассматриваемое явление должно относиться к глубокой древности, с чем связано, в частности, и происхождение некоторых слов, таких, как *аст*, *алд* и др., возникших в результате семантической дивергенции факультативных вариантов этих форм. Существует также предположение, что данное явление свидетельствует будто бы в пользу гипотезы о первоначальном ударении на первом слоге в тюркских языках [64/78]. По-видимому, нет необходимости в привлечении этого несколько искусственного объяснения, поскольку данное явление хорошо объясняется закономерностями, существующими и в настоящее время в тюркских языках.

За пределами упомянутой группы слов подобные примеры в тюркских языках, видимо, не так часты. Вряд ли следует причислять сюда слово *бөрик* — шапка — *бөрки*, поскольку в уйгурском языке оно может существовать и в форме *бөрк*, так что, возможно, мы имеем здесь дело не

с синкопой, а с эпентезой. Г. Садвакасов приводит для кашгарского и ферганского говоров еще одну группу примеров: *ишик* — дверь — *ишки*, *йүрәк* — сердце — *йүркүм* (*||йүрәгим*), *қулақ* — ухо — *қулқум* (*||қулағим*), *қосақ* — живот — *қосқи*, *ешәк* — ишак — *ешки* [49/35, 72/235] (длительный во всех пяти примерах предшествует смычному). Следует отметить, что в предыдущей группе только у некоторых авторов фигурирует широкий гласный, напр., *оғол* — *оғлом* [87/58]. В данной же группе синкопированный гласный за одним исключением восходит к широкому негубному гласному.

Э. Наджип приводит пример *қилиқ* — нрав, характер — *қилиғи* и объясняет сохранение гласного производностью этого слова [36/40]. Видимо, сохранение гласного вызвано действием нескольких факторов. С точки зрения современного языка слово *қилиқ*, во-первых, является непроизводным, а с другой стороны, в словах вышеуказанной группы также можно выделить аффикс *-н*. Однако процесс опрощения слова *қилиқ*, вероятно, совершился позже. Во-вторых, его значение более абстрактно, и само слово обладает меньшей употребительностью. В-третьих, здесь гласный находится в соседстве не с двумя сонорными, а с одним, абсорбирующая сила которого, таким образом, меньше. Впрочем, Махмуд Кашгарский дает для языка арга форму *қилқ* (см. предыдущий раздел о конце слова).

Несколько другим путем образовалась еще одна группа слов, в которых стечение согласных в конце слова разряжалось узким гласным. В форме принадлежности этот гласный отсутствует: *хәлиқ* — народ — *хәлқи*, *исим* — имя — *исми*, *илим* — наука — *илми*, *өмур* — жизнь — *өмри*, *вақит* — время — *вақти*, *пикир* — мысль — *пикри*, *һеқил* — ум — *әқли* и т. д. [74/14—15, 36/41, 49/36; ср. также 51/49, 15/209, 9/282, 50/291]. Впрочем, в плане синхронии между этими группами нет никакой разницы. Другие примеры подобного изменения основы при словоизменений, по-видимому, немногочисленны. Э. Наджип приводит пример трехсложного слова *қариғай* — сосна — *қарғийи* [36/41, 19/370]. Но выпадение гласного, видимо, наблюдается и в чистой основе — *қарғай* [49/33]. (С другой стороны, интересно, что аналогичное сочетание согласных в форме *сарғийи* оказалось, видимо, не-

удобным, потому что эта форма заменяется формой *сағирип* — см. ниже). Отдельные примеры встречаются среди глаголов. Например, неустойчивым является гласный второго слога в основах глаголов *алдирайду* — торопится, *татилайду* — чешется, *угулайду* — растирает [16/292, 3/121]. Г. Садвакасов приводит пример *иш^итип* — слушая [49/33].

В других тюркских языках это явление, видимо, встречается чаще. Ф. Г. Исхаков приводит многочисленные подобные примеры для татарских глаголов [15/208—209]. Возможно оно и в других языках [85/64].

Довольно часто встречаются синкопы гласных в непроизводных основах (таких, которые в современном языке воспринимаются как непроизводные). Это позволяет рассматривать данное явление как проявление чисто фонетического закона. В большинстве имеющихся примеров примыкающий длительный следует за опорным. А. Т. Кайдаров указывает, что в словах типа *шәпирәң* — летучая мышь узкий гласный среднего слога произносится весьма кратко [17/280]. Л. А. Аганина приводит список слов, в которых выпал узкий гласный: *чәврә* — правнук < *чәви-рә*, *йаплақ* — плоский < *йапилақ*, *дүгләк* круглый < *дөңгүләк* [3/121]. Сюда же можно отнести *падиша* — царь < *падишаһ*, *йөгмәчгүл* < *йөргүмәчгүл* — вьюнок [22/65]. Иногда, правда, трудно решить, имеем ли мы дело с синкопой или, наоборот, эпентезой гласного. Это относится, напр., к слову *өгзә* — крыша, которое встречается также в формах *өгүз* и *өгүзә* (у Ярринга *эгәзе* и *өгөзе* [87/34, 42/151—152]). Г. Ярринг опять-таки оказывается в числе немногих, кто дает примеры с широким (губным) гласным в этой позиции. Еще один пример он же приводит из словаря Г. Ракетта: *қобзақ* || *қобозақ* — кора [87/58]. Реже встречаются в этой группе примеры, когда примыкающий длительный предшествует опорному — уже упомянутое *қар^иғай* — сосна, *һәр^икәт* — движение [81/67].

Существует также некоторое количество слов, не имеющих в современном языке факультативных вариантов, но в которых можно также предполагать существование в прошлом узкого гласного, в дальнейшем синкопированного, напр., *өрдәк* — утка < *өдүрәк* [56/15, 78/188]; ср. также [39/294], *титрәп* — дрожь, *учрап* — встретив, *ай-*

рилип — отделившись, *қирқип* — производя стрижку, *топ-рақ* — земля, *қуйруқ* — хвост, *қармақ* — удочка, *уйқу* — сон, *аршаң* — целебный источник (ср. казахск. *арасан*) [ср. 93/92, 15/209—211, 9/283, /285, 85/126, /138, 81/67], *һарва* — арба (в других диалектах встречается в форме *араба* [87/28]).

Н. К. Дмитриев отмечает особую склонность азербайджанского языка к синкопированию гласного и в середине слова, как показывает просторечное произношение русских слов, напр., *кабнет*, *интрист*, *критка* [9/285].

Как исключение, может встречаться иногда синкопа широкого негубного гласного, напр., в слове (рассмотренном в предыдущем разделе) *дәрваза* — ворота (из персидского) > *дәвзә*. Впрочем, К. Брокельман также приводит пару подобных примеров [85/64].

Следующую группу составляют примеры синкопы гласного при словообразовании. Здесь вступает в действие помимо прочих фактор лексикализации. В свою очередь, примеры данной группы можно разделить на подгруппы. Первая подгруппа — это слова, в которых синкопируется гласный внутри производящей основы. Примеры эти во многом близки примерам, рассмотренным в начале раздела. В первую очередь, это относится к образованию глаголов от имен: *ойун* — игра, *ойниди* — играл; *серік* — желтый, *сарғайди* — желтея; *улуг* — большой, *улғайди* — увеличивался; *орун* — место, *орнашти* — размещался (озвончение смычного свидетельствует об ассимилятивном действии не только гласного, но и смежного сонорного) [65/20, 74/15, 36/43, 19/370, 49/35]. Аналогичные примеры приводятся обычно и для других тюркских языков [64/78]. Встречаются также другие примеры изменения производящей основы при словообразовании, напр., *сүпрүнди* — мусор [63/168], производное от глагола *сүпәрмәк* || *сүпүрмәк* — подметать или собственное имя (в почтительной форме) *Арвака* < *Аруп-ака*. Отдельные примеры такого рода можно найти и в других тюркских языках.

Особо мы будем рассматривать случаи, когда синкопируется гласный, находящийся в исходе производящей основы, хотя принципиальной разницы между этой группой и предыдущей не должно быть. Напр., *жуқарқи* || *йуқарқи* — верхний и *жуқарлиди* || *йуқарлиди* — повы-

сил, производные от *йуқури* || *жуқури* — верх, вверх, Кашганов турфанск. *а:рла:* < *айрилай* — я отделись [23/101], а также Садвакасов ферганск. *қурғур* < *қуриғур* — проклятый [49/33]. Довольно много существует слов с выпадением гласных, восходящих к широким гласным, напр., *арлаш* — смешанный < *арилаш*, *арлаштуруп* — смешивать; *әрдайдү* — пилит < *һәридайдү*; *тәрбийлиди* — воспитывал < *тәрбийилиди* [3/121, 49/36], *қарчуғидәк* из выражения *көз қарчуғидәк* — как зеницу ока (*қара* + *чуқ* + *+и* > *қарачуғи* > *қарчуғи*) [45/403]. В последних примерах, как и во всех предыдущих, важным фактором является также количество слогов. Чем больше слогов в слове, тем сильнее редукция гласного.

Третий возможный случай синкопы гласного при словообразовании — это синкопа неконечного гласного в аффиксе. Единственный имеющийся в нашем распоряжении пример — глагол *вақирамақ* — напр., *вақирайдү* — кричит [16/292]. Э. Наджип приводит пример *билим* — знание и объясняет отсутствие синкопы в этом слове производностью основы [36/40]. Следует отметить, что данное слово, видимо, образовалось гораздо позднее слов, рассмотренных в начале раздела, и по своей семантике резко отлично от них. В других тюркских языках выпадение аффиксального гласного, видимо, встречается довольно часто, особенно в глаголах, как в аффиксах типа СГС, так и в аффиксах типа ГС [93/92, 15/210—211, 9/285, 85/64, 50/48].

Особого рассмотрения заслуживает выпадение конечного гласного основы при словоизменении. Явление это встречается довольно редко. Среди глаголов это сравнительно часто случается с глаголом *сора* — *сорди* — спрашивал — [92/553]; ср. также [93/95, 9/284] — и может быть с глаголами *вақир^иди* — кричал (основа *вақира*), *илжариди* || *илжайди* — распустил нюни, *қалчариди* || *қалчайди* — раскис, *лапчариди* || *лапчайди* — сидя развалился [63/84, /101, /118]. Некоторые из глаголов, имеющие в современном уйгурском языке слоговую структуру СГС, видимо, также имели в прошлом еще один гласный в конце основы по схеме СГСГ. Это достоверно известно относительно глагола *йүрмәк* || *жүрмәк* — бродить [93/95, 9/284, 58/41], а возможно, сюда следует присоединить и некоторые другие глаголы.

Подобное явление можно наблюдать и у существительных, напр., *бала + -лар > балилар > баллар* — дети, *кала + -лар > калилар > каллар* — коровы [93/95, 36/43, 16/292, 85/64] (выпадает гласный по происхождению широкий, и, видимо, выпадение облегчается позицией между двух *л*), *йуқарда || жуқарда* — наверху < *йуқури + да* (ср. [50/49]), *оттурсида* — в середине < *оттура + -си + -да* (гласный по происхождению широкий в позиции между двумя длительными, обладающими наибольшей абсорбирующей силой — *р* и *с*), *кишкә* < *киши + -гә* — человеку [49/36] (ср. пример К. Брокельмана *кисси* < *кишиси* — его жена [85/69]).

В заключение можно привести несколько примеров синкопы гласных словозменительных аффиксов, предшествующих другим словозменительным аффиксам: *һәммисиниң* — всего > *һәммисниң*, *ейтишичә* — насколько хватает < *ейтишичә*, *оттураду* — сидит > *оттурду* [49/36] (в последнем случае целиком выпадает морфемный элемент, образующий основу настоящего-будущего времени глагола и восходящий к аффиксу дееспричастия; он выражен широким негубным гласным).

Эпентезы внутри слова встречаются как исключение. Иногда они возникают для разрядки стечения согласных, напр., *совторгнолот* — совторгфлот [87/125], возможно, *домбура* — домбра [63/61]. (Ср. у К. Брокельмана *түрүкләр* — тюрки [85/66]; отметим, что разрядка стечения согласных происходит с таким результатом, что сочетание двух согласных относится к стыку второго и третьего слогов; см. аналогичные случаи ниже). Перед аффиксами, которые начинаются с двух согласных подряд, возникает препозитивный вокальный призвук, так же как перед одноконсонантными аффиксами, напр., *бур* — *биринчи*. Такой же призвук, видимо, образуется перед персидским аффиксом *-стан*, хотя это проявляется не в собственной орфографии тюркских языков, а в передаче соответствующих слов на русский язык: *Узбекистан*, *Туркменистан*, *Туркестан*. Так же, как в конце слова, один из двух имплозивных согласных в середине слова может становиться непроизносимым: *алға* < *алд + га*, *ишәшлик* < *ишәңч + лик*. Аналогичные примеры см. у Брокельмана [85/65] (правда, иногда он дает и противоположные примеры, когда смычный возникает как опорный

между двумя длительными — ср. русск. *страм, ндрав*, — затем перед вторым длительным развивается эпентетический гласный [85/66], возможно, то же в уйгурском: *домбура*).

Согласный *p* опять-таки является исключением. С одной стороны, это единственный согласный, к которому может примыкать аффикс понудительного залога *t*, если *p* замыкает собой производящую основу глагола: *чақиртти* — заставил позвать (аналогичные примеры у К. Брокельмана — [85/65]) С другой стороны, эпентеза может возникать также внутри сочетания двух согласных, в том числе и даже особенно часто в том случае, если одним из двух смежных согласных является звук *p*: *пабирик* — фабрика [71/71], *һәпирәңгүл* — выюн (растение) [17/280], *баталийон* — батальон [70/134] (У К. Брокельмана *отру* — напротив > *отуру* · · [85/66]). Наиболее распространенным случаем эпентезы являются слова с аффиксом *-рақ* (*-рәк*), обозначающим неполноту качества или действия: *аз* — мало — *азирақ*, *узун* — длинный — *узунирақ*, *еник* — понятный — *ениғирақ*, *махтинип* — хвастаясь — *махтинивирақ* [76/38, 17/186, /189].

Особо следует рассмотреть вопрос о метатезах типа СГ > ГС. Метатезы этого рода рассмотрены Т. Талиповым [77], большинство примеров которых приведены ниже. Такие метатезы можно рассматривать как сочетание синкопы с эпентезой. Особенно многочисленны метатезы с участием согласного *p*.

Издатели Ф. де Соссюра в своих комментариях указывают, что во французских словах типа *meurtrier, ouvrier* и т. п. конечные звуко сочетания *-trier, -vrier* в прежнее время составляли по одному слогу, как бы, впрочем, они ни произносились. Позднее они стали произноситься в два слога: *meur* — *tri* — *er*, с зиянием или без него, т. е. — <>>>> <<<<<< *trie* или — *trije*. Изменение произошло не через постановку «слогового ударения» на элемент *i*, а через превращение его эксплозивной артикуляции в имплозивную. То же самое имеет место в просторечном произношении *oubérier*, только здесь вместо третьего второй элемент переменил артикуляцию и сделался сонатным: <<<<> >>>> *uvrje* — *uvrje*. Потом перед сонатным (т. е. слогообразующим) *r* развился *e* [53/76].

Аналогичные примеры можно найти и в уйгурском языке. При этом стечение согласных часто перемещается от стыка первого и второго слогов к следующему стыку. Напр., *тәҗрибә* > *теҗирба* — практика, *меһрибан* > *меһирбан* — милосердный, *каһриман* > *қаһарман* — герой, *оғрылады* > *оғурлиди* — украл, *сәмриди* > *сәмирди* — жирел, *ағриди* > *ағирди* — болел, *буғради* > *бугарди* — делал надрез, *тоғриди* > *тоғурди* — резал, крошил, *сәкритти* > *сәкиртти* — разрешил прыгать, *өгрәтти* > *өгәртти* — учил, *сағриси* > *сағирси* — круп (лошади), *отрусидә* > *отурсида* — в середине, *тоғридики* > *тоғурдики* — относительно [77/82, /88—90, 85/67—68], *тоғрулуқ* > *тоғурлуқ* — относительно [3/136].

Наряду с этим встречаются неясные случаи или случаи, когда имеет место обратный процесс, — стечение согласных перемещается от стыка второго и третьего слогов к стыку первого и второго слогов, но таких случаев меньше: *шувурған* || *шивирған* > *шивриған* — метель, *йүгүртти* > *йүгүртти* || *жүгүртти* — заставил бежать, *қутурди* || *қутриди* — взбесился [77/88—90, /93—94], *қовурди* > *қо(в)руди* — жарил [17/292] *қайирди* > *қа(й)риди* — сгнбал [16/294], *тегирмән* > *тегримән* — мельница [90/145]. Формы *жәбирлиди* || *жәбрилиди* — мучил восходят к двум различным способам разрядки стечения согласных в арабском слове *жәбр* > *жәбрә* || *жәбир*, так что с диахронической точки зрения это не метатеза в собственном смысле слова.

Форма *қорғушун* — свинец восходит, видимо, непосредственно к монгольскому *қорғулчун* (указано Ш. Ч. Сатом; см. также [85/28]), поэтому форма *қоруғжин*, которая встречается у Махмуда Кашгарского [85/34, 77/91], свидетельствует опять-таки о переходе стечения согласных от первого слогового стыка ко второму, так же как слово *сәрәқкә* — спички (русс. диалектн. *серники*), хотя в двух последних примерах звук *р* играет несколько другую роль.

Подобные передвижки могут происходить и с участием других согласных, напр., *муслиман* > *мусулман* — мусульманин, *ағмихан* > *ағимхан* — хорёк, белка, хомяк, *һавшиди* > *һавушти* — лаял, *Бәхтихан* > *Бәхитхан* — имя собственное [77/82, /84—85, 85/66], *пелийтон* — русск. фельетон [*фел'йетон*] [70/134]. Можно столкнуться также

и с противоположно направленным процессом — переходом стечения согласных от второго стыка к первому: *тейилғак* > *тейлиғак* — скользкий, *мейизлик* > *ме(й)злик* — вкусный, *унутти* > *унтуди* — забыл, *ушатти* > *уштуди* — ломал. Неясной остается история слова *инчикә* — тонкий (в узбекском *ингичка*, в казахском *жіңішке*, у Брокельмана встречается в форме *инчкә* || *йинчка* [85/46]).

Иногда в процесс перестановки вовлекаются не два, а большее количество звуков. При этом, как и в предыдущих случаях, стечение согласных на первом слоговом стыке может устраняться или переходить на второй слоговой стык, напр., *сарғийип* > *сағирип* — пожелтев [36/43, 78/188], *пүркиди* > *пүркүрди* — прыскал, *сармусақ* || *сармисақ* > *самурсақ* || *саримсақ* — чеснок [85/67, 136, 78/186], или, наоборот, переходит от второго слогового стыка к первому: *тиңирқитип* > *тиңриқмайман* (от глагола *тиңирқимақ* — задумываться) [77/88—89] (в данном случае в порядке выравнивания распределения согласных).

В целом тенденция перехода стечения согласных от первого слогового стыка ко второму преобладает, обратные же примеры менее многочисленны. Можно предположить, что именно перед ударным слогом создаются условия для произношения энергоёмкого сочетания согласных. Рассмотрение же примеров, противоречащих этой основной тенденции, появление которых может объясняться частными особенностями различных конкретных сочетаний согласных, не входит в нашу задачу.

ДОПОЛНЕНИЕ. К ВОПРОСУ О ЗВУКЕ *p*

Звук *p* — один из самых своеобразных в современном уйгурском языке. Некоторым его свойствам посвящена работа Г. Садвакасова [48]. Нами ставится цель — еще раз сопоставить различные свойства этого звука, чтобы в какой-то степени привести их к общему знаменателю.

Спорные вопросы возникают уже с определения самого качества этого звука. В упомянутой выше статье, посвященной данному звуку в семиреченском говоре, Г. Садвакасов дает такое описание его артикуляции: «Сонорный дрожащий *p* в уйгурском языке образуется путем частого

смыкания или размыкания кончика языка с альвеолами верхних зубов. При этом фонационный ток воздуха заставляет кончик языка дрожать. Он отличается от русского *p*, а также от *p* ряда тюркских языков более слабой артикуляцией» [48/68]. В другой своей работе, посвященной уже говору ферганских уйгуров, он опять-таки определяет звук *p* как переднеязычный дрожащий сонорный [49/43]. Аналогичное определение дается в книге «Ғазирки заман уйғур тили» (раздел фонетики написан Т. Талиповым), где также оговаривается, что по сравнению с другими звуками работа органов при артикуляции этого звука слабая, ненапряженная [72/220].

Сюда же, видимо, можно отнести определение А. К. Боровкова. Он определяет уйгурский *p* как плавный дрожащий, который в положении на конце слова после гласного или перед последующим согласным основы является очень кратким, слабым, невибрированным; кончик языка находится в той же части твердого нёба, что при артикуляции звука *ə* [8/3]. Наконец, близкое к этому определение дает Г. Ярринг [87/104]. Он определяет уйгурский *p* как зубной дрожащий и притом глухой, как в английском. Одновременно он указывает, что звонкий *p* близкий к чешскому звонкому *p*, спорадически встречается в звукоподражаниях и призывных междометиях, но не является самостоятельным звуком речи (другими словами, является лишь вариантом фонемы) [87/101—104]. В этом употреблении терминов «глухой» и «звонкий» уже проявляется двойкий аспект понятия сонорности, о чем речь еще пойдет дальше.

Несколько иначе высказывается по этому вопросу В. В. Радлов. Он считает, что в тюркских языках наряду с альвеолярным дрожащим *p*, очень близким русскому *p*, существует увулярный («грассированный») *p*, артикуляция которого может быть описана следующим образом: мы готовимся произнести *x*, затем образуется срединный желобок языка, где язычок может лежать так, что он свободно двигается и в результате приводится струей воздуха в колебание. Этот грассированный *p* встречается только в илийском («таранчинском») диалекте [93/XVIII]. То же самое В. В. Радлов повторяет в другом месте: «*p* соответствует русскому *p*, только произносится у таранчей более картаво, как в парижском говоре» [44/XIII].

А. Т. Кайдаров пытается соотнести различные варианты звука *p* с различными уйгурскими диалектами [17/153, 18/77]. В самом деле, в разных диалектах *p* имеет много различных вариантов. В одних, согласно Э. Р. Тенишеву, он приобретает церебральный оттенок (ср. высказывание Г. Ярринга) — именно: в турфанском, яркендском, хотанском [59/138—139, /145]; в других дает шумный фрикативный альвео-палатальный вариант (который в современном уйгурском не является самостоятельной фонемой [59/138, /140, /144]), в-третьих, по Н. А. Баскакову, в илийском он является грассированным (это мнение, как явствует из приведенных данных, восходит к В. В. Радлову). Действительно ли в уйгурском языке существует язычковый *p*, аналогичный французскому или немецкому *p*? Хотя окончательный ответ на этот вопрос может дать лишь инструментальное исследование, представляется маловероятным, чтобы в одном диалекте существовал увулярный *p*, в то время как во всех других *p* является зубным, альвеолярным или церебральным, или даже альвео-палатальным шумным. Картавость уйгурского *p* не обязательно объясняется его увулярностью.

К этим прямым свидетельствам можно добавить некоторые косвенные. Согласно Г. Яррингу, в кашгарско-яркендском диалекте в сочетаниях *рд*, *рт*, *рн*, *рл* возникают супрадентальные *д*, *т*, *н*, *л*, которые остаются таковыми и в случае полного исчезновения *p* [87/106]. По мнению К. Менгеса, это объясняется влиянием увулярного *p* [89/372]. Однако если это явление действительно распространено, то оно скорее согласуется с гипотезой об ассимилятивном воздействии альвеолярного или церебрального *p*. Наконец, можно еще добавить, что китайский *p* дает в уйгурском языке в заимствованных словах *p*, на пример, *jen* (человек) — уйгурск. *рен* || *рин*, прежде всего в сложных словах, в частности, *дарин* — начальник [92/541] (у Пржевальского *дажэнь*).

Что касается других тюркских языков, то Э. В. Севортян указывает, что в огузских и узбекском языках звук *p* также отличается от русского *p* отсутствием сильной вибрации кончика языка. В определенных фонетических условиях он дает один или два удара, но в общем более близок к звуку, среднему между армянским и русским *p* в конце слова перед глухим согласным [51/28]. Можно еще

добавить, что, согласно Н. К. Дмитриеву, в тюркских языках уже довольно давно наметился процесс редукции имплозивного *p*, причем, если не считать чувашского, он особенно характерен для западных тюркских языков (напр., турецкого). Скорее, раскатистый *p* может сохраниться в языках, граничащих с монгольским (напр. казахском). В результате редукции *p* превращается в сплант, близкий к английскому *r* [12/7—11]. Видимо, понятие сонорности имеет два аспекта. Если один аспект — это участие в артикуляции голоса, связанное с работой голосовых связок, то в приведенных выше описаниях выступает второй аспект. Это то, что Ф. де Соссюр называл степенью раствора [53/67—69]. Картавость уйгурского *p* также составляется из двух компонентов: с одной стороны, его глухости, т. е. уменьшения роли голоса в его артикуляции, а с другой стороны, — его невибрированности.

Степень устойчивости звука *p* в слове может быть весьма различной. Имплозивный *p* в исходе слога, как правило, выпадает (см. главу II). В стечениях согласных в конце слова, когда *p* следует после смычного или другого опорного звука, он является эксплозивным и слогаобразующим и порождает эпентетический гласный, напр., *пикир* — мысль < *фикр* (см. главу I). Эпентеза может возникать и перед эксплозивным *p* в середине слова, напр., *пабирик* — фабрика, *камырақ* — маловато < *кам* + *-рақ*. Относительно эксплозивного *p* в начале слова известно, что плавные звуки, особенно *p*, не встречаются в начале исконно тюркских слов, а если заимствуется слово с начальным плавным, то во многих языках образуются протезы [93/93, 9/231]. Правда, наряду с этим, хотя и значительно реже, существует противоположный процесс, а именно, отпадение начального гласного, в частности, перед плавным [93/94]. Современный уйгурский язык принадлежит к числу языков, которые усвоили начальный *p* и включили его в свою фонетическую систему [48/68, 72/220]. Лишь, как исключение, встречаются метатезы типа *ормал* < *ромал* — платок [3/136, 77/84]. Слово *орус* — русский, скорее всего, пришло к уйгурам через посредство какого-то другого тюркского языка [2/123, 48/69].

Наблюдаются отдельные случаи выпадения *p* в интервокальной позиции с последующим стягиванием, напр.,

домсарақ > *домсақ* — мрачный человек (см. главу II), в связи с чем такая позиция может быть названа мнимо-эксплозивной. Г. Ярринг дает примеры регулярного выпадения *p* в интервокальной позиции, даже с сохранением хиатуса (см. главу III), напр., *қаа* < *қара* — черный [87/115]. Можно предположить, что это черта в первую очередь кашгарского говора.

В конце слова допускаются стечения двух согласных, если первым согласным является имплозивный *p*, напр., *шәрқ* — восток, *арт* — задняя сторона. Однако возможно также выпадение этого *p* или возникновение эпентетического гласного, напр., *шәрқ* > *шәрик* (см. главу II). Таким образом, имплозия заменяется эксплозией. Наконец, в некоторых случаях *p* может оказаться в исходе слога в связи с синкопой гласного, напр., *орун* — место, *орни* — его место (см. главу I). Следовательно, эксплозия заменяется имплозией. Несмотря на это, такой *p* оказывается устойчивым. Можно предположить, что такая устойчивость или способность производить эпентезу связана со своего рода напряженностью согласного.

Таким образом, в различных позициях в слове и в слоге согласный *p* может ослабляться или быть напряженным; он может также абсорбировать соседний гласный или, наоборот, производить эпентетический гласный.

В качестве еще одного примера можно привести чередование с метатезой *орта* < *оттура* — середина, средний. Можно думать, что отношение между *p* в первом слове, находящимся в конце слога, и *p* во втором слове, находящимся в начале слога, аналогично отношению между простым *t* в первом слове и геминированным *t* во втором. Поскольку экспериментальных исследований по этому вопросу не проводилось, пока не ясно, в каком отношении «напряженность» или «сонорность» находятся с «раскатистостью». Но такое переплетение различных противоречивых тенденций указывает на сильное варьирование качества звука *p* и его меры сонорности.

Рассмотрим случаи переходов звука *p* в другие звуки. Так же как предыдущие примеры, они указывают на неустойчивость звука *p*, а также дают основание для суждения о его относительной долготе и сонорности, наконец, указывают на стремление к сокращению того и другого, в особенности в некоторых позициях. В связи с одним при-

мером комбинаторного перехода Л. А. Аганина упоминает эвфонический фактор. По нашему мнению, правильнее говорить о принципе экономии или принципе наименьшего усилия, хотя эти термины также имеют свои недостатки. Следует помнить, что принцип экономии обозначает действие как минимум двух противоположных тенденций. Только одна из них может быть отождествлена с «эвфоническим фактором», причем последний фактор действует не спорадически, а пронизывает собой всю систему языка.

Фонетические переходы бывают спонтанные и комбинаторные. Спонтанные (термин не совсем удачен, но мы сохраним его ради традиции) переходы звука *p* в звуки *й*, *ж*, *л* [59/138, /140, /144 и др.; 18/77, /90—91] характерны главным образом для различных диалектов, причем они не являются ни равнозначными по распространенности, ни взаимоисключающими; они сильно разнятся по степени регулярности и в некоторых случаях носят спорадический характер. Тем не менее в совокупности они обозначают определенную тенденцию. По-видимому, *p* является наиболее сонорным из всех перечисленных звуков (в указанном ранее смысле), и, следовательно, общая черта всех этих переходов — некоторое снижение такой сонорности.

Относительно комбинаторных изменений следует заметить, что имеющиеся примеры слишком немногочисленны для определенных выводов. В слове *каладур* — коридор [49/43], совершенно аналогичном русскому примеру *коллидор*, произошел диссимилятивный переход *p* > *л*, как если бы существовала общая мера сонорности в слове, которая была превышена в результате появления двух *p*. Однако в слове *мусурман* — мусульманин произошел обратный переход *л* > *p*. В других словах *p* сохраняется, потому что оказывается более устойчивым, чем другие звуки. В слове *жэйран* — антилопа имплозивный *й*, как обычно, выпадает или ассимилируется эксплозивным *p*, так что Н. А. Баскаков дает это слово в форме *жарран*, характерной для ферганского говора, с двумя *p* на слоговом стыке [4/34]; ср. [22/63]. Слово *дарйа* — река, которое Г. Ярринг дает в форме *дейя* [88/83], встречается также в форме *дарра* (Садвакасов ферганск.) [49/56], видимо, с промежуточной ступенью *дэйра* [78/185, 49/64] и последующей ассимиляцией *й* > *p*, как в предыдущем примере.

Отметим, что подобная метатеза невозможна в слове *жәрйан* — в течение, ввиду его книжного характера. Наконец, то же сочетание *рй* появляется в сложном слове *төрйүз* < *төртйүз* — четыреста, причем стечение 3-х согласных в середине слова устраняется не за счет выпадения имплозивного *р*, а за счет другого дентального, шумного *т*.

В заключение рассмотрим еще одно явление в уйгурском языке, которое может кое-что добавить к характеристике этого звука. Подобно тому как в некоторых словах, в которых этот звук выпадает в конце слова или слога, он может восстанавливаться, если оказывается в процессе словоизменения в интервокальной позиции, напр., *са:* (коршун) — *сари*, *но:* (жёлоб) — *нори*, *тону* (печка) — *тонури* [48/74, 17/291], *р* может возникать как эпентеза и в таких словах, в которых он никогда не существовал раньше, главным образом в некоторых заимствованных словах, напр., *тоху* — курица > *тохури*, *сийа* — чернила > *сийари*, *по* — пушка > *пори*, *бала* — беда > *балари*, кино — кино > *кинори* и др. (наряду с *тохуйи*, *тохоси*, *кинойи*, *киноси* и т. д.). Явление это отмечалось многократно [65/23, 3/135, 74/45, 36/45, 48/75, 17/295]. В этом списке мы находим ряд арабизмов и фарсизмов, в которых благодаря отпадению конечного согласного, главным образом *h*, образуется долгий гласный в абсолютном исходе слова [3/135, 36/55]. Впрочем, Г. Садвакасов присоединяет к этому списку и такие слова, как исконно тюркские *қиро* — иней, *нэ* — вещь, а также *сулу* — овёс, *туму* — грипп и др. [48/75]. Это явление считается особенностью илийского говора [17/52], или илийско-семиреченского, но принято также и как литературная норма (за исключением русизмов типа *кинори* и др.) [17/295]. Как на причину этого явления авторы указывают в первую очередь на аналогию [48/74, 17/295]. Эту точку зрения можно назвать этимологической. Однако уже издавна существует и другая точка зрения, которую можно назвать функциональной. Она сводится к тому, что *р* служит для заполнения хиатуса и возникает в результате своего рода ротацизма. Эта точка зрения восходит уже к постановлениям научно-орфографической конференции 1930 г., где указывается на чередование *й ~ р* в соответствующей позиции (тогда это считалось нелитературным явлением).

[69/16]. Более четко и развернуто это сформулировано у Э. Наджиба [36/55] и А. Т. Кайдарова [17/295].

Вероятно, обе точки зрения не противоречат друг другу. Благодаря выпадению *p* в конце слогов, в фонетической системе языка оказалась функционально пустая клетка. В русском языке для заполнения hiatusа обычно используется *й*. В уйгурском языке указанный процесс свидетельствует о низкой информационной нагрузке звука *p*, и в качестве звука с низким информационным потенциалом он наряду с *й* употребляется для заполнения hiatusа. Кроме того, еще два фактора, видимо, играют здесь роль: количество слогов в слове и конечный гласный основы. Указанный эпентетический согласный очень редко получают односложные основы. По большей части такие основы бывают двусложными, иногда многосложными.

А. М. Щербак называет глухие шумные согласные сильными, звонкие — слабыми, сонорные — сверхслабыми. Таким образом, возможно, что чем дальше от начала слова, тем вероятнее появление сверхслабого *p*. Другой фактор — нетипичный конечный гласный основы. Круг таких слов вообще невелик. Но почти все они оканчиваются или на удлинённый *a* (*дунйа* — мир, *сийа* — чернила, *имла* — орфография, *бала* — беда; только *дэрийа* выступает в форме 1-го лица *дэрийам*, потому что в корне уже есть один *p*), или на *o*, который вообще редко встречается в непервых слогах (*кино*, *палто*, *қиро*), или на *y*, который также нетипичен в уйгурском языке в абсолютном исходе основы, в том числе существительных (*тоху*, *арзу*, *сулу*, *туму*).

Существует еще один пример эпентетического *p*, который вообще не может быть объяснен никакой аналогией. Это *p*, появляющийся перед некоторыми частицами — междометиями типа Г + *й* *нимэрай* — что же, *кэлдирай* — пришел же и пр. [3/135, 48/75]. Между прочим характерно, что в изолированном употреблении перед этими междометиями появляется протеза — сверхсильный *h*.

Все приведенные выше примеры указывают как на основное свойство звука *p* в уйгурском языке — на его исключительную «эластичность», способность менять свою длину и меру сонорности.

ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

УСЛОВИЯ ВЫПАДЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

Выпадение согласных в уйгурском языке, которое у некоторых авторов называется редукцией или рассматривается как таковая [36/40, 72/220, 90/144], описывалось в литературе многократно [69/25, 87/44, /113, 4/27, /34, 5/182, 3/131, 74/16, 36/40, /48, 16/294—295, 72/220, 54/79, 18/87, 17/291, 49/24, /53, 22/62—66]. Вообще выпадение согласных встречается и в других тюркских языках [9, 50, 67/23, 48/72], но выпадение данного состава согласных составляет одну из специфических особенностей уйгурского языка, потому что нигде больше оно не выражено так ярко [48/69, 49/53, 22/62].

Выпадают в первую очередь сонорные *p*, *л* и близкий к ним *й*, а также фарингальный *h*. Особенно бросается в глаза выпадение согласного *p*, как это было отмечено уже и самыми ранними исследователями уйгурских диалектов [97/3, 93/74, 40/6—7, 24/304, 25/31, 87/104, 30/310, 38/11]. Реже встречается выпадение других сонорных *н*, *ң*, близкого к сонорным в некоторых отношениях *в* и совсем редко гуттуральных *ғ*, *қ* и *к*. А. Т. Кайдаров дает несколько другую классификацию: а) регулярно выпадают *p*, *h*; б) менее регулярно *л*, *н*, *в*; в) эпизодически *й*, *к*, *т* [22/63]. Однако основания двух классификаций несколько различны. Выпадение некоторых согласных в заимствованных словах, отличное по своему характеру от выпадения согласных в исконно тюркских словах, было рассмотрено в предыдущей главе (раздел о конце слова) и здесь подробно не рассматривается.

Выпадение происходит в конце закрытых слогов (насколько мне известно, впервые это было сформулировано Э. Наджимом [36/40]), будь то в конце или в середине слова, как внутри нечлененных основ, так и в конце основы перед аффиксом. Как отмечалось, *p* особенно легко выпадает после широких гласных, в первую очередь после *a* [87/48, 25/31, 3/131]. Таким образом, мы имеем три признака классификации: 1) позиция в начале или в конце слова; 2) характер согласного; 3) позиция после того или иного гласного.

Середина слова. 1) Выпадение *p*. а) После *a*: *a(p)na* — ячмень, *a(p)қа* — спина, *a(p)ча* — можжевельник, *a(p)туқ* — свыше, *a(p)мут* — груша, *қа(p)ға* — ворона, *ма(p)жан* — бусы, *та(p)вуз* — арбуз, *йа(p)ғақ* — вытертые места меха, *ка(p)най* — труба, *қа(p)мақ* — удочка, *қа(p)чиға* — ястреб, *қар(p)лиғач* — ласточка, *на(p)лиди* — сослал, *ба(p)ди*, *ба(p)ған* — шел, пошел, *ба(p)му* — есть ли [93/74, 25/31, 30/310, 4/34, 3/131, 74/16, 16/294, 19/371, 72/220, 48/69—70, 17/292, 49/53].

б) После *ə*: *нə(p)сə* — вещь, нечто, *ə(p)тə* (Садвакасов ферганск. *e(p)тə*) — рано, *ə(p)кəк* — самец, *сə(p)гəк* — бодрый, *ə(p)гизсу* — паводок, *тə(p)лиди* — потел, *шə(p)лик* — городской, *бə(p)ди* — дал, *бə(p)сун* — пусть даст [30/310, 3/131, 74/16, 16/294, 72/220, 49/53].

в) После *o/ə*: *o(p)ма* — жатва, *o(p)ғак* — серп, *ə(p)мүләп* — ползая, *ə(p)дəк* — утка, *кə(p)сəт*, *кə(p)кəт* — покажи, *кə(p)гəн* — видевший [3/131, 19/371, 72/220, 48/69—70, 49/53].

г) Встречаются и примеры с узкими гласными, напр., *сү(p)най* || *сү(p)нəй* — флейта, *ту(p)ди* — стоял, *йошу(p)ди* — прятал, *ағду(p)ма* — опрокидной, *адаш-ту(p)ди* — ввел в заблуждение, *ти(p)мақ* — ноготь, *ши(p)қиради* — журчал, *теңи(p)қиди* — удивлялся, *вчи(p)қиди* — проголодался [87/46, 4/34, 74/16, 17/292, 48/71]. Однако Л. А. Аганина указывает, что в некоторых словах в этой позиции выпадение *p* носит факультативный характер (следует сказать, что выпадение согласных вообще носит факультативный характер — см. ниже): *жүди* || *жүрди* — ходил, *питинан* || *питирнан* — тонкая лепешка из теста на сале и молоке, а в некоторых случаях *p* вообще не выпадает: *пүрлүшүп кəтти* — измялся, *тəтүр-лүк* — строптивый, *гирвəк* — край, *гирдə нан* — лепешка с

отверстием в середине [3/131]. Г. Ярринг отмечает, что *р* удерживается в глаголе *урди* [87/45].

2) Выпадение *л*. Примеры выпадения второго плавного встречаются главным образом в исходе непронизводных глагольных основ при словоизменительной аффиксации [3/132, 49/53]: после *а*: *а(л)ма* — не бери, *а(л)миди* — не взял, *а(л)са* — если возьмет, *а(л)сун* — пусть возьмет, *а(л)ған* — взявший. Малов хамийск. *ағач* < *алғач* — взяв, *қа(л)ма* — не оставайся, *қа(л)са* — если останется, *қа(л)ған* — оставшийся, *ча(л)ма* — не играй (на музыкальном инструменте), *ча(л)са* — если будет играть, *ча(л)ған* — игравший, *тапа(л)мидим* — я не смог найти; после *э/е*: *кә(л)мә* — не приходи, *кә(л)сә* — если придет, *кә(л)сун* — пусть придет, *кә(л)гән* — пришедший; после *о*: *бо(л)ма* — не будь, *бол(л)са* — если будет, *бо(л)ған* — ставший, бывший; после *ы* — *қылмаймән* — я не буду делать, *қы(л)са* — если будет делать, *қы(л)ған* — делавший [87/50, 4/34, 38/12, 3/132, 74/18, 92/543, 16/294, 19/371, 72/219, 17/172, /292, 49/53—54].

Но аналогичное явление может встречаться и перед словообразовательными аффиксами: Садвакасов ферганск. *а(л)ғызды* — заставил взять, *қа(л)ғызды* — оставил, *ча(л)ғызды* — заставил играть, *кә(л)гүзди* — привёл, *бо(л)ғузди* — заставил быть, *ке(л)тирди* — привел, *са(л)ғуч* — деревянная коробочка, Малов хамийск. *ө(л)түрди* — убил [3/132, 92/543, 49/53—54]; и в непронизводных основах: *а(л)ма* — яблоко, *а(л)му(р)т* — груша, *йа(л)ған* — ложь, ложный, *қа(л)пақ* — шляпа, *па(л)ван* — богатырь, *хә(л)пәт* — наставник, репетитор, *о(л)тар* || *о(л)тур* — сядь, сиди (почти во всех случаях после *а*) [87/50, 4/34, 3/132, 92/543, 72/219, 49/53—54].

В некоторых случаях *л* удерживается. Причины этого не вполне ясны, возможно, иногда играет роль употребительность. Г. Садвакасов указывает несколько таких менее употребительных глаголов, напр., *күлмәк* — смеяться, *бөлмәк* — делить, *толмақ* — заполняться и др. [49/53—54]. Г. Моргенстерне дает примеры, видимо, для одного из окающих говоров кашгарского диалекта: *а°лтә* — шесть, *а°лма°* — яблоко [90/144]. Н. Ф. Катанов указывает, что *л* удерживается в притяжательной форме слова *хәлқ* — народ — *халқи* [24/304]. К. Менгес считает, что твердый *л* выпадает легче, чем средний *л* (по крайней

мере, в кыпчакских говорах узбекского) [89/366]. Л. А. Аганина отмечает, что в семиреченском говоре уйгурского *л* чаще выпадает перед *Ғ*, чем перед *г* [3/132]. Трудно решить, имеем ли мы здесь дело с определенной тенденцией или со случайным стечением обстоятельств. Ср., с одной стороны, *қа(л)ған*, *о(л)турди*, но *толған*, а с другой стороны, *кә(л)гән*, *ө(л)түрди* (хамийск. Малов), но *күлгән*.

3) Относительно выпадения *й* в исходе слога существуют две основные точки зрения. В. В. Радлов считал, что дифтонги типа *Г + и* (по его терминологии, узкие или *и-дифтонги*) существуют во всех тюркских языках («диалектах»): *ай* — месяц, *бай* — богатый, *алай* — я возьму, *эйт* — скажи, *той* — праздник, *қой* — баран, *өй* — дом, *көйдүр* — сожги и т. д. [93/20]. Вслед за ним о двугласных, т. е. дифтонгах, говорит Н. Ф. Катанов [25/31]. Г. Ярринг также говорит о дифтонгах и приводит примеры: *қайсы* — который, *болмайду* — не будет, *чилайду* — кукарекает, *ачмай* — не открывая, *дейду* — говорит, *кеймәк* — одевать, *кө:мәйду* — не видит, *оқойли* — давай учиться, *тонойду* — узнаёт, признаёт, *сүйкәнмәк* — тереть, *йүрүйду* — идет [87/63—64]. Однако он делает при этом оговорку, что разница между согласным *й* и неслоговым гласным *й* невелика. (Аналогичное замечание делает К. Брокельман [85/63—64]. На существование дифтонгов указывают также К. Менгес и О. Прицак [89/367, 92/541].

Наоборот, Е. Д. Поливанов считает, что и в исходе слога мы имеем не гласный, а согласный *й*: *қайси*, *болмайду* [42/150]. Точка зрения Е. Д. Поливанова, несомненно, оказала влияние на других советских авторов [3/133 и др.]. Априори можно предположить, что в импловивной позиции та же фонема дает другой вариант, чем в экспловивной, как это имеет место, напр., в русском языке, т. е. в результате ослабления *й* в исходе слога он приближается к гласному. Однако это, конечно, должно быть проверено с помощью экспериментальных исследований. В рамках нашей темы этот вопрос сводится к чисто терминологической разнице: если мы будем признавать существование дифтонгов, придется говорить о стягивании дифтонгов; если нет — то о выпадении согласного *й*. Однако в любом случае это приводит в общем к тем же результа-

там, что и при выпадении сонорных *р, л* или других согласных. (Сочетания гласный + сонорный иногда называются в литературе дифтонгическими сочетаниями). Выпадение *й*, по-видимому, встречается реже, чем выпадение *р* или *л* [87/52—53].

В большинстве примеров выпадающему *й* предшествуют широкие гласные [89/367]: *а(й)рим* — отдельный, *а(й)риди* — отделил, *а(й)рилип* — отделившись, *а(й)раламду* — сможет ли различать, *са(й)риди* — пел (о птицах), *ма(й)мун* — обезьяна, *қа(й)си* — который, *А(й)шәм* — женское имя собственное, *қа(й)ча* — ножницы, *қа(й)-чан* — когда, *йаша(й)турди* — омолаживал, *мә(й)рәм* — праздник, *пә(й)да* — появление, *алекеселам* < *алейкум-сәләм* — формула приветствия, *бо(й)ра* — цинновка, *һо(й)ла* — двор, *оханди* — проснулся (< *ойғанди*), *оһақ* — бодрствующий (< *ойғак*), *ө(й)ләнди* — женился, *бу(й)риди* — приказал, *бу(й)руқ* — приказ, *қу(й)руқ* — хвост, *жу(й)ди* — мыл, *ухлиди* — спал (< *уйқулади*) [87/53, 4/34, 3/134, 79/23, 74/18, 36/43, 16/294, 72/211, 17/291—292, 49/54].

4) Аналогичный вопрос можно поставить относительно сочетания гласных с губными звуками. В. В. Радлов выделяет группу лабиальных дифтонгов со вторым губным компонентом [93/19]. Г. Ярринг также дает примеры с подобными дифтонгами: *оу* — охота, аффикс числительных *-өүлән* || *-өвлән*, *даулет* — богатство [87/64]; см. также [92/541]. Наоборот, Т. Талипов, А. Т. Кайдаров, Г. Садвакасов указывают лишь на губно-зубной в [72/208, 17/292, 49/25]. Соответственно Г. Ярринг (а за ним и О. Прицак) говорит о стягивании дифтонгов, а другие авторы — о выпадении согласного. Примеры: *сода* — торговля (< *савда*), *оқат* — продовольствие (< *авқат*), *о(в)лиди* — охотился, *о(в)чилиқ* — охота как занятие (производные от *ов* < *ав* — охота), *дөләт* — государство (< *дәвләт*), *дөрән* — эпоха (< *дәврән*), *иккөлән* — вдвоем (< *иккәвлән*), *до(в)сун* — мочевой пузырь, *то(в)лиди* — кричал, вопил, *со(в)ға* — подарок, *һу(в)лиди* — выл, *тү(в)руқ* — столб [87/64, 8/8, 74/18, 56/15, 17/291—292, 49/25, /40, /51]. При этом в одних случаях происходит изменение качества гласного (лабиализация), в других — нет. Но само по себе изменение качества гласного не является признаком, отличающим дифтонги от недифтонгов.

Изменение качества гласного свойственно всем подобным сочетаниям гласного с исчезающим согласным.

5) В имеющихся примерах выпадения *h* согласному предшествуют разные гласные: *ха(h)лайду* — желает, *Ша(h)задихан* — имя собственное, *сэ(h)ра* — пустыня, *ме(h)ман* — гость, *ко(h)на* || *кө(h)нә* || *кӧ(h)нә* — старший, *тә(h)мәт* — клевета, *и(h)тийат* — осторожность > *е:тийат*, *иһтимал* — вероятно > *е:тимал* [38/12, 3/133, 74/18, 57/177, 72/213].

Абсолютный исход слова после гласного. 1) Выпадение *p* в конце слова отмечают многие авторы [24/304, 87/104, /113, 30/310, 38/11, 74/16, 79/22, 92/542, 49/43, /53, 48/69, 22/64]. В частности, это явление наблюдается в позиции после *a* и вообще широких [25/31].

а) Выпадение *p* в позиции после *a*: *қа(p)* — снег, *та(p)* — узкий, *йа(p)* — обрыв, *база(p)* — рынок, *дута(p)* — музыкальный инструмент, *ана(p)* — гранат, *қошқа(p)* — баран, *чина(p)* — пестрый, пятнистый, *Куча(p)* (топоним) [40/6—7, 24/304, 25/31, 87/104, 30/310, 4/34, 3/133, 74/16, 16/294, 49/53]. Л. А. Аганина отмечает, что *p* удерживается в персидском аффиксе *-дар/ -тар*, а также в некоторых случаях, когда его сохранение препятствует омонимии, например *баһар* — весна — ср. *баһа* — цена [3/131—132]. В. М. Насилов также указывает, что *p* сохраняется в некоторых заимствованных словах, напр., *қа-рар* — постановление [38/11]. Вероятно, книжный стиль вообще способствует сохранению *p*. Впрочем, Г. Ярринг дает последнее слово в форме *қаа:им* [87/60], где оба *p* выпадают даже в интервокальной позиции.

б) Выпадение *p* в позиции после *ә*: *ә(p)* — мужчина, *һә(p)* — каждый, *кәптә (p)* — голубь [87/48, 65/22, 3/131]. Л. А. Аганина, однако, приводит примеры сохранения *p* в этой позиции, главным образом в заимствованных словах: *әгәр* — если, *шәһәр* — город, *хәвәр* — известие, *тамагәр* — ненасытный, жаждущий.

в) Наблюдаются случаи выпадения *p* после губных широких: *то(p)* — сеть, *һо(p)* — пар, *кө(p)* — смотри [3/131, 48/70].

г) Имеются также примеры выпадения *p* после узких гласных, в частности после *y/у*: *амбу(p)* — клещи, *төмү(p)* — железо [4/34, 16/294]. Одновременно Л. А. Аганина дает примеры факультативного выпадения *p* в

этой позиции в словах *томур* — корень, кровеносный суд, *қотур* — чесотка, *чамғур* — редька, *жимғур* — вальс, а также примеры сохранения *p*: *нур* — луч, *қур* — строчка, *жавур* — большая тарелка, *зарур* — необходимый, *жүр* — ступай, *мөлдүр* — град [3/131, 38/11].

д) Примеры выпадения *p* после *и*: *чи(p)* — вход, *қәчи(p)* — мул, в заимствованиях из русского *мети(p)* — метр, *иниспектир* — инспектор [4/34, 49/53]. В то же время Л. А. Аганина приводит примеры факультативного выпадения *p* в этой позиции в словах *хеми(p)* — тесто, *лахишиги(p)* — щипцы для угля, а также примеры сохранения *p*: *кир* — край, *сир* — тайна, *идир* — бугор, холм, *назир* — сейчас, *әйтәвир* — вообще, *накавир* — гордец [3/131, 38/11].

2) Выпадение *л* в абсолютном исходе слова встречается редко. Если не считать лично-указательных местоимений, о которых будет сказано ниже, мы можем привести в качестве примера лишь прилагательные с аффиксом *-мтул*, обозначающие оттенок цвета, напр., *қарамту(л)* — черно-бурый (масть лошади) [3/132] и употребительное слово *кә(л)* — пойдь сюда, подойди [16/294, 72/219]. Л. А. Аганина приводит еще пример *сәпкәл* — сыпь, веснушки [2/293]. Однако, скорее, дело здесь в чередовании аффиксов при глаголе *сәпмәк* — сыпать (ср. *өткәл* — переправа).

3) Почти так же редко встречается выпадение *й* в этой позиции: *хита(й)* — китаец, *қила(й)* — я сделаю, *а(й)рила(й)* — я отделюсь, *сора(й)* — *сора(й)* — спрашивая и переспрашивая [23/96, 25/31, 3/134, 17/292]. Во всех этих примерах *й* предшествует *а*. В настоящее время в орфографии языка советских уйгуров принято написание *әдәбий* и т. п., но это, скорее, чисто орфографический прием для различения морфологических категорий, чем отражение фонетического явления.

4) Как отмечают, *в* в конце слова встречается вообще очень редко [72/208, 49/40] и, как правило, выпадает: *ав || ов* — охота (у Ярринга и Прицака с неслоговым *у* или губно-губным *в* [87/64; 92/541]), *йав* — враг, *мав* (*в* выражении *мав болуш* — течка — о кошке), *мойлав* — большие усы, *бирәв* — кто-либо, *дәрәв* — сразу, *қув* — хитрый, *аққув* — лебедь [56/12, 76/15, 49/40].

5) Выпадение *h* в абсолютном исходе заимствованных слов является **правилом**: *сийа(h)* — чернила, *гийа(h)* — растение, *гуна(h)* — грех, *гува(h)* — свидетельство, *ника(h)* — бракосочетание, *хамра(h)* — спутник, *сипа(h)* — солдат, *падиша(h)* — царь, *эрва(h)* — душа умершего, *ро(h)* — дух, *танби(h)* — выговор [87/112, 4/33, 3/133, 74/18, 19/367, 57/177, 72/213, 17/285, 22/64]; ср. также [50/290]. Почти во всех этих примерах *h* следует после широкого гласного *a*, хотя возможно, что на сей раз это чисто случайное совпадение. Промежуточное положение между выпадением *h* в середине слова и в конце занимают примеры с выпадением согласного на стыке компонентов устойчивых словосочетаний, напр., *агаһ бол* — будь осторожен [57/177].

Предпоследний согласный в имплозивной позиции в слоге. Если слог имеет структуру $\overset{<4>}{\text{C}}\overset{>3}{\text{C}}\text{C}$, согласный, отмеченный цифрой 2, может выпадать: *ча(р)қ* || *ча(р)х* — колесо, *дэ(р)т* — горе, *тө(р)т* — четыре, *а(л)му(р)т* — груша, *ха(л)қ* — народ, *е(й)т* — скажи, *бэ(һ)с* — пари, спор, *пэ(һ)м* — соображение, *а(л)тмиш* — шестьдесят, *ха(л)қта* — у народа, *ха(л)хлар* — люди [24/304, 87/113, 4/34, 74/18, 92/543, /547, 72/211, 85/87, /160].

В тех же основах, в которых *р* или *л* выпадает в конце слога, они сохраняются, если оказываются в интервокальной позиции, напр. *қа(р)* — снег — *қери*, *ана(р)* — гранат — *анирим*, *база(р)* — базар — *базири*, *қата(р)* — ряд — *қатар*, *таға(р)* — мешок — *тағари*, *қапа(р)ған* — вздувшийся, воспалившийся — *қапирип*, *йә(р)* — земля — *йери*, *амбу(р)* — щипцы — *амбурум*, *атқу(р)ди* — выполнил — *атқуруп*, *ағду(р)ма* — опрокидной — *ағдуруп*, *адашту(р)ди* — ввёл в заблуждение — *адаштурулди*, *кому(р)* — уголь — *комури*, *қәчи(р)* — мул — *қечири*, *а(л)ған* — взявший — *алиду*, *кә(л)гән* — пришедший — *қелиду* [24/304, 4/34, 38/11, 3/132, 48/70, 22/65].

Выпадение *н* проявляется в более узкой сфере, нежели другие аналогичные процессы [3/132—133, 92/543]. Оно наблюдается в стечениях согласных в конце некоторых заимствованных слов (хотя имеется альтернативный процесс) (см. главу I) и в некоторых высокочастотных морфемах — аффиксах и служебных словах. Сюда относятся личные аффиксы первого и второго лица некоторых глагольных времен — *мән*, *-сән*, напр., *алимә(н)* — я возьму,

бариса(н) — ты пойдешь, *окуйма(н)* — я учусь, *окамса(н)* — будешь ли ты учиться, *ала(р)ма(н)* — я, может быть, возьму, *берә(р)ма(н)* — может быть, дам, *а(л)масма(н)* — я (наверняка) не возьму, ферганск. *билмейма(н)* — я не знаю [4/33, 65/23, 74/18, 16/294, 17/292, 49/44, /54]. В ферганском говоре это имеет место и в аффиксе исходного падежа, напр., *уйда:* — из дома, *анна: кен:н* — после того [49/54].

Из частиц это явление захватывает прежде всего частицу *екән* (*икән*, -кин), напр., *йохыкә:* (<йоқ екән), *көпикә* (<көп екән), *келдимики* — пришел ли, *чүштимки* — упал ли [17/292, 49/44, /54]. Возможно, сюда относятся также послелог *билән*, который, как предполагают, имеет общее происхождение с другим послелогом *биллә* [17/172, 49/44, 11/280, 85/182] (в уйгурском оба варианта получили разные стилистические оттенки, в результате чего могут образовывать вместе составной послелог). Г. Садвакасов дает также пример для ферганского *ке:* < <кейин — потом [49/54]. Выпадение согласного *н* при стечении согласных в конце некоторых заимствованных слов было рассмотрено в предыдущей главе.

Выпадение *ң* наблюдается почти исключительно в аффиксе *-ни(ң)ки* [19/367, 76/34, 72/218, 49/48]. Правда, Г. Садвакасов приводит для ферганского говора также формы родительного падежа с выпавшим *ң* [49/54]. Выпадение *ң* можно предположить также в слове *чоңқур* || *чуқур* [37/395, /401]. По-видимому, здесь намечается семантическая дифференциация: *чоңқур* — 1) глубокий, 2) яма, ров, впадина; *чуқур* — впадина, котловина, яма. Однако возможно, что дело здесь во влиянии различных других языков, потому что в узбекском мы имеем также *чуңқур*, а в киргизском *чуқур* [67/29].

Явление выпадения согласных свойственно, видимо, не только илийскому и кашгарскому говорам, но большинству диалектов уйгурского языка [3/132, 17/169]. До известной степени исключениями являются, быть может, лишь хамийский говор, в котором *р* часто удерживается, да лобнорский диалект, в котором *р* не выпадает, а переходит в *й* [17/171].

Выпадение гуттуральных, играющее значительную роль в других тюркских языках, в уйгурском языке, видимо, встречается почти исключительно в диалектах.

Г. Садвакасов приводит для ферганского говора примеры: *йақымли* — приятный, *ом беш йэшли* — 15-летний, *пэкэнэ* — низкорослый (литературн. *пэкинэк*), *тэштэ* — таз для стирки белья (*тэштэк*), *гичжэ* — завитые колечками волосы (<*гөжжэк*), *сувачилық* — профессия штукатура (<*сувақчилық*), *то:рақ* — осокорь (<*тоғрақ*) [49/25, /54—55]. Нечто подобное имеет место, видимо в хамийском говоре: *ба:лап* — связав (<*бағлап*), *а:рылды* — получил повреждение (<*ағрилди*), *о:лы* — его сын (<*оғлы*), *мә:тап* — школа (литературн. *мәктәп*) [92/540—541, 17/170].

Выпадение гуттуральных в уйгурском объясняется, видимо, влиянием других тюркских языков, для ферганского говора, в частности, влиянием узбекского (ср. узбекск. *ёқимли*, *ёшли*, *пакана*). Встречаются единичные примеры выпадения других смычных: *па:ша* — царь (<*падша*) [49/29], *көрүк* — мост (<*көпрүк*) [22/66].

ПРИЧИНЫ ВЫПАДЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

Причины выпадения согласных в исходе слога могут быть различными. Большинство этих согласных относится к сонантам, которые, по классификации А. М. Щербак, являются сверхслабыми [66/97] (*й* и *в* также в какой-то степени близки к сонантам, а с другой стороны, они близки к неслоговым компонентам дифтонгов *и* и *у*). Кроме того, импловивная позиция в конце слога также является, видимо, слабой (нечто подобное имело место в древнеславянских диалектах, в современном английском и других языках). Правда, *h* по той же классификации должен бы быть отнесен не к слабым, а скорее к сильным или даже к сверхсильным. Для уйгурского языка не является характерным выпадение гуттуральных, сыгравшее значительную роль в истории некоторых других тюркских языков; *h* является исключением, по-видимому, потому, что он вообще сравнительно чужд тюркским языкам, в особенности в позиции в исходе слога. Впрочем, Т. Талипов отмечает, что эта позиция является слабой и для этого звука [57/177].

Предпочтительное выпадение *p* после широких гласных Л. А. Аганина объясняет следующим образом: чем более устойчивым (долгим) является гласный, тем ме-

нее устойчив согласный, и наоборот [2/293]. Это согласуется с законом контрастной корреляции количества (см. ниже).

А. Т. Кайдаров и другие авторы отмечают трудно объяснимую нерегулярность данного фонетического процесса. Например, в слове *қарға* — ворона *р* выпадает, а в слове *қарғу* — слепой он удерживается. Сохраняется он также во многих односложных словах, напр., *тар* — узкий, струна, *тәр* — пот, *һәр* — каждый [22/64]. Еще сильнее это дает себя знать в диалектах [18/88]. Поэтому А. Т. Кайдаров предпочитает говорить не о строгой закономерности, а о типичности данного явления.

В процессе перехода от позиционного чередования к непозиционному историческому любой фонетический процесс проходит ряд ступеней. Явление выпадения согласных свойственно главным образом устной и разговорной речи [69/25, 87/50, /113, 79/22, 18/87, 48/69, /77, 22/62]. На письме это не отражается [36/40]. Здесь можно отметить два противопоставления: во-первых, просторечия и орфоэпической нормы литературного языка, а во-вторых, речи и письма. Другими словами, данное явление характерно, с одной стороны, для просторечия, а с другой стороны, является орфоэпической нормой литературного языка [16/294, 48/70, /77].

Г. Ярринг указывает, что выпадение *р* является в значительной мере факультативным [87/48, /114; также 90/144]. Это можно распространить и на другие согласные. Отсюда дублеты: *пака* || *пакар* — низкий, низкорослый, *қәптә* || *қәптәр* — голубь, *дәләт* || *дәвләт* — государство, *жу:мақ* || *жуймақ* — мыть, *зә:гачи* || *зәргарчи* — золотых дел мастер, *шәһә:* || *шә:р* || *шә:* [17/293, 22/64].

Относительно в Ч. Г. Сайфуллин, правда, указывает, что этот звук не произносится в семиреченском говоре, и на этом основании предлагает вообще исключить его из орфографии [74/18].

Л. А. Аганина приводит примеры, когда *р* считается выпавшим окончательно и притяжательная форма 3-го лица образуется с помощью аффикса *-си* (в просторечии): *база* (*р*) — *базаси*, *маза* (*р*) — могила святого — *мазаси* (в позиции после *а*) [3/132]. К. Брокельман приводит аналогичные примеры с выпадением *һ*: *гуна* (*һ*) — *гунаси*, *падиша* (*һ*) — *падишаси* [85/48]. В отличие от сонорных *һ*

не восстанавливается в интервокальной позиции, однако в семиреченском говоре существует и другой способ избегания хиатуса в этом случае, именно: на месте *h* в интервокальной позиции возникает *p* (см. выше).

Еще один фактор, который, по-видимому, играет роль в таких случаях — это употребительность. В некоторых особо употребительных морфемах и словах процесс выпадения согласных начался, возможно, раньше и проявляется более последовательно. Прежде всего, сюда можно отнести морфему 3-го лица настоящего-будущего времени глагола *-ду*, восходящую к *-дур*. Это отмечалось всеми авторами, начиная с первых исследователей уйгурского языка и кончая современными [40/6—7, 87/115, 49/53]. По-видимому, в глагольном аффиксе тенденция к выпадению *p* гораздо сильнее, нежели в предикативной частице того же происхождения, употребляемой в предложениях с именным сказуемым. Сюда же можно отнести аффикс причастия будущего времени *-диган*, восходящий к *-дурган* [49/53].

Далее, сюда можно отнести аффикс множественного числа существительных *-лар/-лэр* [40/6—7, 74/16, 16/294, 49/53, 48/70] и аффикс другого причастия будущего времени *-ар/-эр*, в особенности в разных производных формах, образованных с его участием, напр., *бола(p)* — будет, *таша(p)* — переполнит, *кетэ(p)* — уйдёт, *үш йаша(p)* — трехлетка [87/48, 3/131, 49/53], а также *журэ(p) миз* — отправимся, *туратти* — стоял бы (< *турар еди*) [49/53], наконец, аффикс понудительного залога *-тур/-дур* [49/53]. Из отдельных слов сюда можно отнести прежде всего те, которые восходят к формам глагола *эр/-ер-* — быть: *еди*, *екән*, *емиш* [87/45], см. также [85/266]. Правда, ряд авторов свидетельствуют, что в Кашгаре *p* иногда сохраняется под влиянием книжной традиции: *ерди* [92/549, 17/171]. Далее, сюда относится слово *би(p)* — один [87/49, 30/310, 3/131] (Л. А. Аганина подчеркивает, что это характерно для словосочетаний, в которых *би(p)* предшествует другому слову — *би(p) дәм*, *би(p) машина*) и, наконец, слово *ба(p)* — есть, имеется (в частности, в сочетании *ба(p)му* — есть ли) [30/310, 74/16, 16/294, 49/53].

Из примеров выпадения *л* можно указать на формы *бу(л)* — этот, *шу(л)*, *у(л)* — тот [87/49—50, 3/132,

72/219]. В современном уйгурском языке процесс выпадения *л* завершился. Правда, О. Прицак всё-таки приводит форму *ул* [92/549].

Следует отметить попытки связать также выпадение согласных с характером следующего согласного. В этом вопросе еще много неясного. Согласно Г. Яррингу, *р* выпадает в сочетаниях *рд*, *рт*, *рс* (*кө(р)дүм* — я увидел, *кө(р)сәм* — если я увижу, *тө(р)түнжи* — четвертый и др.), а также в сочетаниях *рғ* (напр., *йа:ғодек* и др.), *рқ* (*қо:қуп* — боясь и др.), *рг* (*чө:гүләй* — я буду кружиться и др.), *рк* (*көркетти* — показал), *рх* (*ча:хи* — его колесо), *рй* (*дейениң* — реки и др.), *рч* (*на:чилан* — раздробив и др.), *рм* (*кө:мәсәм* — если я не увижу и др.), *рп* (*ки:пә* — ёж) [87/45]. Этот перечень, к которому на основании вышеприведенных примеров можно добавить еще слова с сочетаниями *рн* (*карнай*), *рл* (*тәрләп*), *рв* (*тарвуз*), не показывает нам тяготения к какой-либо определенной группе звуков.

Более определенные наблюдения можно сделать над сочетаемостью подверженного выпадению *л*. Однако это может объясняться тем, что основная масса примеров этого рода приходится на глаголы с односложной основой, оканчивающейся на *л*. Поэтому в качестве примеров приводятся главным образом формы с аффиксами, начинающимися на *ғ*, *г*, *м* и *с* (см. выше). Впрочем, это явление можно отметить и в позиции перед другими согласными, в частности, т. Г. Садвакасов отмечает, что в позиции перед *д* *л* сохраняется: *а:ғызды*, *қа:ғызды*, *бо:ғызды*, *ча:ғызды*, но *алдурды*, *қалдурды*, *болдурды*, *чалдурды* [49/53]. Однако он тут же дает пример *кетирди* (<*кәлтурди*). У М. Хартмана имеется пример *не:да* (*нейда*).

О выпадении *й* следует сказать, что большинство примеров относится к позиции перед *р*, хотя это явление наблюдается и перед другими согласными [79/23, 16/294, 72/211]; *һ* выпадает перед любым согласным.

По мнению Л. А. Аганиной, играет роль еще один фактор — количество слогов в слове. Наиболее часто *р* сохраняется после узких гласных в конце односложных слов [2/293].

Выпадение согласных отмечается уже в древних памятниках [22/62]. А. Т. Кайдаров указывает, что по памятникам нельзя судить о действительных масштабах распро-

странения явления, потому что процесс начинается с устной речи. Характерно, что в первую очередь он проявился в наиболее употребительных словах и морфемах, т. е. в формантах и служебных словах.

Как уже отмечалось выше, выпадение согласных наблюдается и в других тюркских языках, хотя оно имеет там другой характер. Выпадение плавных не так сильно выражено, зато видное место занимает выпадение гуттуральных [51/52]. Так же как в уйгурском языке, имеет место образование заместительной долготы, которая тоже обнаруживает склонность к редукции [93/72, 51/51—52]. Выпадение плавных имеет место главным образом в немногих наиболее употребительных морфемах и словах. Выпадение *p* в глагольном аффиксе 3-го лица *-дур* || *-ду* || || *-ды* известно во многих языках [11/279]. Иногда это наблюдается в аффиксе множественного числа [11/280]. Довольно древним представляется выпадение *p* в различных формах глагола *ар* — быть и в произошедших от него частицах [11/280, 85/266], а также в послелого *бир-лэн* [85/37, /182—183, 11/280]. В разных тюркских языках можно найти и другие подобные примеры [93/74, 85/37, 51/43, 11/279, 50/289, 67/30].

Выпадение *л* наблюдается прежде всего в тех же указательных местоимениях *бу(л)*, *шу(л)*, *у(л)* [89/366, 3/132], в формах глагола *бол* — становиться [89/366, 11/279], в глаголах *олтур* [3/132, 67/29], *келтур* [85/37, 11/279] (в разных фонетических формах, которые принимаются ими в различных тюркских языках) и в других случаях [11/279, 50/289, 67/30].

О выпадении *й* (или стяжении дифтонгов) Л. А. Агашина отмечает, что это редкое явление в других тюркских языках. Б. М. Юнусалиев дает ряд примеров параллелей, в которых простому гласному того или иного тюркского языка соответствует дифтонг в туркменском: *ун* > *үйн* — голос, *һүрмәк* > *үйрмәк* — лаять, *чиримәк* > *чүйремәк* — гнить, *түкүрмәк* > *түйкүрмәк* — плевать (для простоты первое слово каждой пары мы приводим в его уйгурской форме, хотя здесь для нас важнее другие тюркские языки, нежели уйгурский). Отсюда он делает вывод, что простые гласные в приведенных словах образовались в результате стяжения дифтонгов, сохранившихся в туркменском, так же, как это происходит в современ-

ном уйгурском языке [67/28]. Однако, возможно, дело обстояло как раз наоборот: туркменские дифтонги образовались из древних долгих гласных, которые в других тюркских языках подверглись редукции. Ср. уйгурск. *йайрим* < *йа:рим* < *йарим* — милая (см. ниже).

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫПАДЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

Выпадение согласных сопровождается, как правило, образованием заместительных долгот в предшествующих гласных. Это явление отмечается для согласных вообще [87/50, 4/34, 79/15, 36/48, 80/160—161, 54/79, 17/291, 49/23] и в особенности для согласного *p* [25/31, 30/310, 87/44—45, /49, /104, /113, 8/3, 3/131, 92/540, /542, 36/40, 48/72]. Эти долготы определяются как на слух, так и с помощью экспериментальных исследований [80/161, 54/22] и, видимо, являются такой же принадлежностью орфоэпической системы языка, как и выпадение согласных, следствием которого они явились [79/15, 49/23]. Так же как выпадение согласных, долготы связаны с подъемом гласных, а именно: у широких гласных долгота выражена резче [87/48, 3/132, 17/169, /291].

Примеры образования долготы на месте *p*: *қа:ға* — ворона, *та:тиду* — тянет, *ба:ди* — пошёл, *қа:лиқ* — письмо по случаю первого снега, *ба:ған* — отправился, *ба:му* — есть ли, *база:* — базар, *ана:* — гранат, *ба:* — иди, *Куча:* (топоним), *дута:* — дутар, *бола:* — будет, *чина:* — пёстрый, пятнистый, *адамла:* — люди, *адамла:ма* — люди ли, *э:гиз* — талая вода, *э:тэ* — рано, *э:тигән* — утром, *нэ:сэ* — вещь, *кимэ:сэ* — кто-нибудь, *уйэ:дэ* — там, *бэ:ди* — дал, *бэ:гән* — давший, *бэ:сун* — пусть даст, *зэ:дан* — желчь, *э:* — муж, *сәһэ:* — заря, *кәптэ:* — голубь, *өйлэ:* — дома, *этмишлэ:* — поступки, дела, *о:ма* — жатва, *о:ғак* — серп, *о:дасиға* — во дворец, *го:дин* — из могилы, *э:дәк* — утка, *тө:т* — четыре, *тө:тинчи* — четвертый, *кө:дүм* — я видел, *кө:сәм* — если я увижу, *ту:ди* — стоял, *ту:ған* — стоявший, *балду:қи* — давешний, *ки:ди* || *чи:ди* — вошёл, *чи:мақ* — подножка, *би:* — один, *қ^уқи:ди* — звал [25/31, 87/45, /49, 30/310, 4/34, 3/131, 79/22, 92/540, 36/40, 54/79, 72/194, 17/169, /291, 49/24]. Согласно Г. Яррингу, образование долгот зависит также от последующего согласного. Перед *t*, *s* долготы образуются реже

чем перед *д*. В конце слова долготы образуются только после *а* [87/45, /48].

Примеры образования долготы на месте *л*: *а:ма* — яблоко, *а:майман* — не возьму, *қа:сун* — пусть останется, *қа:ғалла* — оставшиеся, *кә:* — подойти, *о:тумақ* — сидеть, *о:та* — садись, *бо:саң* — если будешь [92/540, 17/291, 49/24].

Примеры образования долготы на месте *й*: *а:рилип* — отделившись, *са:раған* — певший (о птице), *са:раң* — пой, *қа:си* || *қа:су* — который, *ча:нап* — жуя, *қа:чи* — ножницы, *ча:қап* — полоща, *мә:рәм* — праздник, *бо:ра* — циновка, *ө:ләнди* — женился, *бу:руқ* — приказ, *бу:риди* — приказал, *қу:руқ* — хвост, *жу:мақ* — мыть [23/96, 25/31, 3/134, 92/541, 49/24—25]. Любопытно, что в некоторых случаях может, по-видимому, развиваться обратный процесс, т. е. из долгого гласного развивается дифтонг: *йа:рим* — любимая, любимый (экспрессивное удлинение гласного) > *йайрим* [17/295].

Примеры образования долготы на месте *в* (*у*): *о:* — охота, *со:да* — торговля, *дө:ләт* — государство, *до:сун* — мочевой пузырь, *то:лиди* — кричал, *тү:рук* — столб [8/8, 92/541, 17/291—292, 49/25, /51].

Примеры образования долготы на месте *һ*: *ха:лайду* — желает, *га:* ... *га:* — то ... то, *гуна:* — грех, *гува:* — свидетельство, *һәмра:* — спутник, *падиша:*, *патша:* — царь, *рә:мәтлик* — покойный, *Зо:ра* — женское имя собственное, *Ме:рван* — женское имя собственное (< *Меһрибан*), *ме:ман* — гость [93/83, 92/540, 17/292, 49/25, /54].

Неоднократно высказывалась мысль, что указанное удлинение гласного приводит к образованию количественного ударения, в частности, на первом слоге [38/15, 36/48, 16/295]. Т. Талипов считает даже, что не только количественное, но и силовое ударение может приходиться на первый слог, так как количественное ударение сливается со второстепенным ударением на первом слоге, и таким образом оба акцентуационных полюса уравновешиваются по силе звучания и по длительности [54/92]. Следует отметить, что о тюркском ударении вообще и уйгурском в частности мы еще слишком мало знаем. Указывается также, что при агглютинации долгий гласный первого слога сокращается, и таким образом последний слог снова получает главное ударение [54/92].

Однако долгие гласные в уйгурском языке вообще показывают тенденцию к сокращению, в частности, при увеличении количества слогов слова.

Во всяком случае долгие гласные, образованные таким образом, обладают способностью сопротивляться редукции, которая обычно отмечается в средних открытых слогах, особенно в литературном языке и илийском говоре. Соответственно имеем: *база:да* — на базаре, *көтә:мә* — насыпь, *қашқалиқ* — кашгарец, *дута:чи* — дутарист, *шаха(й)риди* — разветвлялся [3/123—124, 56/13, 54/90]. Нечто подобное наблюдается, видимо, в слове *но:гуш* < *нарғуч* — скалка [54/79]. Регрессивная ассимиляция могла вступать в действие только в том случае, если гласный был нормальной долготы.

В некоторых диалектах, в первую очередь в кашгарском, а также в ферганском говоре, выпадение согласных приводит не к удлинению гласных, а к удлинению согласных, т. е. геминации. В связи с этим говорят об ассимиляции [4/34, 38/12, 3/131, 92/543, 48/74]. Часто встречаются превращения групп согласных с участием *л*: *лм* > *мм*, *лс* > *сс*, *лт* > *тт* и даже *лг* > *гг*. Отчасти это, возможно, обусловлено тем, что в уйгурском языке, как и вообще в тюркских языках, имеется ряд употребительных глаголов с односложной основой, оканчивающейся на *л*: *қилмақ* — делать, *алмақ* — брать, *қалмақ* — оставаться, *болмақ* — быть, становиться, *салмақ* — класть, ставить, *кәлмәк* — приходить. Отсюда формы *аммас*, *аммиди*, *қиммиди*, *қиммаймән*, *боммиған*, *боммайду*, *қаммиди*, *кәммиди*, *кәммә*, *асса*, *қиссам*, *сассам*, *қағған*. Сюда можно присоединить также слово *отта*: — садись [23/98, 4/34, 38/12, 46/50, 17/169, /171, 49/25, /43, /54].

Аналогичные процессы происходят с сочетаниями согласных с участием *р*: *рм*, *рт*, *рс*, *рй*, *рн*, *рл*, *рк*. Так же как среди сочетаний с *л*, вторым компонентом сочетания чаще бывают звуки с передней артикуляцией, но следует учесть, что согласные с передней артикуляцией вообще преобладают в языке. Примеры: *йамма* — не руби, *тумма* — не стой, *бамма* — не ходи, *бәммәс* — не даст, *кәммидим* — я не видел, *биттә* — один, *баратти* — пошел бы, *мәттәм* — раз, приём, *әттимәндә* — утром, *қоссақ* — живот, *йалла* — милки (любовный жаргон), *чиллайду* — кричит, зовет, *баллиқ* — все, *зәруллиқ* — необходимый,

билла — вместе, *йәлләшти* — разместился, *қанни* — его живот, *дәййә* — река, *чаққи* — его колесо [4/34, 38/12, 46/50]. Встречаются примеры и с другими согласными: *й* — *йашаттурди* — омолаживал, *һ* — *мәккәм* — крепкий [46/50].

Г. Садвакасов высказывает сомнение по поводу того, можно ли подобные случаи интерпретировать как ассимиляцию. Определить дифференциальные признаки, по которым происходит ассимиляция, в некоторых примерах не легко, например, если второй компонент сочетания имеет заднеязычную артикуляцию. Однако такие черты артикуляции, как смычка или щель, свойственны всем без исключения согласным, и, таким образом, нет причин отказываться от термина «ассимиляция» только потому, что иногда это означает смещение смычки или щели на значительное расстояние.

Из других диалектов кучарскому, аксуйскому и турфанскому свойственно удлинение гласного. В наиболее удаленном от старых культурных центров лобнорском диалекте опять-таки выступает ассимиляция согласных [17/169—171]. Подобное образование геминат встречается и в других тюркских языках, в частности в узбекском, напр., *биттә* — один [49/25, /59, 51/43].

Иногда одновременно с удлинением гласного наблюдается его расширение. В частности, сочетания *ур/үр* дают *о/ө*, в особенности в конце слова. Напр., *булто*: — в прошлом году, *тоно*: — печка, *оқо*: — ясли, кормушка для лошади, *қото*: — худой, тощий, *теи то*: — стой тихо, *көмө*: — уголь, *төмө*: — железо, *кәчә*: — прости, извини, *билдө*: — извести, сообщи, *чүшкө*: — чихай, *көйдө*: — жги, *сүпөгә* — веник [48/73]. Сочетание *ир* дает *е*: *ече:қимақ* — проголодаться, *теңе:қимақ* — удивляться, *һете:қимақ* — чуждаться, *чеқиримақ* — кричать, визжать, *шеқиримақ* — журчать [48/73]. Сочетание *иһ* может давать *е*: *ме:ман* — гость, *е:тийат* — осторожность, *е:тимал* — вероятно [3/133], сочетание *еһ* может давать *ә*: *мә:ри* — милость [17/292].

Г. Ярринг, наоборот, дает ряд примеров сужения гласных в связи со стяжением дифтонгов, при котором можно предположить влияние неслогового элемента *й*: *кеймәк* > *ки:мәк* — одевать, *әй* > *и*: (междометие), *Әйса* > *И:са* — Иисус [87/28, /29, /52, /53, /64].

Более определенно влияние неслогового элемента выражено, если в этой роли выступает губной. Широкие гласные перед неслоговым губным лабиализуются: *ав* > *о*: — охота, *савда* > *со:да* — торговля, *авқат* > *о:қат* — продовольствие, *давлат* > *дөләт* — государство, *дәврән* > *дөрән* — эпоха, *дәрәв* > *дәро* — сразу, *иккәв* > *иккөлән* — вдвоем, *бирәв* > *биру* — кто-нибудь [87/64, 8/8, 74/18, 92/541, 56/12, /15, 76/15, 49/25, /40, /51].

Долготы этого рода, по-видимому, имеют тенденцию к сокращению, которое проявляется факультативно, напр., *ана* < *арпа* — ячмень, *дәйә* < *дәрийә* — река, *азу* < *арзу* — желание, *қалдугач* < *қалдурғач* — ласточка, *муса:нигә* < *муса:пиргә* — путешественнику, *әдә* < *әрдә* — у мужа, *сә* < *сәр* — мелкая монета, *тағақ* < *тарғақ* — расчёска, *чақ* < *чарқ* — колесо, *тамақ* < *тармақ* — грабли, *боғанда* < *болғанда* — когда будет [87/46, /48, /113, /115, 48/73, 49/27]. А. Т. Кайдаров считает, что тенденция к сокращению долгот значительно сильнее в тех словах, которые не имеют родственных слов или словоформ с сохраняющимися согласными, напр., *оғақ* — серп, *тағақ* — расчёска, *хаман* — ток, гумно, ср. *база*: — базар, *қа:миди* — не остался [18/87—88]. (Вероятно, можно распространить это и на те слова, которые, хотя имеют родственные слова с сохранившимися согласными, но настолько сильно выкристаллизовались, что приобрели самостоятельное значение в словаре и не так непосредственно воспринимаются в качестве производных). Г. Ярринг в ряде случаев дает вместо долгот полудолготы: *ә.тәси* — утром, *кимә.сә* — кто-либо, *чи.сә* — если войдет [87/45].

Фактор употребительности играет, видимо, роль и здесь. В частности, это относится к служебным словам, восходящим к формам глагола *ер-* [87/113], а также к аффиксу причастия будущего времени *-диган* и к аффиксу другого причастия будущего времени, напр., *делә* < *дерләр* — говорят, *болу* < *болур* — будет [87/113, /115]. Относительно аффикса *-ду* Г. Ярринг и другие авторы, правда, отмечают, что часто долгота в этой морфеме не только сохраняется, но и приводит к расширению гласного: *чикедо:*, *көредо:* и т. д. [87/48—49]. Однако удлинение гласного в этом случае, видимо, вызвано не выпадением согласного. Г. Ярринг объясняет это манерой чтения мулл-информантов, а К. Менгес — действием фразовой

просодии [89/366]. Оба эти объяснения не противоречат друг другу, так как эти два фактора вполне можно представить себе действующими совместно.

В некоторых говорах (кашгарский, яркендский, ферганский и др.) фактор употребительности проявляется не только в количественной редукции, но и в качественной, именно в сужении гласных в средних открытых и даже закрытых слогах ($a, \text{э} > u$), в частности, в аффиксе множественного числа: *силини* — вас, *баллини* — детей, *пуллини* — деньги, *бизлиниң* — наш, *бийилидэ* — в тех местах (*<бу йэрлэрдэ*), *у вахлида* — в то время, *ахунлиға* — священникам, *мәширәплидэ* — на вечеринках [17/52, 170, 49/34, 153], *алаттуқ* || *алиттуқ* — мы бы взяли, мы брали, *туратти* || *туритти* — стоял бы, стоял [72/206, 49/53].

Рассмотрим вопрос о функциональном значении данного процесса. Представители алма-атинской школы со всей определенностью заявляют, что вторичная долгота гласных, о которой идет речь, не является фонематической [56/9, 49/26]. Это мнение как будто подтверждается тенденцией к редукции этой долготы, о которой говорилось выше. Уже на конференции 1930 г. в докладе Л. Ансари указывалось на возможность возникновения омографов в случае обозначения на письме выпадения согласных, напр., *қайча* — ножницы, *қача* — посуда; *арпа* — ячмень, *апа* — мать, мамка (разг.); *айра* — отделяй, *ара* — промежуток; *арқа* — спина, зад, *ақа* — архар (диалектн.) [69/27]; см. также [37/41]. Таким образом, этот вопрос рассматривался с точки зрения орфографии.

Позднее Л. А. Аганина приводила примеры *баһар* — весна, *баһа* — цена; *һарва* — арба, *һава* — воздух, погода. Она считает, что угроза возникновения омонимии может явиться препятствием для распространения фонетического процесса на отдельные слова [3/131]. Однако М. А. Черкасский, вероятно, справедливо указывает, что «опасность появления омонимии, как лексической, так даже и грамматической, чаще всего отнюдь не представляет непреодолимого препятствия на пути сколько-нибудь значительного и глубокого фонетического процесса» [64/51]. Можно найти многочисленные примеры, подкрепляющие эту мысль, в частности, из уйгурского языка

(напр., некоторые глагольные формы и производные, испытавшие на себе действие умлаута).

Отметим также, что фонетический процесс не может делать исключения для отдельных слов на каком-то особом основании; если он происходит, то он захватывает все слова, отвечающие данному позиционному критерию. Выше говорилось о значительной нерегулярности данного фонетического процесса. Однако среди приводимых примеров исключений мы в большинстве случаев не находим таких, которые можно было бы объяснить стремлением избежать омонимии.

Э. В. Севортян, говоря о выпадении гуттуральных согласных в исходе слога в огузских языках, считает, что долгота гласных, возникающая в результате этого процесса, безусловно, является фонематичной, даже если не для всех случаев можно подыскать контрастные пары: *ари* — пчела, *ағри* — боль, скорбь; *дору* — гневой, *доғру* — правда, верно; *ири* — крупный, *игри* — кривой. Для уйгурского языка выпадение исконно тюркских гуттуральных не является характерным, однако приведенное соображение Э. В. Севортяна можно было бы, как нам кажется, распространить и на процесс выпадения согласных вообще. Тогда редукцию долготы, имеющую место в некоторых случаях, можно рассматривать как своего рода нейтрализацию противопоставления долготы и краткости. Вероятно, пока выпадение согласных является сравнительно молодым фонетическим процессом, нельзя сделать упора на функциональном значении долготы. Однако контрастные пары, приводимые авторами, свидетельствуют как будто в пользу такой тенденции, напр., Садвакасов ферганск. *етэк* — подол, *е:тэк* — сказка; *ана* — мать, *ана:* — гранат; *экэ:* 1) старший брат, 2) принеси, *э:кэ* — балованный, изнеженный; *ана* — мать, мама, *а:па* — ячмень; *төлә* — плати, *тө:лә* — пройди на почетное место; *тамақ* — пища, провизия, *та:мақ* — грабли, *таға* — дядя, *та:ға* — струне (направительный падеж); *тақа* — подкова, *та:қа* — расходись, распространяйся; *қани* — ну-ка, где, *қа:ни* — его желудок; *ара* — промежуток, *а:ра* — вилы; *тола* — много, *то:ла* — кричи; *оға* — яд, *о:ға* — на охоту [80/161, 49/27].

Более того, для семиреченского говора Г. Садвакасов указывает на семантическую дивергенцию пар другого

рода — образовавшихся, с одной стороны, из форм с сохранившимися согласными, а с другой стороны — с долгими гласными: *тор* — сеть, кружева, *то:* — паутина; *йәрлик* — местный, *йә:лик* — кладбище, могила; *арқилиқ* — ло, через, *а:қилиқ* — тыловая часть усадьбы; *бармақ* — пальцы, *ба:мақ* — идти; *пәрдә* — занавеска, *пә:дә* — лады (музыкального инструмента); *қарғиш* — прыжок, *ка:ғиш* — проклятие; *тармақ* — отрасль, область, *та:мақ* — грабли; *тартуқ* — подарок, *та:туқ* — шрам; *турди* — встал (с постели), *ту:ди* — стал, стоял; *шорпа* — суп, *шова* — бульон; *эртә* — рано, *ә:тә* — завтра; *көрпә* — одеяло, *кө:пә* — мерлушка; *орда* — ханский дворец, *һода* (иланниң һодиси) — место скопления змей; *бурни* — его нос, *бу:ни* — первый созревший фрукт или овощ, который преподносится уважаемому человеку; *шәртлик* — условный, *шә:тлик* — обладающий магической силой (*шәтлик қамча*), *сәһра* — степь, пустыня, *сә:ра* — деревня [48/71, /72, /76, /77]. Если мы возьмем слова *әгәр* — если, *егәр* — седло, *егә* — хозяин, то противопоставление *егә(р)* — *егә* поддерживается первой (ферганской) серией, а противопоставление *әгәр* — *егә(р)* — второй (семиреченской).

Л. А. Аганина приводит также как пример семантической дивергенции противопоставление *тахта* — доска, обработанная для чего-либо или полоска земли для посева — *тахтай* — доска как строительный материал [3/134]; ср. также [37/270]. Однако *й*, по-видимому, не является здесь исконным (см. также [88/291]).

В заключение коснемся вопроса об отражении данного процесса на письме. Хотя язык (включая орфоэпию) и письмо (включая орфографию) являются двумя различными и по отношению друг к другу автономными знаковыми системами, орфография также может в какой-то мере служить показателем того, насколько далеко зашел фонетический процесс.

Как отмечает А. Т. Кайдаров, орфография является полем борьбы разных тенденций: с одной стороны, влияния разговорной речи, т. е. корреляции между двумя знаковыми системами, а с другой стороны, тенденции к нормализации и морфологического принципа. Другими словами, каждая морфема должна изображаться по возможности стандартно во всех своих репрезентациях.

Оказывает влияние также и традиция, идущая от литературного языка прошлой эпохи [22/66]. Основным принципом, управляющим взаимодействием различных тенденций во всякой знаковой системе, является принцип экономии или, точнее, принцип оптимального кода. Но для каждой знаковой системы существует свой принцип экономии. В итоге, в результате борьбы различных тенденций образуются дублиеты в произношении и написании.

По-видимому, уже во времена Р. Б. Шоу выпадение *p* могло проникать в письмо в литературной речи Кашгара, которую он исследовал [97/3]. Видимо, аналогичное положение существовало и в литературном языке советских уйгуров, в частности уйгуров Семиречья, в 20-х годах, в период, когда литературный язык еще только формировался. Научно-орфографическая конференция 1930 г. на основании доклада Л. Ансари постановила сохранить на письме написание непронизносимых согласных на основании морфологического принципа [69/15, /25]. Другими словами, написание согласных следует сохранить для того, чтобы соблюсти постоянство написания морфем, так как в интервокальной позиции эти согласные произносятся. После конференции Н. А. Баскаков выдвинул предложение: сохранить написание согласных лишь в тех случаях, когда можно найти родственные слова, в которых они сохраняются в интервокальной позиции [4/34]. Против этого предложения четко высказался С. Е. Малов [73]. Однако, несмотря на столь авторитетное заключение, предложение Н. А. Баскакова в некоторых случаях все-таки пробивало себе дорогу на практике. (В 1958 г. Ч. Г. Сайфуллин повторяет это предложение в уточненном виде). Во многих словах выпадение согласных закрепилось орфографически как в непронизносимых основах, так и в производных: *ма(р)жан* — бусы, *ка(р)най* — труба, *қа(р)мақ* — удочка, *ха(р)ман* — ток, *та(р)вуз* — арбуз, *э(р)гиз су* — паводок, *гэ(р)дэн* — шея, *кэ(р)кэ* — кирка, *э(р)мэн* — полынь, *қо(р)сақ* — живот, *ө(р)дэк* — утка, *та(р)ғақ* — расческа, *та(р)мақ* — грабли, *һа(р)дуқ* — усталость, *қа(р)лиқ* — шуточное письмо по случаю первого снега, *са(р)ғуч* — желтоватый, *ша(р)қиримақ* — журчать, рокотать, *қа(р)лиғач* — ласточка, *тэ(р)мэч* — щепки, *о(р)ма* — жатва, *о(р)ғақ* — серп, *сүпү(р)гэ* — веник, *а(р)слан* — лев, *та(р)туқ* — шрам, *а(р)мут* —

груша, *са(р)* — коршун, *ча(р)* — пестрый, *току(р)* — хромой, *булту(р)* — в прошлом году, *бо(й)ра* — циновка, *дә(ә)ләт* — государство, *һу(ә)лиди* — выл (о собаке), *о(ә)ға* — на охоту [79/15, 80/161, 16/294, 17/171, /291, 48/70, 22/66].

Хотя это вопрос чисто орфографический, большую роль здесь играет такой фактор языкового плана, как лексикализация. В одних случаях фонетическое написание побеждает традиционное, потому что выпадающий согласный вообще не может оказаться при изменении слова в сильной позиции: *аслан*, *амут*, *дәләт* и др. В других случаях согласный не пишется, несмотря на то, что имеются родственные слова с этим же согласным в интервокальной позиции: *оруш* — жать, жатва, но *ома* — жатва, *оғак* — серп [22/66]. Это означает, что слово выступает как совершенно независимая лексема, так что морфологический принцип ослабляет свое действие.

Фактор употребительности играет роль и здесь, т. е. выпадение согласных в особо употребительных морфемах и служебных словах чаще отражается в орфографии. В первую очередь это касается глагольных аффиксов *-ду* [69/15] и *-диган*, форм глагола *ер-* — быть и отчасти стяженного аффикса сослагательно-многократной формы *-атти*.

Наряду с факультативными вариантами в произношении фактически существуют факультативные варианты в написании, напр., *зәргарчи* || *зәргачи* — золотых дел мастер, *йолувчи* || *йолучи* — путник, *бекар* || *бека* — напрасно [22/66]. Варианты одного плана наслаиваются на варианты другого плана, будучи в то же время тесно с ними связанными.

Высказывалось предположение, что письмо может оказывать консервирующее действие на произношение и таким образом способствовать сохранению согласных [92/542, 17/292]. Однако вопрос об обратном влиянии письменности на язык является одним из самых неясных в современной лингвистике. Поэтому, скорее, возможно рассматривать как консервирующий фактор не влияние орфографии, а формирование литературного языка с неизбежным в таких случаях образованием многослойной системы стилей произношения.

Из общего правила — выпадение согласного в конце слога — имеются, однако, два исключения. Во-первых, согласный является сравнительно устойчивым, если он оказался в конце слога в результате элизии последующего гласного. Напр., *кар(и)гай* — сосна, *қар(и)ғу* — слепой, *йар(и)ланған* — раненый [3/132], *сарғайди* — пожелтел, *кэйни* — его зад. В слове *хэлиқ* и является эпентетическим, но в форме *хэлқи* л оказывается сравнительно устойчивым [24/304], поэтому эту пару можно поставить в тот же ряд. Впрочем, Л. А. Аганина отмечает, что это свойственно в первую очередь семиреченскому говору. В кашгарском и ферганском говорах процесс иногда, видимо, заходит настолько далеко, что и такого рода согласные могут выпадать, напр., *карни* — его желудок > *ка:ни* || *канни* [49/25, /27], *сорди* — спрашивал > *со:ди* [87/45]. Но, более того, согласный может выпадать и в интервокальной позиции, и, таким образом, последние примеры могут быть интерпретированы двояко.

В большинстве случаев выпадение согласных в интервокальной позиции рассматривается в рамках так называемого стяжения. Под этим названием объединяют ряд довольно разнообразных процессов, связанных с выпадением, по крайней мере, одного слога [23/101, 87/51, 3/135, 36/43, 16/294, 17/171, /291, /295, 49/55, 48/73, /75—76]. Э. Наджип считает это явление специфической чертой уйгурского языка, в действительности оно, видимо, распространено и в других тюркских языках, причем с давних пор [93/75, 85/69, 9/285, 50/290—291]. Нечто подобное встречается и в соседнем монгольском [93/76]. Особенно обычно это явление для разговорной речи и диалектов [3/135, 9/285]. Ему подвержены как простые, так и производные основы и формы, а также словосочетания [3/135, 16/294, 17/295, 49/55, 85/69].

При стягивании происходит одновременно выпадение гласного и согласного. Основной вид такого преобразования следующий: $C_1Г_1C_2Г_2C_3 > C_1Г_1C_3$. Большинство авторов, видимо, считают, что инициатором процесса является согласный [93/75, 87/51, 16/294, 17/171, /291, /295, 85/69]. В дальнейшем происходит устранение хиагуса [87/51, 85/69]. На месте хиагуса часто образуется долгий

гласный [93/83, 87/113, /115, 49/25—26]. Выпадающие согласные те же, что в конце слога [3/135, 17/295]. Однако Л. А. Аганина предполагает, что выпадение гласного и согласного происходит одновременно. Интервокальная позиция должна быть эксплозивной и, следовательно, сильной, как мы видели выше. Если она становится слабой, то это неизбежно связывается с акцентуацией.

Предположение о связи этого явления с редукцией гласных было сделано еще Г. Яррингом [87/51]. На связь стягивания с ударением указывают также Л. А. Аганина и К. Брокельман [3/135, 85/69]. Такая связь представляется несомненной, но это не обязательно приводит к гипотезе о первоначальном ударе на первом слоге в тюркских языках [64/78]. Явление это достаточно живое, и его объяснение надо искать в закономерностях, действующих в современном состоянии языка. Впрочем, Г. Ярринг дает даже примеры редукции гласного в конечном слоге, например, в деепричастных формах (см. пр. дыдущую главу, раздел о конце слова). Таким образом, можно предположить, что согласный выпадает именно в имплозивной позиции, в результате редукции гласного.

Г. Ярринг указывает, что если гласные, между которыми находился согласный, имеют разный тембр, то образовавшийся долгий гласный получает окраску от первого, обычно несущего более сильное ударение гласного [87/51]. При этом наименее устойчивы узкие гласные [3/135].

Наиболее типично это явление для деепричастных форм глаголов с односложной основой, оканчивающейся на *л*. Фактором, способствующим стяжению, явилась, видимо, высокая употребительность этих глаголов. Напр., глаголы *ал* — *ап*, *қал* — *қап*, *чал* — *чап*, *сал* — *сап*, *қил* — *қип*, *бол* — *боп*, *кәл* — *кәп* [23/101]. Часто такие формы выступают в сочетании с аффиксом *-ту*, с помощью которого образуют одно из прошедших времен. Таким образом, в первоначальной полной форме согласный *л* находился в среднем слоге. Кроме того, деепричастные формы часто выступают в составе сложных глаголов типа *ап кәтти*, в которых ударение первого компонента, видимо, переходило на первый слог (см. следующую главу). Наконец, деепричастие вообще, как правило, стоит в срединной позиции в предложении. Таким образом, можно предполагать, что существует устойчивая тенденция к

передвижению ударения в деепричастиях во многих случаях на первый слог.

Насколько далеко зашедшим можно считать этот процесс? Обычно стяженные формы даются с широким гласным и в тех случаях, когда полная форма подвержена умлауту [85/69, 3/136, 36/44]. Это может иметь двоякое объяснение: или стяжение произошло до умлаута, или гласный обладает каким-то эластичным свойством, которое позволяет ему восстанавливать свою первоначальную форму, когда условия для умлаута исчезают, т. е. в сильной позиции. (Такая возможность отмечалась еще Н. Ф. Катановым [23/96, 24/304]. Впрочем, Г. Садвакасов дает для ферганского говора и формы с полушироким *e* как факультативный вариант: *ep*, *qep*, *kep*, *cep* [49/53—55]). В обоих случаях нельзя не учитывать также действия аналогии. Отметим еще, что подобные явления встречаются и в других тюркских языках, например в киргизском и тувинском [93/75, 85/69]. Близкие примеры приводит Н. К. Дмитриев для марыйского диалекта туркменского [9/285].

Выпадение интервокального *p* встречается более sporadически: *чирип дур* > *чипту* — вошёл, *бирини* > *би:ни* — один, одного, *тараҕақ* > *таҕақ* — расческа, *домсарақ* > *домсақ* — мрачный человек, *қоруғдиди* > *қордиди* — защищал, *саримсақ* < *самсақ* — чеснок, *һөрүмчүк* > *өмчүк* — паук [87/51, /113./115, 92/545, 63/61, 17/291, 48/73, 22/66]. Близкие примеры встречаются у К. Брокельмана [85/69]. Г. Ярринг часто приводит примеры выпадения *p* в интервокальной позиции, однако при этом, как правило, не происходит стягивания, а сохраняется хиатус (см. следующую главу, раздел о хиатусе).

Наиболее известный пример такого рода — морфема *-дур*, восходящая к слову *туруп* [85/68, /231—232]. К. Брокельман приводит еще ряд подобных примеров, причем, согласно Махмуду Кашгарскому, они свойственны огузским диалектам [85/68]. Н. К. Дмитриев приводит подобные примеры для марыйского диалекта современного туркменского языка [9/285]. Распространение стяженной формы *-дур* || *-тур* во многих тюркских языках объясняется, видимо, ее высокой употребительностью. К. Брокельман рассматривает это явление как гаплоглоию. Однако если гаплоглология — это выпадение одного из

двух следующих друг за другом слогов, то в данном случае выпадает не слог, а одна из двух одинаковых, следующих друг за другом последовательностей ГС в схеме СГСГС.

Еще реже встречается выпадение интервокального *й*. Главным образом приводится пример *кейин* — после >ке:н>ки:н>кин>ки , который принадлежит к особо употребительным словам, а также *кийим* — одежда >ки:м и *жунда* — помон <жуйунди ([87/52] — со ссылкой на Г. Ракетта [63/75]). К. Брокельман также приводит ряд подобных примеров: *буйуруқ* > быруқ — командующий (возможна промежуточная форма *буйруқ*, слово, которое в современном языке значит приказ), *буйурди* > бурди — приказывал (в современном языке *буйриди* > бу:риди), *уйухламақ* > ухламақ — спать (в современном языке сохранилась последняя форма) [85/69—70].

Довольно сложным является вопрос о роли *й* в формах со значением возможности, образованных от формы деепричастия настоящего времени на -а, -э, -й и вспомогательного глагола *ал-*. Здесь мы должны отдельно рассматривать глагольные основы на гласный и согласный, а также утвердительные и отрицательные формы. Отрицательные формы глаголов на согласный будут рассмотрены в следующей главе. Обычно считается, что один из гласных выпадает по закону устранения хиатуса, например *ала + алмиди* > алалмиди . Однако К. Брокельман приводит также формы с *й*, который он называет эпентетическим: *қила + алмас* > қилайалмас — не смог сделать, *айта + алмады* > айтайалмады — не мог сказать [85/71]. Что касается форм от основы на гласный, то здесь также встречаются формы с *й*: *оқуйалмайду* — не может читать, *тануйалмайду* — не мог признать, *созлэйалмайду* — не может говорить [87/60, /64, 85/65, /71].

Г. Ярринг и К. Брокельман также называют этот *й* эпентетическим, однако на данном уровне анализа он не кажется таковым, потому что он присутствует в форме деепричастия *оқуй*, *сөзлэй* и т. д. В современном литературном языке, основанном на илийском говоре, мы встречаем формы без *й*: *йашалмайду* — не сможет жить, *соралмайду* — не сможет спросить, *башлалмаймән* — не смогу начать, *ишлэлмэймән* — не смогу работать, *сөзлэлмэймән* — не смогу разговаривать [65/25, 74/32, 36/45]. В этом

случае можно говорить о выпадении интервокального *й*. Применительно к таким формам Г. Ярринг говорит о трифтонгах [87/60, /64, также /52]. Если вместо согласного *й* мы находим в интервокальной позиции неслоговой гласный *й*, значит интервокальная позиция в любом случае не является такой сильной, как должна быть обычная эксплозивная позиция.

Мы можем углубить уровень анализа и взять более древние формы. К. Брокельман считает, что формы на *-ай -уй*, в том числе отрицательные на *-май*, восходят к формам на *-айа, -уйа, -майа* [85/64—65, /244]. К. Менгес считает, что именно в формах типа *оқуйа й* выступает как заполнитель хиатуса [89/367]. В. Радлов со своей стороны давал такую версию происхождения этого аффикса: *сураа > сураи* (в телеутском), в казанско-татарском *суруй* [93/69—70]. Во всяком случае, на этом уровне мы уже не имеем дело с настолько живым фонетическим процессом, как позднее.

Что же касается утвердительных форм, то такие формы, свойственные литературному языку, как *баралаймән* — смогу пойти, *чиқалайду* — сможет выйти, *өтәләймиз* — сможет перейти (*бара алимән, чиқа алиду, өтә алимиз*) [72/211], объясняются выравниванием распределения гласных и согласных в слове (ср. *аэродром > айрадирум, аэроплан > айрипилан* [70/134]) путем своего рода отдаленной метатезы и стягивания стечения гласных в дифтонг. Тот же источник дает как факультативные формы *баралимән, чиқалиду, өтәлимиз*, возникшие, вероятно, путем простой элизии первого гласного в хиатусе. Метатеза имеет место и в глаголах с основой на гласный: *йашалайду* — сможет жить, *аралайду* — может различать, *ишләләймән* — смогу работать [36/45, 17/134], хотя сущность ее несколько другая (< *йашай алиду, ишләй алиду*). Известную роль здесь может играть и аналогия. А. Т. Кайдаров указывает, что в кашгарском говоре существуют формы с двумя *й*: *ишлийәләймән*, сокращенные же формы (они также предполагают выпадение интервокального *й*) он относит к турфанскому говору: *ишләлимән* [17/192].

Весьма обычным является выпадение интервокального *h* в словах, заимствованных из арабского и персидского, напр., *шәһәр > шә:р* — город, *наһайити > найити*

— очень, *мәһәллә* > *мәллә* — слобода, часть города, поселка, *тәһәрәт* > *тә:рәт* — омовение, *мәсләһәт* > *мәслә:т* — совещание, *зәһәр* > *зә:р* — яд, ядовитое жало, *ләһәң* *белиқ* > *лә:ң* *белиқ* — акула, *мәһәффә* > *мәпә* — экипаж, пролетка, *чәһәр шәмбә* > *ча:шәмбә* — среда [93/83, 87/51, 38/12, 85/70, 3/133, 16/294, 19/367, 72/213, 57/177, 17/171—172, /285, /291—292, 49/26, /54—55]. Т. Талипов отмечает, что выпадение *һ* имеет место между гласными переднего ряда [57/177]. Однако трудно решить, является это случайным совпадением или нет. В некоторых случаях можно предположить как промежуточный процесс метатезы: *меһрибан* — милостивый > *меһерван* > *Ме:рван* (женское имя) [17/292], *пәһливан* > *пәһалван* > *па:лван* — силач, богатырь [74/18, 49/54].

Изредка встречается выпадение интервокального *в*, восходящего к *б*. (Случаи, когда эпентетический *в* употребляется для заполнения хиатуса, рассматриваются в следующей главе). Примеры *қо:ға* < *қовурға* > *қабирға* — ребро, *шу:рған* < *шувурған* — метель, пурга [17/292, 77/88, 48/73], *досақ* < *довусақ* < *добурсақ* — мочевого пузыря животных [37/61—62, 32/106]. Несколько подобных примеров приводит К. Брокельман [85/69].

Выпадение интервокальных гуттуральных, которое играет заметную роль в некоторых других тюркских языках, например в киргизском и алтайском, в уйгурском встречается редко и главным образом в восточных диалектах: *қо:шун* < *қорғушун* — свинец, *қо:чақ* < *қуғурчақ* — кукла, *соқ* < *соғуқ* — холодно, Катанов турфанск. *а:лчи* < *ағылчи* — гость, Малов хамийск. *а:з* < *ағыз* — рот, Кайдаров хамийск. *о:л* < *оғул* — сын, *бөрәк* < *бөгурак* — почки [48/73, 92/540, /542, 17/170]. К. Брокельман отмечает, что иногда можно наблюдать обратный процесс — расщепление долгого гласного на два звука, между которыми появляется эпентетический *ғ* или *в* [85/52]. Встречается, видимо, и выпадение других согласных, напр., *көпүрүк* > *кө:рүк* — мост [54/79].

С выпадением согласных не следует смешивать такие случаи, когда *р* в результате своей сильной вариативности может, с одной стороны, совсем выпадать, а с другой, давать вокальный призвук или производить эпентезу (см. главу I): *қорқти* — боялся > *қоқти* || *қоруқти* [93/92, 87/47, 85/66, /198, 74/16—17, 16/294, 17/292, 48/71, /73, /75;

ср. также [64/76], *арслан* — лев > *аслан* || *арислан*, *тәрскәй* — северная сторона > *тәскәй* || *тәрискәй*, *тәрскән* — степной кустарник > *тәскән* || *тәрискән* [48/71, /73, /75]; ср. также [11/279, 67/30], *қырқ* — сорок > *қық* || *қырық* [87/113, 85/66, /69, /160, 92/547, 18/88], *бөрк* — тюбетейка > *бөк* || *бөрүк*, *қарз* — долг > *қаз* || *қариз*, *төрт* — четыре > *төт* || *төрүт*, *йолбарс* > *йолбарус*, одновременно *йолварс* > *йолвас* [3/131, 85/66, 74/16—17, 16/294, 48/71], *халқ* — народ > *хәқ* || *хәлиқ* [16/294, 18/88, 49/36].

О. Прицак говорит не о стяжении, а о гаплогогии. На гаплогогию указывает также К. Брокельман. Л. А. Аганина просто отмечает, что стяжение более вероятно, если звуки в смежных слогах качественно одинаковы [92/545, 85/68, 3/135]. Стяжение вышеописанного типа и гаплогогия — понятия пересекающиеся, т. е. каждое из них лишь частично покрывает другое. Если строго придерживаться определения гаплогогии как выпадения одного из двух смежных тождественных или сходных по структуре слогов, то сюда можно отнести лишь такие примеры, как *Мәмәт* > *Мат* — имя собственное, *түтүнлүк* > *түңлүк* — дымовод. Если стяжению подвергается не последовательность СГСГ, а последовательность ГСГС, напр., *игикәр* — деятельный > *игәр*, то здесь происходит не выпадение слога, а нечто другое. В некоторых случаях тождественные или близкие согласные относятся к одному слогу, напр., *меңиң* — идите > *мең*, *тениң* — привяжите > *тең*, *тинч* — спокойный, тихий < **тинич*, *йонди* — стружка < *йонинди* [3/136, 85/68].

В других случаях в стяжении играет важную роль абсорбция гласного длительным согласным или аффрикатой, с последующей ассимиляцией одного из согласных другим: *сизләр* > *сләр* — вы, *чүшүп* > *чүп* — упав, *көрүсизләр* > *көрүсләр* — вы видите, *кичиккинә* > *кичкинә* — малюсенький; а также выпадение согласного в исходе слога: *кәчқуру(н)рақ* > *кәчқуррақ* — попозднее, *дө(ң)гүләк* > *дүгләк* — круглый [3/136, 85/68, 92/545, 49/26, /55, 63/63]. К. Брокельман приводит также примеры, относящиеся к различным другим типам стяжения [85/68].

Как и другие типы вторичных долгот, данные долготы имеют тенденцию к редукции, напр., *кеп* (< *келип*), *қапты* (< *қалыпты*), *мәсләт* (< *мәсләһәт*) и т. д. [49/27].

Примеры такого рода для других тюркских языков дает Э. В. Севортян [51/51].

А. Т. Кайдаров указывает, что стяженные формы могут сосуществовать с полными, причем иногда это ведет к семантико-стилистической дивергенции факультативных вариантов [17/291]: *ба:нэ* || *баһанэ* — повод, причина (стилистическое различие), *ба:тур* || *баһадур* — богатырь, герой (стилистическое различие) [17/292], *қоғдамақ* — защищать, охранять, *қоруғдамақ* — отгораживать, *найи-ти* — только, лишь, какой-нибудь, *наһайити* — очень [48/77].

О ПРОЦЕССАХ, СВЯЗАННЫХ СО СТРУКТУРОЙ СЛОГА В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

О ХИАТУСЕ, ТВЕРДОМ ПРИСТУПЕ И ДИФТОНГАХ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Большинство авторов, которые говорят о тюркских языках вообще или об уйгурском языке в частности, подчеркивают, что хиатус в тюркских языках избегается [93/96, 51/37, 84/13, 8/8, 49/26]. В самом деле, если принять, что основным законом слога в тюркских языках является правильное чередование гласных и согласных, то стечение гласных представляет собой нарушение этого закона на одном конце перечня возможных слогов и звуко-сочетаний, точно так же, как стечение согласных является его нарушением на другом конце. Аналогично тому как стечение согласных разряжается посредством эпентезы гласного, выпадения согласного или его ассимиляции, хиатус, проникший в язык, например, в заимствованных словах, должен устраняться путем элизии гласного, стягивания двух гласных в дифтонг или долгий гласный, наконец, вставки неслогового звука [93/96, 84/13, 87/59, 8/8].

Особую позицию в этом вопросе, однако, занимает Г. Ярринг, который различает хиатус первичный и вторичный. В то время как первичный хиатус устраняется путем, например, эпентезы согласного или полугласного, чаще всего *й* или *в/у*, вторичный, наоборот, возникает в результате выпадения согласного, чаще всего *р* [87/60—62, /113, /115]. Э. В. Севортян говорит то же самое применительно к разным тюркским языкам. Впрочем, уже и В. В. Радлов в своей «Фонетике» приводит для одного из тюркских языков примеры образования хиатуса в результате выпадения согласного [93/96]. (Примеры выпа-

ления согласного в интервокальной позиции с замещением его ларингальным звуком типа арабской «хамзы» приводит О. Прицак со ссылкой на турфанские записи А. Лекока — [92/541]). Эти два, по-видимому, противоположных процесса могут оказаться связанными более тесной связью, чем это представляется на первый взгляд. Е. Д. Поливанов отмечал нечто подобное для сочетаний согласных. В самом деле, в то время как в заимствованных словах стечения согласных в начале слова устраняются путем вставки гласного, в исконно тюркских словах происходит редукция, которая, по-видимому, должна привести к образованию подобного же стечения согласных.

Мы примем следующую классификацию явлений хиатуса: по признаку происхождения: 1) первоначальный в заимствованных словах, 2) возникший на месте арабского айна, 3) в результате выпадения *h*, 4) в результате выпадения *й*, 5) в результате выпадения *ғ*, 6) в результате выпадения *p*; по фонетическому составу: 1) широкий гласный + широкий, 2) широкий гласный + *и*, 3) широкий гласный + *у*, 4) *у* + широкий гласный, 5) *и* + широкий гласный, 6) узкий гласный + узкий. Что касается дифтонгов, то В. В. Радлов делит их на широкие (узкий гласный + широкий), лабиальные (широкий гласный + узкий лабиальный) и узкие (любой гласный + *и*) [93/17], а Г. Ярринг — на нисходящие (у которых первый компонент сильнее) и восходящие (второй компонент сильнее) [87/63]. В дальнейшем дифтонги будут рассматриваться лишь в связи с проблемой хиатуса.

А. Сочетание широкий гласный + широкий

1. Первоначальный хиатус и возникший в результате выпадения айна или хамзы

а) сочетание *а+а*.

Уже В. В. Радлов отмечал, что в диалектах (т. е. в языках), находящихся под влиянием старого литературного языка, хиатус может встречаться даже у неграмотных людей, притом на месте арабского согласного, обозначаемого буквой айн, который воспринимается, очевидно, как

некоторое подобие межслоговой паузы, напр., *са'ат* — час, *та'ам* — блюдо, еда [93/96]. То же подтверждает Г. Ярринг (для кашгарского говора) [87/61], ср. также [51/37]. Советские авторы приводят аналогичные примеры (напр., [26/92]), однако они, опираясь, как и В. Радлов, на илийско-семиреченский говор, в большинстве указывают, что написание двух *a* в словах *саат*, *таам*, *маарин*, *паалийэт* и др. основывается, скорее, на орфографической традиции, а в действительности обозначает лишь долгий гласный [26/92, 17/170, /293, 49/26, /55]. Несколько особую позицию занимает Т. Талипов, о чем мы скажем ниже. Вероятно, лишь инструментальное исследование может показать, насколько велика в уйгурском языке разница между твердым приступом в интервокальной позиции (более или менее близким к арабской хамзе) и той артикуляционной установкой, которая возникает между гласными при хиатусе. Но пока что источники дают лишь единственную альтернативу вышеуказанному стягиванию гласных — это вставка согласного *h* (или *x*): *саһат* — часы, *саһадэт* < <*саадэт* — счастье [95/8, 57/183, 72/214, 49/26, /56]. Ср. казахск. *сағат*, *тағам* [93/96]).

б) сочетание *ə + ə*.

То же самое можно повторить относительно слов *мән-пәэт* — интерес, *тәәллуқ* — свойственный, *тәәсуп* — сожаление, *бәәйни* — словно, подобно и др. [26/92, 17/294, 54/80]. В результате стягивания образуется долгий гласный: *та:лиқ* и т. п. [49/26, /56]. Т. Талипов, признавая самый факт стягивания, считает, что это два гласных, которые расходятся по двум разным слогам, так как будто бы относятся к разным морфемам [54/24, /80]. В действительности ни в одном из перечисленных слов эти гласные не относятся к разным морфемам, по крайней мере, с точки зрения уйгурского языка. Однако эпентетический *h* может появляться и здесь: *тәһәллуқ* [72/214].

в) сочетание *a + ə*.

В отношении слов *қанаэт* — удовлетворение, *санаэт* — промышленность, *жамаэт* — общество действительно можно говорить о морфемном шве, однако никто не говорит здесь о стягивании. Ч. Г. Сайфуллин отмечает, что и *й*, который бы заполнил хиатус, здесь не появляется, в отличие от других слов с этим арабским аффиксом (см. ниже) [74/17].

Т. Талипов, однако, указывает здесь также на появление в отдельных случаях эпентетического *h*: *жараэт* — рана, ранение > *жараһэт* [57/183]. В слове *мураждиэт* < *мураждаэт* — обращение можно отметить ослабление первого гласного с намеком на образование таким образом восходящего дифтонга. Наоборот, в заимствовании из русского *айрипорт* [70/133] произошло ослабление второго гласного (как безударного в русском языке) с образованием нисходящего дифтонга.

2. Выпадение других согласных

Согласно Г. Яррингу, сочетание широких гласных может возникать также в результате выпадения согласных *h* и *p*. Ярринг приводит примеры *шәһәргә* > *шәггә* — в город, *сәһәрдә* > *сәгдә* — на заре, *жаһа:н* > *жаа:н* — мир, *барә* > *ба:ә* — пора [87/60—61]. Так же, как и в предыдущем случае, подобные сочетания подвержены стягиванию, что лучше может быть разобрано в другом месте.

Б. Сочетания *a+u*, *ә+u*, *e+u*

Примеры сохранения хиатуса в заимствованиях из арабского или образования его на месте арабского айна: *хала:иқ* — народонаселение, *ажа:иб* — удивительный, *таин* — назначение (примеры Г. Ярринга), *қаидә* — правило, *пеил* — глагол, *шеир* — стихотворение, *хаин* — предатель, *аид* — относящийся, *даимә* — постоянно [87/61, 26/92, 51/37]; примеры Э. В. Севортяна мы заменяем соответствующими уйгурскими. Существуют примеры, когда хиатус образуется в результате выпадения *h* и заполняется согласным *й* (см. ниже). Л. А. Аганина также приводит примеры заполнения хиатуса согласным *й* или *p* в случае присоединения аффикса *-и* к нетипичной основе, оканчивающейся на долгий *a* (здесь также имеет место выпадение *h*): *гуна* — грех > *гунайи*, *сәпра* — рвота > *сәпрайи* [3/135]. Примеры эпентетического *p* разобраны в другом месте.

С другой стороны, хиатус, наоборот, может возникать в результате выпадения *p*. Г. Ярринг дает примеры *ейим* < *әрим* — мой муж, *бәйи* < *барыи* — идя, *қата:и-*

да < қата:рыда — в ряду, ба(р)қалғим < барқалғим — мои домашние, шәһәимгә < шәһәримгә — в мой город, йәһи < йарып — расколов, йа:ым < йа:рым — мой милый, моя милая [87/60, /113, /115]. А. Т. Кайдаров, наоборот, дает для кашгарского говора (со ссылкой на С. Е. Малова) форму с й в этой позиции: шәһиндә — в твоём городе [22/64]. Существование хиатуса такого типа наряду с заполнением его с помощью й может объясняться близостью артикуляции гласного и и согласного й, что создает возможность для абсорбции согласного гласным. Ср. аналогичное явление в русском языке: Каир (Каир), но своих (сваих || свайих).

О. Прицак приводит примеры из турфанских записей А. Лекока, в которых хиатус образуется в результате выпадения в этой позиции интервокального й с последующим заполнением его с помощью ларингального звука (типа арабской хамзы): йә'имән — съём, қә'ин — берёза, қә'ин әка — деверь, шурин [92/541]. Ср. также кеин — после, кеиничә (примеры из словаря Г. Ракетта) [87/52].

У Г. Ярринга приведен один пример стягивания сочетания е + и и образования дифтонга: әрим — ейим || ейм [87/60].

В. Сочетания у/у + а/ә.

Примеры возникновения сочетания гласных в результате выпадения айна: дуа — молитва, муавин — заместитель [93/18, /96, 87/61, 49/40]. В. В. Радлов отмечает, что форма ду'а встречается главным образом в речи грамотных людей, в просторечии же происходит стягивание в дифтонг (восходящий). Альтернативой является, видимо, заполнение хиатуса согласным: дууа || дува || дуга (ср. казахск. дуға) [49/40]. А. Т. Кайдаров приводит пример, когда хиатус возникает в результате выпадения һ: муһажир — эмигрант > муажир [17/285].

Г. Ярринг приводит пример из записей М. Хартмана, когда й выпадает в интервокальной позиции, а хиатус может заполняться с помощью губно-губного в: шуйердә > > шуйәдә || шуәдә, шуйердин > шуәдин || шувәдин [87/61]. В другом месте он, наоборот, приводит пример, когда й заполняет хиатус в позиции между основой и аффиксом

с образованием трифтонга: *оқойай* — я хочу учиться, *нутуйай* — я хочу кончить [87/59].

С другой стороны, В. В. Радлов рассматривает главным образом случаи стягивания данного сочетания гласных в дифтонг. Хотя он и указывает, что грамотные люди произносят слова типа *гу'а* в два слога, он отмечает существование дифтонгов, видимо, в просторечии, в таких словах, как *гуа* (персидск.) — свидетель, *жуан* (персидск.) — молодуха, *гуэндан* (китайск.) — округ. Таким образом, в илийском («таранчинском») говоре существуют дифтонги *уа*, *уэ*, главным образом в заимствованных словах. По классификации В. В. Радлова, это широкие дифтонги, по классификации Г. Ярринга — восходящие.

Подобное же неустойчивое положение можно отметить в слове *соал* || *савал* — вопрос. Ч. Г. Сайфуллин считает, что с орфографической точки зрения буква *в* здесь не нужна, хотя этот звук и встречается в произношении [74/18]. С другой стороны, Т. Талипов считает, что форма *соал* является вторичной [56/12]. Таким образом, здесь можно предположить как заполнение хиатуса, так и стягивание сочетания гласных в дифтонг.

Г. Сочетания *и/ы+а/э*

Хиатус может образовываться опять-таки на месте арабского айна, напр. *вақиз* — случай, событие [26/92]. Т. Талипов считает *й* в слове *жэмиёт* — общество эпенетическим [72/211]. В то же время Ч. Г. Сайфуллин указывает, что *й* перед арабским аффиксом в трех- и четырех-сложных словах типа *вазийёт* — положение, *накимийёт* — власть часто не произносится, хотя и пишется [74/17]. Среди примеров из турфанских записей А. Лекока О. Прицак приводит заимствованные слова с заменой *й* в интервокальном положении хамзой, именно *зи'ан* — вред (персидск. *зийан*), *си'э* — чернила (персидск. *сийаһ*).

В. В. Радлов также отмечает образование из таких сочетаний дифтонгов (восходящих), хотя грамотные люди произносят эти сочетания в арабских и персидских словах в два слога: *зиада* (арабск.) — слишком много, *гиа* (персидск.) — растение, *пиада* — пеший, *биабан* — пустыня [93/18] (<персидск. *пийа:дағ*, *бийа:бан* [85/69]).

Г. Ярринг дает аналогичные примеры: *соңһа:з* — лук, *һа:да* — пешком, *хһа:л* — мысль, *һа:* — лицемерие, *зһа:да* — слишком много, *сһа* — чернила, *бһа* — айва, *қһа:ғ* — желобок в жернове (последний пример — единственный исконно тюркский, остальные слова арабского, персидского и китайского происхождения). Иногда возникает сомнение, имеем ли мы дело с дифтонгом или хиатусом, напр., *шһа* < *шерирә* — стол с короткими ножками [87/64].

К. Менгес в своей рецензии выражает сомнение, действительно ли существуют восходящие дифтонги в уйгурском языке [89/368]. А. К. Боровков же просто говорит, что восходящих дифтонгов не может быть, потому что слог может начинаться только с согласного *й*, а не с полугласного [8/8]. Впрочем, сам Г. Ярринг также признает, что разница между полугласными *й* и *у*, с одной стороны, и согласными *й* и *в* (губно-губным), с другой, очень невелика [87/63].

Д. Широкий гласный + *у*

В данном случае мы имеем примеры, которые указывают на две тенденции: заполнение хиатуса или образование дифтонга. Древнее слово *соғуқ* — холодный, которое у К. Брокельмана встречается также в форме *сойуқ* [85/71], у Г. Ярринга выступает в форме *са^оуқ* || *са^оууқ* и даже *сауқ* с неслоговым *у*, а возможно и *са^оууқ*, поскольку Г. Ярринг говорит о трифтонге [87/60, /64, /66] (в семиреченском говоре встречается форма *соғ* — возможно, результат стягивания дифтонга). В семиреченском говоре в арабских именах хиатус заполняется согласным: *Савут*, *Давут*. Иногда сочетание согласных стягивается в дифтонг: *бекаул* — повар (с неслоговым *у*) [87/64].

Китайский дифтонг *ао*, который должен дать сочетание гласных *ао*, стягивается в долгий гласный *о*, видимо, с промежуточной ступенью *ау*: Н. Ф. Катанов для Турфана и Хами приводит пример *го:ла* — жаловаться (< кит. *као* — обвинение, жалоба), *по:* — ружьё (< кит. *п'ао*).

а) губной + губной.

Здесь интересно лишь образование дифтонгов при выпадении интервокального согласного *p*: *олтур^yn* — сидя > *олтуун* (со вторым неслоговым *y*), *урушун* — ссорясь > *уушун* [87/50].

б) *и* + *и*.

В слове *табии* (природный) морфологический критерий действительно имеет основание, хотя вряд ли здесь один долгий слог, а не два кратких [54/24]. В слове *ки'ик* — антилопа *й* опять-таки может выпадать с замещением его твердым приступом (из турфанских примеров А. Лекока) [92/541]. Для яркендского диалекта Г. Ярринг дает примеры *кирин* — войдя > *чийин* > *чийн* [87/60—61]. Таким образом, *p* сначала переходит в *й*, а затем выпадает гласный и образуется дифтонг.

Рассмотрим здесь еще два явления, относящихся к той же области: трифтонги и стечения трех гласных. Трифтонги вообще в тюркских языках редкое явление [93/21]. Г. Ярринг, который признает вообще существование полугласных *й* и *у* в уйгурском («восточнотюркском») в дифтонгах, признает и существование трифтонгов, напр., *кеймсэн* — одеваешь ли, *боуа* — дед, хотя отмечает, что отличить эти полугласные от обыкновенных согласных нелегко [87/64—66]. В самом деле, если в слабой импловивной позиции, в которой многие согласные подвержены выпадению, согласные *й* и *в* дают полугласный вариант (см. предыдущую главу), то в другой слабой позиции, интервокальной, в которой те же согласные также подвержены выпадению, опять-таки становится вероятным образование полугласных *й* и *у*. Стечения же трех гласных подряд встречаются у того же Г. Ярринга в результате выпадения согласных в двух смежных слогах: *қаа:им* < *қарарым* — мое решение, *таа:эт* < *таһа:рэт* — обряд очищения [87/61].

Особо мы остановимся на устранении хиатуса внутри парных словосочетаний. Как известно, в случае стечения гласных на стыке слов, один из гласных (как правило, первый) подвергается элизии, если эти слова составляют одну синтагму. Выпадающий гласный часто бывает уз-

ким, но это не обязательно. Данное явление свойственно в первую очередь разговорной речи и в значительной мере зависит от произвола говорящего.

Явление это было отмечено еще В. В. Радловым, который приводит, в частности, примеры *алт'ай* — 6 месяцев (<*алты ай*), *йақш'у:л* — хороший парень (<*йақшы у:л*), *ан'өлтүрди* — убил его (<*аны өлтүрди*) и т. д. [93/94—95]. Примеры из различных тюркских языков приводят Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян и другие авторы: башкирск. *қар'ат* — вороной конь (<*қара ат*), *қор'утын* — сухие дрова (<*қоры утын*), *ирт'уңмаған* — не успевший утром (<*ирте уңмаған*), *ал'айғыр* — пегий жеребец (<*ала айғыр*), *қайһ'аул* — какой аул (<*қайһы аул*), казахск. *сар'ат* — гнедая лошадь (<*сары ат*) [9/285, 50/290—291, 64/76]. К. Брокельман указывает, что примеры такого рода встречаются уже в Кутадгу билиг: *киш(и) әмгәки* — тяготы человека, *йүзд(ә) ачығ* — с гневным лицом и т. п., а также в более поздних памятниках, напр., *ат(а) анаға* — родителям, *Бухар(а) ичидә* в Бухаре, *ғауғ(а) ичидә* — в борьбе [85/70].

Для уйгурских диалектов одним из первых на это явление указал Н. Ф. Катанов [23/95—96]: *көңнимн'алған* — взявший мое сердце, *нахш'айтқан* — читавший стих, *икк'аләмниң* — двух миров, *йешимн'елип* — взяв мои слезы, *қар'атниң* — вороного коня. Г. Ярринг считает, что в таких случаях наблюдается некоторая тенденция к редукции, но это не правило: *халтани элип* — взяв мешок, *ағзини ачса* — если раскроет рот, *өйге әпкитти* — унёс в дом, *қәри анеси* — его старая мать, *қилдә әмдә* — теперь сделал [87/59]. Однако элизия встречается и у других авторов, напр., *у йаңғ'өтәй бу йаңғ'өтәй* — пойду туда, пойду сюда, *қар'ат* — вороной конь, *сириң'ачти* — раскрыл тайну [3/128, 76/35, 49/36]. (В последнем примере играет роль также размер стиха).

В некоторых аналитических формах глаголов указанный процесс может рассматриваться как признак тенденции к превращению этих форм в синтетические. Это касается форм, образованных из деепричастия настоящего времени и вспомогательного глагола *ал-*, обозначающих возможность действия, в первую очередь отрицательных форм: *тапалмай* — не найдя (<*тапа алмай*), *йазалмаймән* — не смогу писать (<*йаза алмаймән*), *баралмаймән*

— не смогу пойти (< *бара алмайман*). О дальнейшем развитии того же процесса свидетельствует подчинение закону нёбного сингармонизма, напр., *кетэлмәйду* — не может уйти [74/32]. (Глагол *көрәлмәйду* — ненавидит является примером лексикализации этой формы в семантическом плане), Л. А. Аганина приводит формы *аламиди* < *алламиди*, *келәлмиди* < *келәлмиди* [2/77].

Формы этого рода даются К. Брокельманом: *қылалма* < *қыла алмады* — не смог сделать [85/70]. Они встречаются также в других тюркских языках, напр., в татарском и башкирском: *кил'алмади* — не мог придти, *бир'алма* — не мог дать, *ал'алманым* — я не мог взять [93/95, 9/283]. Мы не будем здесь разбирать ни утвердительных форм, ни других форм этого типа, в образовании которых так или иначе фигурирует *й*, потому что это не относится к нашей основной теме о хиатусе и редукции на стыке парных словосочетаний.

Аналогичные процессы происходят еще в сложных словах, что также способствует их стягиванию и объединению в одно слово: *қарөрук* — слива < *қара өрук*, *қашқоғлақ* — барсук < *қашқа оғлақ*, *арай* — время между двумя мусульманскими праздниками < *ара ай*, *Ғоҗәһмәт* — имя собственное < *Ғоҗа әһмәт*, *ағини* — приятель, < *аға ини*, *немишкә* — почему < *нема ишкә*, *неманчә* — зачем, почему < *немә анчә* [76/27, 72/237, 49/26]. Ср. также казахск. *Сарөзек* < *Сары өзек* — топоним. Примеры такого рода встречаются и у К. Брокельмана.

Существует предположение, что рассмотренное явление представляет собой рефлекс первоначального тюркского ударения на первом слоге слова [64/76]. Бесспорно, что ударение должно играть в этом процессе важную роль. Однако он может быть объяснен и на основании закономерностей, существующих в настоящее время в языке. Как известно, в русских сложных словах типа *зернохранилище* образуется побочное ударение на первом компоненте наряду с главным на втором компоненте, причем это побочное ударение падает не на второй слог, как в слове *зерно*, а на первый. Аналогичную передвижку можно найти и в уйгурском языке, напр., в словосочетании (точнее предложении) *өйгә кириң* — заходите в дом. Г. Садвакасов приводит единственный пример слова, которое, возможно, заимствовано из казахского: *ағайин* —

друг, приятель, где, видимо, ударение падало на первый компонент. Хиатус на стыке компонентов был заполнен согласным *й*, конечный же гласный второго компонента оказался апокопирован [49/56].

В. В. Радлов считал, что в тюркских языках ударение двухполюсное, причем сильное ударение приходится на последний слог, а слабое — на первый. Возможно, является универсальным законом, что наибольшая информационная нагрузка падает на начало слова, наименьшая — на середину. Кроме того, парное словосочетание можно рассматривать как результат интерференции колебаний различных частот: с одной стороны, отдельных слов, с другой — синтагм. Таким образом, большая синусоида накладывается на две маленьких. Правда, А. Т. Кайдаров считает, что в словосочетаниях главный элемент акцентологической системы — движение тона [16/295]. Однако, видимо, определенную роль играет и динамическое ударение. Это доказывается также примерами, приведенными ниже.

Рассмотрим вопрос о возможности существования твердого приступа в уйгурском языке вне связи с проблемой хиатуса. Как айн, так и арабская хамза (в какой-то степени близкая к так называемому «твердому приступу») передаются в современном уйгурском языке аналогичным образом. В частности, в позиции после согласного перед гласным они передаются как своего рода межслоговая пауза, хотя на письме последнее время обозначаются (в орфографии советских уйгуров) с помощью буквы *ъ*: *санъат* — искусство, *суръат* — темп, *журъат* — смелость, *сунъи* — искусственный, *масъул* — ответственный и др. [93/96, 74/23, 76/16, 26/92, 72/250, /214]. Как исключение, можно отметить замещение твердого приступа звуком *h* — *санһат* < *сан'ат* [57/177]. Впрочем, в некоторых наиболее употребительных словах эта пауза может вообще пропускаться, напр., *масила* — вопрос.

В позиции же после гласного перед согласным, т. е. в конце слога, в частности после начального гласного, гортанные согласные передаются как долгота, которая, однако, не имеет фонематического значения и удерживается лишь в речи представителей старшего поколения: *ма'кул* — ладно, *ва'да* — обещание, *ма'ни* — значение, *та'сир* — влияние, *та'мин* — обеспечение, *е'лан* — объявление.

тивар — внимание и др., но *мәлум* (с кратким гласным, видимо, в силу употребительности этого слова) [93/83, 51/51, 54/24, 92/541]. Эта редукция длительности отмечалась всеми авторами различных орфографических систем после 1917 г. [69/26, 65/26, 26/87].

ДВОЙНЫЕ И ДОЛГИЕ СОГЛАСНЫЕ, ИЛИ ГЕМИНАТЫ

Двойным согласным, или геминатам, в тюркских языках посвящена довольно обширная литература; в частности, на тему о геминатах в уйгурском языке написана специальная статья Г. Садвакасова [46]. Основываясь главным образом на этой работе, мы предлагаем следующую классификацию двойных и долгих согласных в уйгурском языке. Прежде всего мы будем различать эти два термина. Двойной согласный состоит из двух согласных, гемината же — это один долгий согласный. К двойным согласным относятся те, которые образовались на стыке морфем в результате простого стечения согласных, ассимиляции и других подобных причин, остальные — долгие. Г. Садвакасов приводит примеры упрощения двойных согласных, напр., *сени* — тебя < **сәнни*, *мени* — меня < **мәнни*, *апирип* < *алып берип* и т. п. (ср. также [85/66]), но эти примеры относятся к сильно лексикализированным формам в силу высокой частотности (у местоимений) или по другим причинам. В основной массе такие формы не подвержены сокращению. Ср. *кәтти* — ушел и *деди* — сказал. В первом глаголе умлаут не наступает, потому что первый *т* закрывает слог.

Конечно, различие двойных и долгих согласных является в какой-то мере условным. Разница в происхождении не является причиной разницы в их сущности, и различие в плане морфологии далеко не всегда вызывает различие в плане фонетики. Было отмечено, что гласные перед геминатами не подвержены умлауту в таких словах, как *қаттық* и *аччық*, а это значит, что геминированный согласный играет роль перегородки из двух согласных и, следовательно, должен делиться на два согласных — имплозивный и эксплозивный.

Геминаты могут быть разделены на исконные и заимствованные. (Последние, вероятно, отмечаются также в

таких словах, как *уссул* — танец, где двойной согласный восходит к арабскому согласному *ح*, отсутствующему в уйгурском языке, возможно, с промежуточной ступенью *ус'ул* [88/325], т. е. арабский согласный сначала передавался с помощью хамзы, а затем хамза подвергалась ассимиляции). Так же как двойные согласные, заимствованные геминаты подвержены упрощению и, видимо, не несут особой смысловой нагрузки в языке. Исконные геминаты, в свою очередь, могут быть разделены на: 1) геминаты речи и 2) геминаты языка. Следует отметить, что здесь противопоставляются не литературный язык и разговорная речь, а речь и язык вообще. Фактор экспрессии, очевидно, может играть роль прежде всего в речи.

К первой группе относятся геминаты:

а) которые выступают в междометиях и всякого рода речениях междометного характера, т. е. таких, в которых экспрессивная функция перевешивает экспликативную: *һәссинә* (<*һә сениһә*) — эхма!, *йаппирим* (<*йа пирим*) — о, боже!, *бешишиңни йегур* — будь ты проклят!, *маммаңни көсүттимә* — я покажу тебе кузькину мать!, *аккаң* (<*акаң*) — я! (когда подчеркивают свою роль), *аттам*, *аннам* — миленький (мать о ребенке, когда ласкает).

б) Далее, сюда же относятся слова с качественной семантикой, в первую очередь прилагательные, иногда также наречия, в которых геминация служит для образования интенсивной формы: *йуммшақ* — мягкий-премягкий, *толлуқ* — полный-полный, *илдам* — очень быстро, *оңдайла* — легко-легко, *музздәк* — холодный-прехолодный.

в) Наконец, сюда же можно отнести некоторые существительные с аффиксами пространственных падежей, обозначающие место. В этом случае геминация также обозначает степень, но степень приближения к месту, напр., *йеннида*, *қешишида*, *түввидә* — в непосредственной близости, *уччида* — на самом кончике, *четтидә* — на самом краю, *төпписидә* — на самой вершине, *қаттирисига* (<*қатар* + *-и* + *-си* + *-ға*) — ровнехонько. То, что эти слова выступают в умлаутной форме, доказывает, что это явление относится больше к области речи, чем к области языка. Во всех подгруппах данной группы геминация, видимо, сочетается с экспрессивным удлинением первого

слога, благодаря которому скрадывается обычное главное ударение на последнем слог.

К геминатам языка относятся такие, которые участвуют в образовании единственного возможного выражения данного значения, поскольку мы берем лишь экспликативную функцию речи. При этом соответствующие слова могут содержать экспрессию или быть стилистически нейтральными. Во всяком случае в языке они стоят несколько особняком, а в таких случаях могут действовать особые фонетические закономерности, не характерные для языка в целом [34/47—48].

а) Прежде всего сюда относятся междометия, в которых геминация превратилась из окказионального явления в узуальное, напр., *бэлл* — вот те на, *эттэгинэй* — увы (возможно, производное от *эттэң* — как жаль), *эллэй* — бай-бай. Из этих трех примеров, по крайней мере, в первом ударение может приходиться на первый слог, как показывает форма *бэлл'*, приведенная А. Т. Кайдаровым [17/294].

б) Другую группу составляют наречия с аффиксом *-идэ* (видимо, происходит от частицы *-дэ* [21/132], перед которой возникает эпентетический *и* для разрядки стечения геминированного согласного и согласного *д*), выступающие как «изобразительное средство с обобщенными значениями интенсивности, мгновенности и неожиданности действия, обилия, избытка чего-либо и пр.», которые часто не поддаются точному переводу, напр., *жиқ* — много, *жиққидэ* — очень много, *жим* — тихо, *жиммидэ* — тихо-тихо и т. п. Хотя здесь имеется экспрессия, мы не можем связывать геминацию только с экспрессией, поскольку данные формы являются единственно возможными для выражения соответствующего значения.

По ряду причин ударение снова приходится на первый слог. Во-первых, частица *-дэ* является безударной [81/66], во-вторых, эти слова часто употребляются в качестве первого компонента парных словосочетаний, в которых ударение также имеет тенденцию перемещаться на первый слог. Возможно, не случайно и сочетание ударения на первом слог с геминацией, о чем еще будет идти речь ниже.

в) Следующая группа примеров — это несколько существительных, в частности, *орта* || *оттура*, а также *чоқ-*

қа — вершина и чеккә — висок. Согласно Г. Садвакасову, образование данных форм может быть объяснено путем сопоставления с группой 1в, а именно, от некоторых существительных, напр., *орта* || *орту*, образовывались формы с аффиксами пространственных падежей, напр., *ортусыда*, которые могли также выступать в экспрессивной форме с удвоенным согласным. Затем эти формы стилистически нейтрализовались и сделались единственно возможными, а геминация по аналогии распространилась и на исходную форму. Различие между существительными этих двух групп заключается в том, что если в группе 1в экспрессивная форма образуется с помощью геминации и удлинения гласного первого слога, то в последней группе она может образовываться с помощью одного удлинения гласного. Таким образом, в трех последних группах геминация также может быть с той или иной степенью достоверности объяснена экспрессией.

г) Еще одна группа примеров — это некоторые прилагательные и изредка наречия с качественной семантикой, напр., *қаттық* — твердый, *иссық* — горячий, жаркий, *аччық* — горький, *иллық* — теплый, *ушшақ* — мелкий, *пишиш* — спелый, крепкий, *неппиз* — тонкий, *иммық* — теплый, без ветра (о погоде). Это явление широко распространено в различных тюркских языках, напр., Н. К. Дмитриев дает примеры туркменск. *гарры* — старый, *аррық* — худой, *ыссы* — жаркий; кумыкск. *аччы* — горький, *исси* — теплый, *уллу* — большой, *гиччи* — маленький, *итти* — острый, *қатты* — твердый; турецк. *ыссы* — горячий [10/263]. А. М. Щербак также приводит примеры туркменск. диалектн. *йассы* — гладкий, плоский, узбекск. диалектн. *чүччи* — сладкий, *сасси* — вонючий, *уллы* — большой, *киччи* — маленький [66/104]. Сюда же можно отнести некоторые наречия, напр., Г. Садвакасов дает *уттур* || *уддул* — прямо, у К. Брокельмана встречается *йаққын* < *йақын* — близко [85/114]. Напрашивается сопоставление с рассмотренной выше группой прилагательных и наречий 1б, хотя образование геминат в этих двух группах, видимо, разделено немалым промежутком во времени, и конкретные пути перехода от прилагательных типа 1б к прилагательным настоящего типа не ясны.

Интенсивная форма образуется опять-таки, как и в

предыдущем случае, с помощью ударения на первом слоге: *аччих* — очень горький [49/66]. (Ср. также А. Лекок хамийск. *улу:ғ* — великий [85/52]). С ударением на первом слоге и удвоенным согласным Г. Садвакасов дает также наречие степени *жүддә* — очень, весьма, выражающее самое понятие интенсивности. (Любопытно отметить, что слово *илығ* выступало первоначально с анлаут-ным й: *йылығ* [85/46]).

Для отдельных прилагательных и наречий типа 2г может предлагаться этимологии другого рода, но это не может поставить под сомнение само существование этой группы. Напр., Н. К. Дмитриев дает этимологии *арттық* (более) <*артдуқ, қаттық* <*қатдуқ* [10/261], К. Брокельман приводит этимологию *улуғ* (великий) <**уллуғ* «обоснованный») [85/66]. В некоторых случаях такие этимологии являются вполне прозрачными и несомненными, напр., *аппақ* образовался в результате ассимиляции хамзы [85/67], однако затем гемината была принята и истолкована языком как выражение превосходной степени и экспрессии. То же относится к наречию *мәккәм* <*мәһкәм* — прочно, твердо [17/294].

Внимание исследователей многократно привлекали два слова — *қаттық* — твердый и *аччиқ* — горький благодаря своей связи с явлением умлаута. Г. Садвакасов указывает, что умлаут не наступает в этих словах именно благодаря геминации, которая играет роль перегородки из двух согласных, делающей первый слог закрытым, и приводит такие пары слов: *қаттық* — твердый — *қетік* — простокваша (видимо, от того же глагола *қатмақ* — затвердевать), *аччиқ* — горький, но *ечік* — место разветвления арыка. (Если *аччиқ* восходит к глаголу *ечимақ* — прокисать, прогоркать, то лучше взять пример того же рода, напр., *ечітқу* — закваска или пример Г. Ярринга *ачығлама^оқ* — быть, становиться кислым [87/91]. Большинство авторов вместе с Г. Садвакасовым считают, что геминированная форма является вторичной [92/542, 85/67, 72/213]. Исключение составляют Н. К. Дмитриев, этимология которого для *қаттық* приведена выше, и В. Банг, который дает этимологию для *аччиғ* <**атсығ* [89/370]). Но интересно, что В. Банг и Г. Ярринг, указывая, что эти слова не подвергаются умлауту [83/271, 87/91], дают их не с геминированным согласным, а с простым: *ачиқ*,

қа^отық (в последнем слове лабиализация гласного первого слога, которую иногда показывает Г. Ярринг для кашгарского говора, очевидно, результат влияния узбекского). Это заставляет поставить вопрос, не предшествовала ли геминации своего рода долгота гласного первого слога. Тогда именно подобная долгота могла служить тем механизмом, через который осуществлялась «тенденция к укреплению первого слога и сохранению корневого вокализма» [1/132].

д) Последняя группа примеров — это главным образом некоторые числительные: *икки*, *йәттә*, *сәккиз*, *тоққуз*, *оттуз*, *әллик*. Согласно Т. Талипову, ударение в количественных числительных, как в словах с геминатами, так и в тех словах, в которых на стыке слогов образуются простосочетания согласных, может приходиться на первый слог [81/69]. Для некоторых из этих слов существуют такие этимологии, как, напр., *әллик* > *әл* + *лиг*, т. е. «горсть» (Банг и Рамстедт) [85/66]. Однако об этих этимологиях можно сказать то же, что говорилось выше о других этимологиях: независимо от степени их достоверности факт существования данной группы остается непоколебленным. Хотя конкретные пути происхождения этой геминации остаются столь же смутными, как для прилагательных предыдущей группы, напрашивается сопоставление с чувашскими числительными. В чувашском языке, где имеется два ряда количественных числительных первого десятка — полные и краткие, полные, которые употребляются при абстрактном счете, выступают с геминатами: *пёр* — *пёррә*, *вiс'* — *вiс'с'е* (транскрипция А. М. Щербака). В связи с этим можно сделать предположение о наличии в счете элемента эмфазы [10/263—264]. К. Брокельман указывает, что геминаты в древности могли упрощаться [85/66, /160]. Но в конце концов, это могло быть и вторичным явлением.

К последней группе могут примыкать и некоторые другие слова, напр., *нәччә* (*нә* + *чә* [85/79]), а также названия, связанные с игрой в альчики: *пукка*, *такка*, *чикка*. В словах *нәччә*, *қанчә* ударение также, видимо, падает на первый слог [81/69]. (Последнее слово у К. Брокельмана встречается в форме *қач* [85/651]). Возможно, что здесь мы также имеем дело с элементом эмфазы.

Конечно, есть слова, которые вообще остаются за пре-

делами всех групп и этимология которых неясна, напр.,
неопределенных местоимений с частицей *алла* — *ал-*
мичачан — давным-давно.

Г. Садвакасов указывает, что в экспрессивной форме слов групп 1б, в геминация согласного сочетается с удлинением предшествующего гласного первого слога, которое он называет ударением. Однако данное явление относится, скорее, к области речи, а в области языка может существовать другая закономерность, которая получает у нас иногда наименование «контрастной корреляции количественности» [33/67—68]: в определенных словах выступает или долгота гласного, или долгота следующего за ним согласного. В уйгурском языке как рефлекс согласного, выпадающего в исходе слога, выступает или долгота предшествующего гласного (в частности, в илийском говоре), или долгота следующего за ним согласного (в частности, в кашгарском и ферганском говорах): *ба:ма* — *бамма*, *амиди* — *аммиди* и т. д. [46/50, 49/25, 17/169].

ГЛУХИЕ ДИФТОНГИ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

О существовании в уйгурском языке особых гласных с сонсонантными призвуками говорят многие авторы. Вопрос о сущности этих звуков и их происхождении целесообразно рассматривать по возможности раздельно. Уже Г. Ракетт отметил существование особого свистящего *и*, который произносится со сжатыми челюстями, при сближении языка и передней части нёба [94/3]. Г. Ярринг пишет, что этот звук образуется ближе вперед, чем *и*, и с меньшим открытием челюсти + «жужжание» [87/124]. С. Е. Малов дает такое описание: звук *и* сопровождается привходящим звуком ^ш; в конце артикуляции гласного свободный проход для воздуха делается уже и примешивается фриктивный *ш* [30/310]. К. Шрифль называет этот *и* «паразитическим» [96/182]. Другие авторы просто говорят о возникновении эпентетического *ш*, например, Э. Прицак, Т. Талипов [92/541, 77/86].

Поскольку *ш* образуется в результате появления щели примерно в той же области, что при артикуляции *й*, то *и* ^ш можно представить себе возникшим в результате оглушения дифтонга *ий* или как своего рода глухой дифтонг. Слово *пиштнухо*, производное от *питна* — интрига,

указывает все-таки на то, что здесь мы имеем дело, скорее, с дифтонгом, в соответствии с мнением С. Е. Малова, так как трудно представить себе возникновение стечения трех согласных даже в середине слова.

Г. Ракетт указывает, что этот звук встречается лишь в «вульгарной» речи и то редко. О. Прицак спустя пятьдесят лет оговаривается, что три таких слова существуют и в литературном языке (впрочем, как известно, в начале XX в. литературный язык был связан с другой диалектной основой, чем полвека спустя). Согласно данным Э. Р. Тенишева, этот звук встречается во всех диалектах, северных и южных, за исключением лобнорского, а также в языке доланов, причем почти везде, случайно или нет, одновременно с переходом $\dot{y} > \text{ж}$ в начале слова перед узкими гласными, регулярным или спорадическим [59/138—148, 60/97]. Об аналогичном явлении в татарском языке говорил, по-видимому, Г. Шараф [77/87—88]. О возникновении этого призвука существует гипотеза М. Хартмана. Согласно М. Хартману, сначала возникал протетический $\dot{y}$, затем происходила метатеза: $\text{ики} > \text{йики} > \text{ийки}$ и, наконец, переход $\dot{y} > \text{ш}$ [86]. К. Менгес вслед за В. Бангом предполагает здесь «вытянутые» формы, т. е., очевидно, возникшие в результате удлинения и или возникновения дифтонга [89/372]. К. Шрифль справедливо указывает, что не все слова объясняются гипотезой М. Хартмана, и предлагает другую: в позиции между двумя согласными или в абсолютном начале слова перед согласным узкий гласный редуцируется и даже совсем заглушается. Этому способствует и само качество гласного. Редуцированный и переходит в $\dot{y}$ и далее в ш . Однако слогообразующий ш неудобен для произношения, поэтому развивается переходный гласный (как в словах иштрап , ишпион). Развитие же беглого гласного перед или после спиранта зависит от фонетического окружения. Также неясно, являются ли гласные в этом случае полными или редуцированными [96/183]. В самом деле, С. Е. Малов дает такие слова в форме $\text{и}^{\text{ш}}\text{ке}$, $\text{ки}^{\text{ш}}\text{тап}$ [30/311], Г. Ярринг — в форме $\text{ишт} \parallel \parallel \text{иш}^{\text{ш}}\text{т}$, $\text{ишки} \parallel \text{иш}^{\text{ш}}\text{ки}$ (ср. там же $\text{бж}^{\text{ш}}$), а К. Шрифль — в форме $\text{ш}^{\text{ш}}\text{кки}$ и киштаб .

В качестве примеров чаще всего приводятся слова ишт (ит), пишт ($< \text{пит}$), ишки ($< \text{икки}$) и иштик ($< \text{иттик}$) [87/124]. Г. Ракетт дает такой список: ит — собака,

пит — вошь, *ики* — два, *ки:* — грязное бельё, *ки:м* — одежда, *ил* || *йил* — год, а также *бир* — один, *ким* — кто, *китаб* — книга (в которых этот звук встречается спорадически) [94/3]. Несколько другой список приводит К. Шрифль по данным Хартмана: *икки* — два, *патишчи* — пастух, *ишчи* — его нутро, *иштик* — острый, *қишқамақ* (*қышқармақ*) — звать, *кшитаб* — книга [96/183]. К этому перечню можно еще добавить слова *пишчмақ* — резать, *пиштнихо* — склочник, интриган, *үштмәк* — терять [77/86—87], *пишада* (<*пийада*) — пешком [59/145, 49/56], и, может быть, слова *иштәрмәк* — толкать, *ипәк* || *ишпәк* || *жипәк* — шелк (у Л. А. Аганиной выступает в форме *ишпәк*, что, по-видимому, также свидетельствует о наличии призвука [3/133]), арабск. *иплас* — грязный [ср. 36/21].

Ввиду того, что описание артикуляции этого звука дается в разных выражениях, приводятся разные списки примеров и даются разные интерпретации его образования, мы вообще не можем быть уверены, что во всех этих случаях речь идет об одном и том же явлении. Представляется бесспорным, что такие примеры, как *бр^ж* — один и *йигирмә* — двадцать, надо рассматривать отдельно и что, таким образом, вероятно, существует звонкая разновидность того же звука, в которой, однако, призвук более близок к *ж*, чем к *й* (мы не будем здесь касаться вопроса о всех вариантах звука *р*, встречающихся в слове *бир*).

Возможно, наряду с дифтонгом *и^ш* существует дифтонг *ү^ш*, например в словах *үштмәк* — теряться, *үштәрмәк* — терять. Если допустить общее происхождение у слов *түкәрмәк* — плевать и *түшкәрмәк* — чихать, то последнее слово можно присоединить к тому же списку. В туркменском языке первое слово выступает в форме *түйкүрмәк* [67/28].

Тем не менее мы попытаемся сопоставить обе гипотезы — М. Хартмана и К. Шрифля. *Й*, видимо, действительно играл роль в возникновении этих звуков, в частности, в словах *ит*, *пит* [89/372, 67/28]. Р. Шоу приводит слово *ике* также с *й* — *ийке* [98/252]. Далее *й* выступал в абсолютном начале слова в словах *ипәк*, *үштмәк*, *үштәрмәк*, что доказывается формами *жипәк*, *жүтмәк*, *жүтәрмәк* [77/86]. *Й* зарегистрирован также в слове *иштик* < *йитик* [85/47, 77/92] (Впрочем, К. Брокельман объясняет,

что *й* возникает здесь из твердого приступа). В некоторых случаях мы имеем заместительную долготу, как напр. в словах *ки: (р)* и *ки:м* (<*кийим*), которая, однако, также может чередоваться с *й*. *Й* выступает в слове *йил*, причем здесь он подвержен просто выпадению. Возможно, в этом слове, взятом из списка Г. Ракетта, развилась звонкая разновидность того же дифтонга (под влиянием сонорного *л*). Далее, мы имеем интервокальный *й* в слове *пийадэ* || *пишадэ* и, наконец, ряд слов, в которых *и* выступает в абсолютном начале и где существовала абстрактная возможность возникновения протетического *й* помимо уже указанных *ит*, *икки*, *иттик*, *-ич*, *итəрмэк*, *иплас*.

В тюркских языках вообще и, в частности, в уйгурском встречаются два противоположных процесса — возникновение протетического *й* в начале слов и его отпадение в той же позиции. Большинство авторов, которые пишут о собственно уйгурском языке, говорят об отпадении *й* в начале слова перед узкими гласными, а не о возникновении протетического *й*. Таким образом, *й*, который отпадает в начале некоторых слов, можно условно назвать первоначальным. Примеры: *илан* < *йилан* — змея, *илдам* > *йилдам* — быстро, *илпиз* < *йилпиз* — барс, *илка* < *йилка* — табун, *илтиз* < *йилтиз* — корень, *ил* < < *йил* — год, *ивэр* < *йибэр* — посылай, *игнэ* < *йигнэ* — иголка, *ипэк* < *йипэк* — шелк, *үзүк* < *йүзүк* — кольцо, *Үсүн* < *Йүсүн* — имя собственное [3/133, 72/211, 67/24, 49/54]. Исключением являются, быть может, лишь слова *үз* — лицо, вероятно, восходящее к древнему *үзүн* (ср. *үст* — верх [14/130]) и *үзүм* — виноград (если связывать его со словом *үжмэ* — тутовник [77/84]). Аналогичные примеры дает О. Прицак для разных диалектов, включая лобнорский и язык саларов, а также К. Брокельман для языка, относящегося к несколько более раннему периоду, в том числе примеры выпадения *й* перед широкими гласными, например хотанск. *эр* < *йэр* — земля, саларск. *ат* < *йат* — лежать [92/541, 85/46]; Б. М. Юнусалиев указывает, что это явление широко распространено в тюркских языках вообще. Согласно Махмуду Кашгарскому, это свойственно, скорее, диалектам огузов и кыпчаков [92/541, 85/46].

Наоборот, о протетическом *й* более уверенно говорят авторы, которые пишут о других тюркских языках и о

тюркских языках вообще. Г. Моргенстерн лишь упоминает, что в яркендском диалекте, так же как в узбекских говорах, спорадически встречается протетический *й*, но не дает никаких примеров [90/142—143]. Л. А. Аганина также указывает для чиликского говора, что изредка *й* выступает в качестве протезы, но дает лишь спорный пример *йүзүк*. К. Брокельман говорит, что наряду с отпадением начального *й* наблюдается возникновение протезы из твердого приступа [85/47]. Э. В. Севортян считает этот вопрос нерешенным, причем приводит примеры, которые соответствуют уйгурским *йирақ* || *жирақ*, *йирик* || *жирик*, тот же *йип* || *жип*, *йиғла* || *жиғла* (азерб. *ағла*) и *йағач* (азерб. *ағач*) [51/37]. Н. К. Дмитриев также говорит о протетическом *й*, причем относит его в основном к огузским языкам [9/286]. Наконец, А. М. Щербак считает, что *й* в начале слова вообще не является в тюркских языках первоначальным. В частности, в словах *йағач* и *йиғла* он считает его протетическим (<* *ағла* и **ағач*) [66/80].

Интересно сопоставить слова приведенного выше ряда, в которых, по предположению М. Хартмана, *й* должен возникать со словами другого ряда, в которых он выпадает в абсолютном начале слова. В группе *ит*, *икки*, *иттик*, *ич*, *итәрмәк*, *ипәк*, *иплас* он должен выступать перед глухими смычными согласными, тогда как в словах *илан*, *илдам*, *илпиз*, *илтиз*, *илқа*, *илық* он выпадает чаще всего перед сонорным *л*, но иногда также перед другими сонорными, звонкими шумными или глухими спирантами: *иғна*, *ивар*, *инчикә*, *ип*, *ипәк*, *үз*, *үзүк*, *үзүм*, *Үсүн*.

К. Шрифль и Т. Талипов справедливо замечают, что формы вроде *йики*, *ийтик*, *кйитаб* и т. п. нигде не засвидетельствованы [96/183, 77/87]. Поэтому можно предположить, что *й* выступает здесь не как конкретный реальный звук, а как некая абстрактная величина, и что метатезу М. Хартмана можно представить себе не как действительный происходивший конкретный исторический процесс, а как компонент более сложной картины.

В другой группе слов *й* вообще трудно себе представить. Сюда относятся слова: *китаб*, *нич*-, *пиштнихо*, *қычкар*, а также *ким*. Именно к ним может быть в первую очередь отнесена гипотеза К. Шрифля о редукции. Можно считать, что во всех этих словах предполагаемая редук-

ция происходит в первом слоге (ср. *п'шин*, *ч'қип*, *п'чақ* и т. п.). В слове *пийада* *й* может присутствовать, но может иметь место также редукция. Г. Ярринг дает это слово с восходящим дифтонгом: *пйада* [87/64]. Во всех примерах предыдущей группы это явление также возникает в первом слоге. Однако мы, несомненно, имеем дело здесь с различными явлениями, как доказывают хотя бы два слова из списка Г. Ракетта: *ким* и *ки:м* (если даже не брать во внимание то обстоятельство, что сонорный *м* мог оказывать озвончающее действие на наш гипотетический звук), в которых ясно противопоставлены долгота и редукция.

Отметим два слова, в которых тема звука *и^ш* переплетается с темой геминации — это *икки* и *иттик*. Четыре слова, приводимые в списке Г. Ярринга, которые чаще всего даются в качестве примеров в данном случае, можно связать между собой следующим образом: если в словах *ит*, *пит* можно предполагать долгий гласный (так же, как в некоторых других словах этого ряда), то в словах *икки*, *иттик* выступает долгий согласный. Таким образом, мы видим здесь то, что у некоторых авторов получило название «контрастной корреляции количества» — если гласный долгий, следующий за ним согласный краткий; если гласный краткий, следующий согласный долгий. Поэтому явление глухих дифтонгов может оказаться в связи с двумя такими разными явлениями, как дифтонги и геминация, и иметь точки пересечения с каждым из них. (М. Хартман предполагает в слове *иттик* просто диссимиляцию двух *т*, но диссимиляция такого типа неизвестна в уйгурском языке).

Интересно отметить различие точек зрения еще по одному пункту. Как указывает Г. Садвакасов, прилагательные типа *йүмшак* (с непостоянными геминатами), которые обычно сопоставляются с пригательными типа *қаттық* (с постоянными геминатами), в экспрессивной форме имеют ударение на первом слоге. Если прилагательные второй группы действительно произошли от прилагательных первой группы, то прилагательное *иттик* в какой-то момент должно было иметь ударение на первом слоге. Но, с другой стороны, К. Шрифль предполагает, что форма *иштик* возникла в результате редукции первого слога, и даже специально подчеркивает как условие

отсутствие главного ударения на первом слоге [96/186]. Однако трудно себе представить, чтобы в то время как форма *иттик* возникла при удлинении гласного первого слога, форма *иштик* возникла при его редукции.

Гипотеза К. Шрифля дополняет гипотезу М. Хартмана, и в некоторых отношениях она полнее, но одно слово она также не может объяснить, а именно: *патишчи* < *падаци* — пастух. Редукция возможна, конечно, и в средних слогах, но она другого типа, чем в начальных, прежде всего потому, что гласный по происхождению широкий, и, следовательно, здесь все предыдущие примеры теряют свою силу аргумента. Поэтому, видимо, существует еще третий фактор, помимо двух указанных выше, — характер последующего согласного. Г. Ярринг и О. Прицак указывают, что данный звук возникает перед смычными гласными *т* и *к* [87/124, 92/541]. Это относится к словам *ит*, *пит*, *икки*, *иттик*, *итәрмәк*, *үтмәк*, *питнухо*, *китап*. Сюда также можно присоединить слова с аффрикатой *ч*: *ич*, *нич*, *кычқар*-. Частичная или полная спирализация звука *ч* может иметь место в различных условиях. В одних случаях может играть роль редукция, напр., *ишчи* < *ичи* — это нутро, в других — диссимиляция, напр., *ишчти* < *ичти* — пил, *пишчти* < *ничти* — резал, *ушчти* < *учти* — летел [3/121], в третьих, оба фактора могут действовать одновременно, напр., *қишқатти* < *қишқиратти* [92/539]. В слове *патишчи* < *падаци*, видимо, все-таки имела место редукция среднего слога (ср. *падишаһ* > *патша*), но на появление спиранта повлияло также соседство согласных *т* и *ч*. В отдельных примерах здесь фигурирует также глухой *п*.

Как образование еще одной разновидности глухих дифтонгов можно рассматривать явление, которое Л. А. Аганина и А. Т. Кайдаров указывают для илийского говора, где гласные *у/ү* перед глухими смычными *п*, *к*, *ш* произносятся с призвук *ф*: *у^фпа* — пудра, *у^фка* — младший брат, *у^фшқатмақ* — свистеть [2/40, 17/153, 49/21].

ПРОТЕТИЧЕСКИЙ *h* В СИСТЕМЕ ГУТТУРАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

В уйгурском языке существует два глухих гуттуральных спиранта — заднеязычный *x* и фарингальный *h*. Оба звука являются исконными главным образом в заимствованных словах и почти не встречаются в аффиксах.

В. В. Радлов различает два *х* — более передний и более задний, соответствующие смычным *к* и *қ* (как немецкие «нхь — лаут» и «ах — лаут») [93/XVII]. Г. Ярринг также различает два *х* — заднеязычный и увулярный [87/110]. Большинство других авторов говорят только о глубоко-заднеязычном *х*, более заднем, чем русский *х* [72/211, 17/284, 49/48], ср. также [51/36], напр., *хитай* — китаец, *пахта* — хлопок, *тахта* — доска, *хэвэр* — известие, *хэлик* — народ, *хотун* — женщина, *чахчақ* — шутка, *хана* — обида. Принято считать, что этот звук представляет собой самостоятельную фонему, главным образом в заимствованных словах [87/110, 72/211, 49/49]; ср. также [84/14, 51/34]. В исконно тюркских словах он встречается в звукоподражаниях или производных от них словах, напр. *хирилдиди* — хрипел (ср. [51/34]), или как вариант фонемы *қ* [49/49]; ср. также [51/34].

Звук *қ* переходит в *х* в исходе слога [91/254, 87/124, 69/15—16, 4/27, 76/17, 19/371, 17/284, /288, 49/47]; ср. также [85/39], в частности, перед смычным *т*, напр., *вэхт* — *вэхти* — время, *Ахтам* — топоним (буквально — «белая стена»), *сохти* — ковал, *ахти* — тек, *йатахтин* — с постели, *қудухта* — в колоде, *тохта* — остановись, *ачихти* — вынес (в ферганском); перед аффрикатой *ч*, напр., *сатехчи* — купец, *бойахчи* — красильщик, *йасахчи* — рабочий, *Тавахчи* — топоним (*тавақ* — тарелка), *қизихчилик* — забава, веселье; перед спирантами, напр., *тэхсим* — распределение, *ахсақ* — хромой, *Ахсу* — топоним (буквально «белая вода»), *ахсақал* — старейшина; перед сонорными и *й*: *бахмайду* — не смотрит, не заботится, *тохмақ* — колушка, *чахмақ* — огниво, *варахлиди* — перелистывал, *сахлайду* — хранит, *ухлайду* — спит (у К. Брокельмана *уйухлады* || *уйуклады* — впрочем, он относит это явление к кипчакам), Садвакасов ферганск. *ахйағ* — хлопковое масло; наконец, в абсолютном исходе слова (для этой позиции имеются лишь примеры из кашгарского, яркендского и ферганского говоров): *сандух* — сундук, *түмшүх* — клюв, нос, *йәнжүх* — карман, *аччих* — горький, *ша:рлик* — городской, *қашкарлик* — кашгарский, *хах* — народ, *йох* — нет, *қых* — сорок, *аппах* — белый-пребелый, *асқах* — хромой.

А. Т. Кайдаров предпочитает говорить не о спирализации *к*, а лишь о призвуче *х* или *ғ*: *жира^хқтин*, *вара^ғқ-*

лиди. В другом месте он дает, однако, форму *вахит* — время — с эпентезой [17/284]. С другой стороны, в орфографии некоторых слов утвердился *х*: *йахиш* — хороший, *бахши* — знахарь, *охиаш* — похожий (у К. Брокельмана также *йахиш*, *охиаш*), *шох* — озорник. По крайней мере, в слове *мих* — гвоздь (из персидского) этот *х* является исконным. В некоторых случаях *х* восходит не к глухому смычному *қ*, а к звонкому спиранту *ғ*: *бохча* — сумка < < *боғча* [51/44], *ахтарди* > *ағдарди* — опрокидывал [85/39] (в современном уйгурском *ахтурди* — обыскивал).

В абсолютном начале слова в разных диалектах наблюдаются переходы $x > ғ$, $x > қ$; $қ > x$, $ғ > x$. Отсюда можно сделать вывод, что функциональная нагрузка противопоставлений $қ — x$, $ғ — x$ невелика. Переход $x > ғ$ имеет место в отдельных словах в илийском диалекте и основанном на нем современном литературном языке: *хожайин* — хозяин (< *хожайин*), *ғиш* — кирпич (< *хишт*), *ғужуң* — переметная сума (< *хоржун*), *ғораз* — петух (< *хораз*), *ғазна* — казна (< *хазина*) [72/211, 17/155, 49/48]. Переход $x > қ$ встречается в лобнорском диалекте (возможно, под влиянием кипчакских языков): *қызмет* — служба, работа (< *хизмәт*), *қаштамақ* — расходовать, тратить (ср. *хәшлә* < *хәржлә* [88]). Переход $қ > x$ встречается главным образом в хамийском диалекте (возможно, под влиянием монгольского языка [17/150—151]), хотя отдельные примеры встречаются и в литературном языке: лит. *хошни* — сосед < *қошни* [85/40], хамийск. *хапаз* клетка для птиц (лит. *қәпәз*), *харын* — желудок (лит. *қерин*) [17/150]. Неясным остается пример *хечир* || *қечир* — мул (у К. Брокельмана *хатыр*). Переход $ғ > x$, видимо, также встречается в хамийском диалекте: *хам* — горе, печаль (*ғәм*) [17/150, /155].

Х встречается и в эксплозивной позиции в середине слова, в частности, в аффиксе *-хан*, которым часто сопровождаются названия животных. В слове *сеғизхан* — сорока произошло озвончение этого *х* в результате прогрессивной ассимиляции: *сеғизған* [72/212]. Б. Мункачи дает также пример *сачхан* — мышь (в лит. *сачқан*) [91/254]. Бесспорный пример перехода $x > қ$ в эксплозивной позиции в середине слова имеется для семиреченского говора и литературного языка: *һашқин(а)* < *аш-*

хана — столовая [57/178, /180, 72/214, 17/285]; ср. также [9/286].

Звук *h* является фарингальным (гортанным) глухим спирантом [3/133, 72/203, /213, 17/153, /284, 49/38, /48, 57/174]; ср. также [68/56]. (Г. Ярринг называет его ларингальным [87/99, /112], В. В. Радлов сравнивает с немецким *h* [44/XV]). По мнению некоторых авторов, *h* образуется путем сближения стенок гортани [72/213, 57/174]. Как отмечает Т. Талипов, иногда этот звук может факультативно озвончаться [57/174].

Принято считать, что в общем и целом этот звук чужд тюркским языкам: он появился в массовом порядке лишь благодаря заимствованиям из арабского и персидского [93/XX, 84/14, 3/133, 92/541, 57/176, /178, 72/213, 17/284, 49/48]; ср. также [68/55, /57], причем в нем слились отражения двух арабских фонем: фарингального *ح* и глубокофарингального *ح* [51/33]. Правда, уже К. Брокельман отмечал, что введению в тюркские языки слов с *h* из других языков предшествовало возникновение этого звука в собственно тюркских словах в начальной и конечной позиции [85/47—48].

Этот звук очень неустойчив. Мы будем рассматривать раздельно следующие основные позиции [57/175]: 1) позиция в абсолютном исходе слова, напр., *қәбиһ* — гнусный, мерзкий, *қәдәһ* — бокал; 2) имплозивная позиция в середине слова, напр., *тәһлил* — анализ, разбор; 3) интервокальная позиция, напр., *наһал* — подставка для обуви, *мәһәл* — время, момент, *баһар* — весна; 4) позиция в абсолютном начале слова, напр., *һазир* — сейчас, *һәзил* — шутка, *һәмәл* — клизма, *һижақ* — зубоскал, *һемишә* — всегда, постоянно [17/284, 49/48].

В абсолютном исходе слова *h* устойчив только в междометиях, напр., *аһ*, *еһ*, *уһ*, *паһ*, *маһ-маһ* [57/177, 19/367, 72/213, 49/48]. Это одна из древнейших позиций, в которых этот звук может встречаться, что было отмечено еще Махмудом Кашгарским. Он приводит примеры *таһ-таһ* — призыв к соколу и *қурриһ-қурриһ* — призыв к жеребенку [87/112, 85/47]. Иногда *h* может, по-видимому, переходить в более устойчивый *x*: *аһ-уһ* || *ах-ух*, *еһ* || *ех*, *аһ урмак* || *ах урмак* [72/212, /214]. В заимствованных словах *h* в этой позиции по большей части выпадает (см. предыдущую главу), так же как вообще в имплозивной позиции в кон-

не слова. Как исключение, встречается переход $h > й$: Кайдаров семиреченск. *эрвах* $>$ *эрвай* — дух умершего, *зэх* $>$ *зэй* — сырьость, *истэх* $>$ *истэй* — аппетит [22/64].

Звук h выпадает также в имплозивной позиции в середине слова (см. предыдущую главу). Факультативно h может в этой позиции переходить также в другой неустойчивый согласный $й$, напр., *мехман* || *меман* || *мейман* — гость, *мехнат* || *мейнат* — труд [19/285, 22/64]. В отдельных случаях h может переходить в более устойчивый $х$: *сэхна* — сцена $>$ *сэхна*, *Махмут* — имя собственное $>$ *Махмут*, *рэхми* — милосердие $>$ *рэхми*, *рэхмат* — спасибо $>$ *рэхмат* [72/212—213, 19/284, 49/48].

А. Шамиева первая высказала мысль, которая была повторена за ней и другими авторами, что в имплозивной позиции в середине слов $к$ дает вариант h [65/21, 76/18, 26/88], напр., *көкни* — небо $>$ *көһни*, *челәкни* — ведро $>$ *челәһни*, *кәклик* — горная куропатка $>$ *кәһлик*, *көкләм* — весна — *көһләм*, *керәксиз* — ненужный $>$ *керәһсиз*, *эмгәкчи* — трудящийся $>$ *эмгәһчи* и т. д. (А. Т. Кайдаров говорит о призвук h — *тәклик* — предложение $>$ *тәһклик*, *керәклик* — нужный $>$ *керәһклик*, *боләкчә* — отделение $>$ *боләһкчә* и т. д. [19/284]). Однако представляется маловероятным, чтобы в то время как $қ$ в этой позиции давал вариант $х$, $к$, более передний по сравнению с $қ$, давал бы вариант h более задний, чем $х$. Если составить пропорцию $қ > х \quad к \dots$, то четвертым ее членом должен быть не гортанный h , а более передний вариант $х$ (о существовании которого говорили еще В. В. Радлов и Г. Ярринг, а затем Э. В. Севортян и Т. Талипов [51/34, 79/211]). Именно к такому выводу пришли несколько позднее Г. Садвакасов и Т. Талипов [72/207, 49/46]. Конечно, этот вывод еще должен быть проверен с помощью экспериментальных исследований.

Нечто подобное можно повторить относительно слова *мәхпи* — секретный, тайный. А. Т. Кайдаров делает предположение, что здесь $х$ может переходить в h [19/367, 17/285]. Однако если в отдельных случаях мы наблюдаем переход $h > х$, то случаи обратного перехода недостоверны. Поэтому встает вопрос, не имеем ли мы здесь дело с более передним вариантом $х$, возникшим под влиянием гласных переднего ряда.

В интервокальной позиции h является устойчивым

опять-таки только в междометиях, напр., *oho*. В остальных словах *h* выпадает (см. предыдущую главу и первый раздел данной главы), переходит в *x* или *й*. *h* может в этой позиции переходить в *й*, напр., *илаһим* || *илайим* — дай, боже, *саһиб* > *сайиб* — господин, *гаһидә* > *гайидә* — иногда, *Таһир* > *Тайир* — мужское имя, *жәһут* > *жәйут* — еврей, *беһава* > *бейава* — безвоздушный [87/61, 19/367, 17/285, 72/213, 49/18, 22/64]. Г. Ярринг указывает, что *й* является обычным средством заполнения hiatusа. *h* может также переходить в *x*, напр., *саһат* — часы > *сахат*, *баһар* — весна > *бахар*, *жәһәр гүл* — астра > *жүхар гүл*, *Райһан* || *Реһан* — женское собственное имя, буквально «базилик» > *Райхан* [72/212, /214, 49/18] (может быть, под влиянием часто встречающегося аффикса *-хан*, обычного для женских имен). Т. Талипов указывает, что это чередование встречается в речи молодежи, которая не очень хорошо усвоила звук *h*.

Наибольший интерес представляет позиция в абсолютном начале слова. Согласно Махмуду Кашгарскому, в древних тюркских языках, за исключением отдельных диалектов, этот звук встречался только в исходе некоторых междометий. В древнеуйгурском начальный *h* в словах, заимствованных из персидского, заменялся звуком *q*, напр., *һама:и* > *қамуғ* — все [85/47—48]. Из современных тюркских языков фонему *h* имеют немногие языки, в частности, башкирский, якутский. Но в них она имеет вторичное происхождение. В большинстве тюркских языков *h* в разных позициях, в том числе и в начале слова, отсутствует или заменяется *q*, *x* и другими гуттуральными, напр., в казахском. Ср. уйгурск. *һажәт* — необходимый, нужный — казахск. *қажет*, *әжет*, уйгурск. *һәрә* — оса, пила — казахск. *ара*, уйгурск. *һәр* — каждый — казахск. *әр*, уйгурск. *һәжәп* — удивительный — казахск. *ғажәп*, уйгурск. *һеқил* — ум — казахск. *ақыл*, уйгурск. *һесәп* — счет — казахск. *есеп* и т. д. [72/214, 17/154]. Сохранение *h* в уйгурском и узбекском языках объясняется, видимо, более сильным влиянием среднеазиатского литературного языка средневековья. Впрочем, и в узбекском языке встречаются диалекты, сходные в этом отношении с казахским языком [67/27].

Уйгурские же диалекты, согласно А. Т. Кайдарову, делятся по данному признаку на две группы — западную

и восточную. К западной относятся кашгарский и илийский говоры, в которых *h*, так же как в литературном языке, сохраняется. К восточной группе относятся куча-турфанская группа говоров, хамийский говор, а также хотанский и лобнорский диалекты. В хамийском говоре звуки *h*, *x*, *q* передаются одним звуком *x* и, видимо, составляют одну фонему (возможно, в результате монгольского влияния). Нечто подобное имеет место и в других говорах и диалектах [17/150—151, /153]. Впрочем, Т. Талипов отмечает, что замена *h* звуком *x* встречается и в семиреченском говоре, именно в речи молодежи, которая не очень хорошо освоила звук *h*, зато с детства знакома с русским языком [72/214]. Примеры: хамийск. *хара́м* — запрещенный < *həram*, *хə́м* — также и < *həm*, кучарск. *га́л* — положение < *hal*, хотанск. *гаңғит* — казарка (птица) < *hanğit* [17/150—151, /153], семиреченск. *хə́м* < *həm* — союз и, *хə́дəм* < *hədəm* — старшая сестра, *хазир* < *hazir* — сейчас [72/214].

Г. Садвакасов приводит ряд примеров обратного перехода *x* > *h* из ферганского говора: *хəргүш* || *həргүш* — год зайца < перс. *харго:ш*, *хəндəлəк* || *həндəлəк* — сорт скороспелой дыни (в словаре Э. Наджи́па *хəндилəк* [37/423]), *хəри* || *hari* — потолочная балка (в словаре Э. Наджи́па *хари* [37/418]). Выше уже отмечалось, что в других позициях, прежде всего в имплозивной позиции в середине слова, правилом является как раз переход *h* > *x*, исключения же являются скорее всего мнимыми. Может ли быть иначе в эксплозивной позиции в начале слова? Отметим, что в четырех приведенных словах *x* также стоит рядом с передними гласными и, таким образом, может дать более передний вариант. Вероятно, этот вопрос может быть решен лишь с помощью инструментальных исследований.

Другие, более ясные случаи возникновения *h* в абсолютном начале слова можно разделить на три группы: 1) возникновение *h* на месте арабского *ع*; 2) переход *й* > *h*; 3) появление протетического *h*.

О возникновении *h* на месте арабского *ع* говорил еще Г. Ярринг [87/97]: *хара́қ* — водка, *һəйт* — праздник, *һəжəп* — удивительный, *һəжиз* — слабый, *һеқил* — ум, *һəмал* — дело, выход из положения, *һəsəl* — мед, *һəмур* — жизнь, *һимарəт* — здание, *һашиқ* — влюбленный, *һала-*

мәт — признак, *һимла* — намек [87/97, 4/34, 3/134, 74/18, 17/285, 49/55]. Ср. также гагаузск. *һадет* — обычай (арабск. عادت) [9/286].

Бесспорная разница между имплозивной позицией в середине слова и эксплозивной позицией в абсолютном начале слова обнаруживается, когда мы рассматриваем переходы $h > \dot{y}$ и $\dot{y} > h$. Как уже говорилось выше, переход $h > \dot{y}$ встречается в одной из этих двух позиций. Наоборот, отдельные примеры перехода $\dot{y} > h$ мы находим во второй из этих позиций: *йөтәл* — кашель $>$ *һөтәл*, *йатиҗаши* $>$ *һетиҗаши* — заклятие в детской игре [72/211, /214]. Как промежуточную ступень (которая не обязательно осуществляется в виде конкретной формы) можно предположить отпадение начального *й*, что является нередким в уйгурском языке (см. предыдущий раздел).

К. Брокельман отмечает, что протетический *h* уже издавна существовал в тюркских языках, сначала в междометиях, а затем и в других словах [85/47—48]. Это явление отмечается многими авторами и в современном уйгурском языке, главным образом перед широкими гласными [87/97, 3/134, 74/18, 19/367, 57/178, 72/214, 49/48, /55]. Примеры междометий: *һуй* — эй! (междометие, служащее для привлечения внимания), *һош-һош* — окрик на рогатый скот, *һә* — да, ладно [87/112, 57/178, /180, 49/48]; ср. также [85/48]. Примеры слов, производных от междометий и звукоподражательных слов: *һайдимақ* — гнать, производное от междометия *һай* (в узбекском, азербайджанском *һайда*-, *һайды*-, в турецком, казахском, киргизском, алтайском и других языках *айда*-, в якутском *қыйдаа* [67/27]), *һеқиқ* — икота, *һүрмәк* || *һүрмақ* — лаять (у К. Брокельмана *һүрмәк* — дуть), *һүшқитмақ* || *һүшкитмәқ* — свистеть, *һаңримақ* — реветь (об осле), *һөнүп* — угод, *һу(в)-ламақ* — выть (о собаке) [87/112, 19/367, 72/214, 57/178, /180].

К междометиям и звукоподражаниям близки так называемые образоподражательные слова («мимемы»): *һармақ* — уставать, *һүрмәк* — пугаться (о лошади), *һопуқмақ* — пухнуть, *һүрмәймәк* — нахохлиться (там же).

К другой группе слов, содержащих протетический *h*, можно отнести слова *һәрә* 1) пила; 2) оса (у Т. Ярринга *һәрә* || *һари*), *һөкүз* — бык, *һөдәк* — утка, *һөтүм* — төшүк — худой, дырявый, *һашқин(а)* — столовая, *һашика* —

— ясный, определенный, *һәпийун* — опиум, мак, *һос-ақчиламақ* — выведывать, *һода* — стан, орда, *һорун* — енивый, *һарман* — мечта, *һапаиш* — ношение ребенка на бебе, диалектн. *һосма* — краска для бровей, *һайган* (< *айван*) — крытый двор, *һука* — младший брат, *һал-иш* — благожелание, хвала, *һаң таң болмақ* — удивляться [87/97, 3/134, 19/367, 57/178, /180, 72/214, 17/285, 55, 20/60—61]; ср. также [85/48, 51/33, 9/286]. Возможно, что при более глубоком изучении некоторые слова из этого списка также окажутся восходящими к межэтническим и звукоподражаниям, но несомненно, что далеко не все.

Н. А. Баскаков и А. Т. Кайдаров указывают на неустойчивость начального *һ* [4/33, 17/285]. Однако в этой позиции неустойчивость *һ* носит другой характер, чем в других. В основном она сводится к существованию большого количества факультативных вариантов и параллелизмов — с протезой и без неё: *һәрә* || *эрә*, *һүрк-* || *үрк-*, *айда-* || *айда-*, *һука-* || *ука-*, *һаишина* || *аишина*, *һуиқит-* || *иқит-*, *һөкуз* || *өкуз*, *һайган* || *айван*, *һөдәк* || *өдәк*, *һа-иш* || *аиш*, *һарман* || *арман*, *һаиқарә* || *аиқарә* и т. д. [87/97, 3/134, 19/367, 57/178, /180, 20/61, 17/285].

Лишь как исключение можно отметить отпадение несомненно исконно существовавшего *һ*, напр., *асан* — *сэн* < *һасан* — *һүсэн* — радуга [37/759] (видимо, восходит к арабским именам *һасан* и *һүсәйн*, принадлежавшим двум легендарным братьям-царям, известным в истории ислама).

Неустойчивость начального *һ* может свидетельствовать о сравнительно небольшой функциональной нагрузке соответствующей фонемы. Тем не менее здесь можно найти контрастные пары, основанные на наличии или отсутствии *һ*: *һәр* — каждый — *эр* — мужчина, *һимла* — замёк — *имла* — орфография (такие пары являются наиболее наглядным, но не единственным свидетельством функциональной нагруженности фонемы). Э. В. Севортян отмечает, что в ногайском в результате выпадения *һ* возникло множество омонимов: *эр* — каждый и мужчина, *им* — возьми и положение, *ич* — внутренность и ничто, *аһ* — белый и право [51/33]. Н. К. Дмитриев указывает для татарского и башкирского, что хотя, с одной стороны, в этих языках существуют факультативные варианты.

вроде башкирск. *һәүәс* || *әүәс* — склонный, *һәйбәт* || *әй-бәт* — хорошо, ладно, в то же время на этой основе могут возникать контрастные пары как результат семантической дивергенции: татарск. *хәзер* — сейчас, *әзер* — готовый; *хәрәм* — запретный, *әрәм* — пропадающий зря, башкирск. *хикәйә* — рассказ, *әкиәт* — сказка [9/288].

Является ли протетический *h* результатом действия какого-то широкого фонетического закона или лишь особенностью, обусловленной этимологией некоторых слов? Л. А. Аганина отмечает спорадичность этого явления [3/134]. По крайней мере, в некоторых словах он может чередоваться с долготой, имеющей то или иное происхождение: *һарман* — *а:рман*, *һашкарә* — *а:шкарә* [88/26—28], *һөдәк* — *өрдәк*, *һода* — орда. В слове *һашқин* (а) первый слог, видимо, был ударным. На это указывает и апокопа конечного гласного и частичная редукция гласного второго слога. Глагольные основы *һар-* и *һүр-* в туркменском выступают в форме *аар-* и *үйр-* [67/27], что также может указывать на существование в прошлом долготы в этих словах.

Существуют различные мнения как относительно механизма возникновения этой протезы, так и относительно конечных его причин. Г. Ярринг и К. Брокельман определяют это явление как аспирацию, возникающую перед твердым приступом [87/97, 85/48]. Л. А. Аганина говорит об атакированном произношении. Это означает, что гласному предшествует взрыв предварительно сомкнутых голосовых связок [3/134]. Можно предположить, что здесь мы имеем дело еще с одной разновидностью глухих дифтонгов, но уже не нисходящих, а восходящих. Характерно, что если в предыдущем разделе речь шла об узких гласных, то здесь призвук возникает главным образом перед широкими гласными.

Что касается конечных причин, то К. Брокельман считает, что возникновение протезы обусловлено влиянием субстрата [85/70]. Т. Кайдаров в одном месте объясняет это влиянием иранских, индийских и тибетского языков [17/154], в другом — влиянием монгольского языка [20/60—61]. Н. К. Дмитриев, указывая на существование этого *h* в македонских говорах турецкого, предполагает, что его появление объясняется подражанием литературному языку [9/286].

Следует отметить, что протетический *h* встречается не во всех тюркских языках, но все же довольно широко распространен. По свидетельству Махмуда Кашгарского, в XI в. протетический *h* встречался в говорах Хотана и Кэнчека, напр., хотанск. *hата* — отец, *hана* — мать [85/47, 17/153—54]. К. Брокельман приводит примеры, относящиеся и к более позднему времени: *үгүз* > *hүгүз* — бык, *айран* > *hайран* — айран, *өл* > *hөл* — влажный [85/48]. Сохранился он также во многих современных тюркских языках, причем нередко встречается и в таких словах, в которых отсутствует в уйгурском языке: узбекск. *hovuch* — горчица, *hurgimäk* — прыгать, азербайджанск. *hөрмәк* — лестница, *hүркмәк* — вздрогнуть, испугаться, *hөрүмчәк* — аук, *heyva* — айва, *hambar* — амбар, *harap* — араб, персидский, *harmut* — груша и др., гагаузск. *hayғыr*, *hay* — македонско-турецк. *helbette*, *hambar* и т. п. [51/33, 286, 67/27, 17/154]. Создается впечатление, что здесь мы имеем дело с проявлением довольно широкого фонетического закона. Видимо, существовала не очень последовательная, но живучая тенденция переводить неприкрытые слоги в прикрытые, по крайней мере, слоги с широкими гласными. Что же касается монгольского влияния [85/48, 20/60—61], то в монгольском языке это явление могло быть вызвано теми же причинами, и влияние, возможно, заключалось как раз в том, чтобы поддерживать аналогичную тенденцию в соседних языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной закон структуры уйгурского слога, поскольку о таковом вообще возможно говорить, можно выразить следующим образом: регулярное чередование гласных и согласных. Более конкретно это означает, что стечения как гласных, так и согласных подлежат определенным ограничениям. Стечения двух согласных в начале и в конце слова, а также стечения трех согласных в середине слова или разряжаются путем эпентезы гласного или устраняются путем выпадения согласного или его ассимиляции. Два согласных в середине слова относятся всегда к разным слогам. Стечение двух гласных (зияние или хиатус) разряжается путем эпентезы согласного, стягивания его в дифтонг, долгий или простой согласный. Наряду с этим имеет значение и взаимоотношение между согласными — длительными и смычными. Стечение согласных, скорее, возможно, если один из согласных является длительным — сонантом или спيرانтом.

Общая картина складывается часто как равновесие противоположно направленных процессов. Это можно проиллюстрировать хотя бы для начала слова. Уже Е. Д. Поливанов отмечал существование двух противоположных тенденций: с одной стороны, гласный первого открытого слога подлежит редукции, а с другой, стечение согласных в начале некоторых слов, заимствованных из других языков, разряжается с помощью протезы или эпентезы. Видимо, целесообразно определить различную роль смычных и длительных согласных в слове следующим образом: смычный можно определить как опорный, а длительный — как примыкающий. Гласный раз-

вивается вначале как некий придаток длительного. Таким образом, если длительный предшествует смычному, развивается протеза, если наоборот — эпентеза. В качестве эпентезы обычно выступает узкий гласный *и* как обладающий наименьшей информационной нагрузкой среди гласных, так сказать, наиболее нейтральный в этом смысле. Иногда он бывает лабиализован, т. е. переходит в *у*. В качестве примыкающих длительных выступают чаще всего согласные *р, л, с, з, ш*.

Аналогичную картину мы имеем для конца слова. Правда, здесь сочетания согласных чаще допускаются, причем состоят из опорного смычного и предшествующего ему примыкающего длительного. Ещё один способ разрядки стечения согласных получил название парагогии. Гласный появляется после стечения согласных в абсолютном исходе слова. При этом в данном стечении согласных смычный может как предшествовать длительному, так и следовать за ним.

Не вполне ясным является вопрос об аффиксах, имеющих два варианта типа *С||ГС*. Большинство авторов считают основным первый из этих вариантов. Таким образом, гласный играет чисто служебную роль и выступает как эпентеза. Однако некоторые авторы указывают, что в отдельных аффиксах этого типа может происходить редукция гласного с образованием стечения согласных (чаще всего в аффиксе деепричастия прошедшего времени *-н*). Апокопа гласного, т. е. отпадение гласного в абсолютном исходе слова, в общем не свойственна уйгурскому языку, как и вообще тюркским языкам.

В середине слова эпентезы гласного являются исключением. По большей части они встречаются в случае стечения трех согласных. Случаи синкопы гласного, наоборот, весьма многочисленны. Большей частью они связаны с абсорбцией гласного длительным согласным. Для более конкретного представления целесообразно произвести классификацию таких случаев по морфологическому признаку. Следует отметить, что конечный гласный морфемы синкопируется реже. Любопытное явление представляют собой также некоторые виды метатезы гласного и согласного в трехсложных словах, которые можно рассматривать как сочетание синкопы с эпентезой. Часто эта метатеза происходит с таким результатом, что стечение со-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной закон структуры уйгурского слога, поскольку о таковом вообще возможно говорить, можно выразить следующим образом: регулярное чередование гласных и согласных. Более конкретно это означает, что стечения как гласных, так и согласных подлежат определенным ограничениям. Стечения двух согласных в начале и в конце слова, а также стечения трех согласных в середине слова или разряжаются путем эпентезы гласного или устраняются путем выпадения согласного или его ассимиляции. Два согласных в середине слова относятся всегда к разным слогам. Стечение двух гласных (зияние или хиатус) разряжается путем эпентезы согласного, стягивания его в дифтонг, долгий или простой согласный. Наряду с этим имеет значение и взаимоотношение между согласными — длительными и смычными. Стечение согласных, скорее, возможно, если один из согласных является длительным — сонантом или спيرانтом.

Общая картина складывается часто как равновесие противоположно направленных процессов. Это можно проиллюстрировать хотя бы для начала слова. Уже Е. Д. Поливанов отмечал существование двух противоположных тенденций: с одной стороны, гласный первого открытого слога подлежит редукции, а с другой, стечение согласных в начале некоторых слов, заимствованных из других языков, разряжается с помощью протезы или эпентезы. Видимо, целесообразно определить различную роль смычных и длительных согласных в слове следующим образом: смычный можно определить как опорный, а длительный — как примыкающий. Гласный раз-

ивается вначале как некий придаток длительного. Таким образом, если длительный предшествует смычному, развивается протеза, если наоборот — эпентеза. В качестве эпентезы обычно выступает узкий гласный *и* как облагающий наименьшей информационной нагрузкой среди гласных, так сказать, наиболее нейтральный в этом смысле. Иногда он бывает лабиализован, т. е. переходит в *у*. В качестве примыкающих длительных выступают чаще всего согласные *р, л, с, з, ш*.

Аналогичную картину мы имеем для конца слова. Правда, здесь сочетания согласных чаще допускаются, причем состоят из опорного смычного и предшествующего ему примыкающего длительного. Ещё один способ разрядки стечения согласных получил название парагогии. Гласный появляется после стечения согласных в абсолютном исходе слова. При этом в данном стечении согласных смычный может как предшествовать длительному, так и следовать за ним.

Не вполне ясным является вопрос об аффиксах, имеющих два варианта типа *С||ГС*. Большинство авторов считают основным первый из этих вариантов. Таким образом, гласный играет чисто служебную роль и выступает как эпентеза. Однако некоторые авторы указывают, что в отдельных аффиксах этого типа может происходить редукция гласного с образованием стечения согласных (чаще всего в аффиксе деепричастия прошедшего времени *-н*). Апокопа гласного, т. е. отпадение гласного в абсолютном исходе слова, в общем не свойственна уйгурскому языку, как и вообще тюркским языкам.

В середине слова эпентезы гласного являются исключением. По большей части они встречаются в случае стечения трех согласных. Случаи синкопы гласного, наоборот, весьма многочисленны. Большей частью они связаны с абсорбцией гласного длительным согласным. Для более конкретного представления целесообразно произвести классификацию таких случаев по морфологическому признаку. Следует отметить, что конечный гласный морфемы синкопируется реже. Любопытное явление представляют собой также некоторые виды метатезы гласного и согласного в трехсложных словах, которые можно рассматривать как сочетание синкопы с эпентезой. Часто эта метатеза происходит с таким результатом, что стечение со-

гласных перемещается от стыка первого и второго слогов к стыку второго и третьего.

Выпадение определенных согласных, рассмотренное в главе II, представляет собой специфическую черту уйгурского языка. В других тюркских языках оно также встречается, но выражено гораздо слабее. Выпадают главным образом плавные согласные *p*, *l*, затем близкие в некоторых отношениях к гласным *й* и *в*, а также *h* (в заимствованных словах). Что касается *й* и *в*, то существует мнение, что в конце слога выступает не согласный, а полугласный *и* или *у*, который составляет с предшествующим гласным дифтонг. Таким образом, речь может идти не о выпадении согласного, а о стягивании дифтонга.

Выпадение происходит в конце закрытых слогов. Оно облегчается в позиции после широких гласных. В значительной мере это явление носит факультативный характер, а во многих случаях согласные вообще оказываются сравнительно устойчивы по не вполне ясным причинам.

Выпадение согласных можно объяснить большей частью тем, что сверхслабые (по классификации А. М. Щербака) *p*, *l*, *й*, *в* оказались в слабой (имплозивной) позиции. Особо приходится говорить о *h*. Выпадение гуттуральных согласных не характерно для уйгурского языка, но *h*, видимо, выпадает в заимствованных словах, потому что он вообще сравнительно чужд уйгурскому языку.

Важную роль играет также употребительность. Процесс выпадения согласных зашел гораздо дальше в некоторых особо употребительных словах и морфемах, и более того, носит в них общетюркский характер.

На месте выпавшего согласного образуется как правило заместительная долгота, особенно в илийском и семиреченском говорах. Вопрос о функциональном значении данного процесса является спорным. Некоторые авторы считают, что противопоставление долгих и кратких гласных не является фонематическим, что подтверждается как будто и упомянутой тенденцией к редукции. Однако имеется довольно много контрастных пар, с одной стороны, для форм с согласными и без них, а с другой, для форм с долгими и краткими гласными.

Из общего правила — выпадение согласных в конце слога — имеются два исключения. Во-первых, это срав-

ительная устойчивость тех же согласных в случаях, когда они оказались в конце слога благодаря синкопе следующего гласного, во-вторых, выпадение некоторых согласных в интервокальной позиции. Несомненно, при выпадении в интервокальной позиции акцентологический фактор играет важную роль. Впрочем, многие авторы считают, что первым этапом процесса является все-таки выпадение согласного с последующим стяжением хнатуса. Особенно типичным примером является выпадение *л* в деепричастных формах многих более или менее употребительных глаголов с односложной основой, оканчивающейся на *л*.

Представляет интерес рассмотреть некоторые вопросы, имеющие отношение к структуре слога. Хнатус, так же как стечение согласных, не является характерным для тюркских языков и подлежит устранению. Соответствующие примеры могут быть классифицированы по двум признакам: происхождению и составу. По составу примеры можно классифицировать следующим образом: широкий+широкий, широкий+*и*, широкий+*у*, *у*+широкий, *и*+широкий, узкий+узкий. Устранение хнатуса может производиться путем элизии первого гласного, стягивания хнатуса в дифтонг, восходящий или нисходящий, заполнения хнатуса с помощью эпентетических *н*, *й*, *р*, хамзы или *в*. Особо приходится говорить об устранении хнатуса путем элизии гласного в парных синтагмах. Это уже связано с проблемой ударения, и, видимо, свидетельствует о перемещении ударения в первом слове синтагмы на начальный слог в связи с интерференцией колебаний двух частот.

Другой вопрос, который может быть рассмотрен в рамках проблемы структуры слога,— это вопрос о геминатах и двойных согласных. Двойные согласные образуются в результате стечения согласных, относящихся к разным морфемам, или в результате ассимиляции. Геминаты — это долгие согласные. Они, в свою очередь, делятся на исконные и заимствованные. Исконные геминаты можно разделить на геминаты речи и геминаты языка. Геминаты речи — это те, которые окказионально возникают как следствие экспрессии. Существует гипотеза о том, что геминаты языка восходят к геминатам речи, существовавшим в давние времена. Особенно

заметное место занимают две группы геминат языка, носящие в значительной мере общетюркский характер — геминаты в качественных прилагательных и некоторых количественных числительных. Существуют некоторые признаки, говорящие о том, что здесь возможно существование так называемой «контрастной корреляции количества»: если согласный долгий, то гласный краткий, если согласный краткий, гласный долгий. Таким образом, долготы согласных дает повод предполагать в прошлом существование в определенной позиции долготы гласных.

В связи со структурой слога следует сказать о глухих дифтонгах, которыми названы сочетания узких гласных (главным образом *и*) с шумными призвуками (*ш* или реже *ф*). Это звуки, существующие в очень немногих словах, главным образом в начале. По мнению М. Хартмана, они восходят к сочетаниям *и+й*. К. Шрифль делает противоположное предположение, что эти свистящие или шипящие звуки возникли не в результате появления *й*, а в результате редукции гласного. По-видимому, как та, так и другая гипотеза содержит в себе какую-то долю истины. Если взять четыре примера, которые чаще всего приводятся — *ит*, *пит*, *иттик*, *икки*, то в двух первых этот вопрос пересекается с проблемой первичных долгих гласных, а в двух других — с проблемой геминации. Это снова заставляет вспомнить закон «контрастной корреляции количества». Интересно, что позиции, в которых происходит возникновение таких свистящих звуков, и позиции, в которых происходит отпадение начального *й*, взаимно исключают друг друга: отпадение *й* происходит главным образом перед согласным *л*, а свистящие дифтонги возникают главным образом перед глухими смычными *т* и *к*. Таким образом, третьим фактором образования этих звуков является характер следующего согласного (наряду с факторами удлинения гласного и его редукции).

Последняя проблема, которая рассмотрена в данной книге, — образование протетического *һ*. Это явление можно также рассматривать как образование своего рода глухих дифтонгов, на сей раз восходящих. В уйгурском языке существует два глухих гуттуральных спиранта — заднеязычный *х* и фарингальный *һ*. Оба встречаются

главным образом в заимствованных словах. В исконно тюркских словах *x* встречается как вариант *q* (в имплозивной позиции) и, возможно, *k*, а *h* — в междометиях. Иногда появляется тенденция к замене *h* более знакомым *x*, а в некоторых диалектах — к замене *x* более знакомыми *q* или *f* главным образом в эксплозивной позиции.

В имплозивной позиции, а также в интервокальной *h* неустойчив и легко выпадает. Однако в абсолютном начале слова этот звук, видимо, более устойчив. Он может возникать в этой позиции на месте *ɣ*, *й*, а также как протеза. Протетический *h*, видимо, представляет собой довольно древнее явление, следы его встречаются во многих тюркских языках. Иногда он совпадает с долгой следующего гласного. Однако возможно, что основной причиной возникновения этого *h* является тенденция к прикрытию начальных слогов.

Кратко коснемся еще одного вопроса о противоположно направленных процессах. Например, в исконно тюркских словах гласный может редуцироваться в начальном открытом слоге, но одновременно в заимствованных словах стечения согласных разряжаются эпентезами. Для конца слова могут существовать не только формы со стечениями согласных типа длительный + смычный, но и формы с выпавшими согласными и с эпентезой между обоими согласными (в одних и тех же словах). Редукция гласного (с образованием слогаобразующих носовых или перед конечным *n*) может наблюдаться и в конце слова. В середине слова синкопы преобладают, но встречаются и эпентезы, напр., *пабирик* — фабрика, *баталийон* — батальон, *азирақ* — маловато. Звуки *p*, *л*, *й* выпадают в исходе слога, но одновременно снова появляются в результате синкопы гласного. Сочетание широкого гласного с *й* может переходить в долгий гласный, но одновременно мы имеем и противоположные примеры, например *йа:рим* > *йайрим*. В интервокальной позиции согласные, как правило, сохраняются, поскольку она относится к эксплозивным позициям, но иногда они выпадают как раз в интервокальной позиции. Выпадение согласных является факультативным, но одновременно образуются контрастные пары различающихся своими значениями слов, одно из которых сохраняет согласный, а другое — потеряло окончательно.

Имеются также контрастные пары, основанные на противопоставлении нормальных и вторично-долгих гласных, но одновременно долготы этого рода являются факкультативными и подвержены количественной редукции.

Звуки *p*, *й*, *в*, *h* могут выпадать, в частности, в интервокальной позиции, но они же могут, наоборот, употребляться для заполнения хиатуса. Хиатус подлежит устранению, но он возникает вновь благодаря выпадению интервокального *p*. При этом он может устраняться, с одной стороны, путем стягивания в дифтонг, восходящий или нисходящий, а с другой стороны — путем эпентезы согласного. Геминаты подлежат упрощению в одних случаях, но тут же снова возникают в других. Шипящие дифтонги возникают, с одной стороны, как рефлекс удлинения гласных, а с другой стороны — в результате их редукции. Звук *h* может выпадать в одних позициях, но тут же снова возникает в других. Этот перечень показывает, что, видимо, такая противоположная направленность различных тенденций в языке не является чем-то случайным. Вопрос о регулярности фонетических изменений в тюркских языках не может рассматриваться без учета этих явлений.

ЛИТЕРАТУРА

I. На русском языке

1. *Абдуллаев Ф.* Фонетика хорезмских говоров узбекского языка. Автореф. на соиск. учен. степени д-ра фил. наук. Ташкент, 1961.
2. *Аганина Л. А.* Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район). Диссертация на соиск. учен. степени канд. фил. наук. М., 1954.
3. *Она же.* Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка. — «Краткие сообщения Института народов Азии. Языкознание». М., 1963, вып. 72.
4. *Баскаков Н. А.* Узловые вопросы уйгурской орфографии. — «Просвещение национальностей», 1935, № 3.
5. *Он же.* Очерк грамматики уйгурского языка. — В кн.: Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
6. *Он же.* Уйгурский вокализм. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков (ИСГТЯ). Ч. I. Фонетика. М., 1955.
7. *Он же.* Структура слога в тюркских языках. Там же.
8. *Боровков А. К.* Учебник уйгурского языка. Л., 1935.
9. *Дмитриев Н. К.* Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — ИСГТЯ, ч. I. Фонетика.
10. *Он же.* Двойные согласные в тюркских языках. Там же.
11. *Он же.* Неустойчивые положения сонорных *p, l, n* в тюркских языках. — Там же.
12. *Он же.* О произношении общетюркского *R*. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962.
13. *Исмаилов И. А.* Заметки о русских лексических заимствованиях в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1965.
14. *Исхаков Ф. Г.* Некоторые предположения о происхождении конечных *t* и *d* в словах *аст, уст, алд, арт*. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953.
15. *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Беглые гласные в татарском и некоторых других тюркских языках. — ИСГТЯ. ч. I. Фонетика.
16. *Кайдаров А. Т.* Краткий грамматический очерк уйгурского языка. — Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1961.

17. Он же. Развитие современного уйгурского литературного языка. Ч. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1969.
18. Он же. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Автореф. на соиск. учен. степени д-ра фил. наук. Баку, 1969.
19. Он же. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966.
20. Он же. Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Ч. II. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1970.
21. Он же. К вопросу о частицах в уйгурском языке. — «Труды сектора востоковедения АН КазССР», 1959, т. 1.
22. Он же. Случай выпадения согласных в устной речи уйгуров и их отражение в письменно-литературном языке. — «Советская тюркология», 1973, № 6.
23. Катанов Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. — В кн.: Приложение к LXXIII тому «Записок императорской Академии наук». № 8. СПб., 1893.
24. Он же. Предисловие к книге Н. Н. Пантусова «Новые песни усекских таранчей». — «Известия обществ археологии, истории и этнографии», 1906, т. XXII, в. 5.
25. Он же. Приметы и поверья тюрков Восточного Туркестана, касающиеся явлений природы. — Сборник статей учеников проф. барона В. Р. Розена. СПб., 1897.
26. Кенесбаев С. К., Кайдаров А. Т. О новой уйгурской орфографии. — «Известия АН КазССР. Сер. филологии и искусствоведения», 1960, в. 2(15).
27. Курилович Е. Вопросы теории слога. — В кн.: Очерки по лингвистике. Пер. с франц. М., 1962.
28. Он же. Заметки о группах согласных в польском языке. — Там же.
29. Лекомцева М. И. Типология структур слога в славянских языках. М., «Наука», 1968.
30. Малов С. Е. Материалы по уйгурским наречиям Синь-дзяна. В кн.: С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934.
31. Он же. Rec. G. Jarring. Studien zu einer osttürkische Lautlehre. — «Библиография Востока», 1934, в. 5—6.
32. Он же. Уйгурские наречия Синь-дзяна. М., Изд-во восточной литературы, 1961.
33. Мамедов А. М. Древнетюркская акцентуация и некоторые вопросы развития фонологических систем тюркских языков. — «Советская тюркология», 1970, № 5.
34. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. Пер. с франц. М., 1960.
35. Миронов С. Я. Нидерландский (голландский) язык. М., МГУ, 1965.
36. Наджип Э. Современный уйгурский язык. М., Изд-во восточной литературы, 1960.
37. Он же. Уйгурско-русский словарь. М., «Советская энциклопедия», 1968.
38. Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.

39. Пальмбах А. А. и Исхаков Ф. Г. Явления метатезы в тувинском и некоторых других тюркских языках. — ИСГТЯ, ч. I. Фонетика.
40. Пантусов Н. Н. Война мусульман против китайцев. Казань, 1880, в. I.
41. Поливанов Е. Д. Субъективный характер восприятия звуков языков. — В кн.: Статьи по общему языкознанию. М., 1968
42. Он же. Рец G. Jarring. Studien zu einer osttürkische Lautlehre. — «Социалистическая наука и техника», 1934, № 1—2.
43. Постовалова В. И. Фонологическая структура слога (к методике описания). Автореф. на соиск. учен. степени канд. фил. наук. М., 1967.
44. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I, ч. I. СПб., 1893.
45. Русско-уйгурский словарь. М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
46. Садвакасов Г. Двойные согласные в современном уйгурском языке. — «Известия АН КазССР. Сер. общественная», 1968, № 5.
47. Он же. Словообразование имен существительных в современном уйгурском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. фил. наук. Алма-Ата, 1956.
48. Он же. О некоторых свойствах сонорного *p* в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Ч. 2. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1970.
49. Он же. Язык уйгуров Ферганской долины. Ч. I. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1970.
50. Севортян Э. В. Выпадение согласных в южных тюркских языках. — ИСГТЯ, ч. I. Фонетика.
51. Он же. Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературного языков. — Там же.
52. Соколов Н. Н. Теоретические основы стенографии. М., Учпедгиз, 1949.
53. де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Пер. с франц. М., Соцэкгиз, 1933.
54. Талипов Т. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1968.
55. Он же. Об одной особенности узких гласных современного уйгурского языка. — «Известия АН КазССР. Сер. филология и искусствоведения», 1957, в. I (6).
56. Он же. Система гласных в современном уйгурском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. фил. наук. Алма-Ата, 1960.
57. Он же. К вопросу о генезисе *h* в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по тюркологии (сборник, посвященный 60-летию акад. С. К. Кенесбаева). Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1969.
58. Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., Изд-во АН СССР, 1961.
59. Он же. Об уйгурских диалектах Синь-дзяна. — В кн.: Тюркологические исследования. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1963.
60. Он же. Доланы и их язык. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965.
61. Он же. Из стихов Смаила Тонука. — В кн.: Тюркологические исследования. (Сб. статей к 80-летию акад. К. К. Юдахина). Фрунзе, 1970.

62. *Узбекско-русский словарь*. М., Государственное издательство иностранных словарей, 1959.

63. *Уйгурско-русский словарь*. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1961.

64. *Черкасский М. А.* Тюркский вокализм и сингармонизм. М. «Наука», 1965.

65. *Шамиева А. и Махмудов Х.* Вопросы орфографии современного уйгурского языка. — «Известия АН КазССР. Сер. уйгуро-дунганской культуры», 1950, в. 1, № 85.

66. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л. «Наука», 1970.

67. *Юнусалиев Б. М.* Заметки о выпадении некоторых согласных в основах слов тюркских языков. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. IV. Баку, Изд-во АН АзССР, 1966.

II. На уйгурском и казахском языках

68. *Аралбаев Ж.* Казак тілінің *h* спиранты жайында — В кн.: Вопросы казахского и уйгурского языкознания. Алма-Ата, 1963.

69. In.: 2-Ujgur til-imla kanpirinsijsinix toxtamliri. (Резолюции и материалы 2-й Всеуйгурской научно-орфографической конференции, созванной ЦК НТА 13—18 V 1930 года в г. Алма-Ате). Кызыл-Орда, 1932.

70. *Исмаилов И.* Уйғур тилигә рус тилидин кирип өзләшкән сөzlәрниң фонетикалык вә морфологиялык өзгиришлири һәккидә. — В кн.: Вопросы казахского и уйгурского языкознания. Алма-Ата, 1963.

71. *Кайдаров А.* Уйғыр әдеби тілінің дамуына орыс тілінің ықпалы. — «Казакстан коммунисі» (Алматы), 1963, № 7.

72. *Кайдаров А., Сәдвақасов Ф., Талипов Т.* Һазирки заман уйғур тили. 1-нчи қисим. Лексика вә фонетика. Алмута, 1963.

73. *Malup* (С. Е. Малов). Речь на совещании, посвященном вопросам образования — «Sərq həqiqiti», 1937, 12.IV.

74. *Сайфуллин Ч. Г.* Уйғур тилиниң имласи билән әлипбәсигә бәзи бир өзгиришләрни киргүзүш тоғрилиқ. Алмута, 1958 (на правах рукописи).

75. *Сәдвақасов Ф.* Уйғур тилиниң лексикалиқ тәркиви. — В кн.: Вопросы уйгурской филологии. Алма-Ата, 1961.

76. *Он же.* Уйғур әдәбий тилиниң имла қандилири. Алмута, 1961.

77. *Талипов Т.* Түркий тилларда созук вә үзүк (яки үзүк вә созук) тавушларниң орун алмишишиға даир. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Ч. 2. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1970.

78. *Он же.* Уйғур тилидики тавушларниң орун алмишиши (метатеза) аид материаллар. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1965.

79. *Он же.* Уйғур тили фонетикаға даир қискичә мәлумат (уйғур тили муәллимлиригә ярдәмчи курал). Алмута, 1958.

80. *Он же.* Һазирки заман уйғур әдәбий тилидики созук тавушларни классификацияләшниң бәзибир принциpleri һәккидә. — «Труды Сектора востоковедения АН КазССР», 1959, т. 1.

81. *Он же.* Уйғур тилидики урғу. — «Известия АН КазССР. Сер. филология и искусствоведение», 1960, в. 3 (16).

III. На западно-европейских языках

82. *Bang W.* Zum Vokalismus. — *W. Bang und U. Marquart.* Ostturkische Dialektstudien. Abhandlungen der Koniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. — «Phil. Hist. Klasse. N. F.». Berlin, 1914. Bd. XIII, № 1, 1 Kap.

83. *Bang W.* Zur Geschichte der Gutturale im Ostturkischen. Der Koniglichen preussischen Akademie. Sitzungsberichte der Wissenschaften. — «Phil. Hist. Klasse». Berlin, 1915, Bd. XV.

84. *Bazin L.* Structures et tendances communes des Langues turques. — In.: *Phill. Turcicae Fundamente. T. I.* Wiesbaden, 1959.

85. *Brockelmann C.* Ostturkische Grammatic der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

86. *Hartmann M.* Ein turkischen Text aus Kasgar. — «Keleti Szemle». Budapest, 1905, v. VI.

87. *Jarring G.* Studien zu einer ostturkische Lautlehre. Lund — Leipzig, 1933.

88. *Jarring G.* Am Eastern Turki — English Dialect Dictionary. — «Lunds Universitets Arsskrift. N. F. Aud. I», Bd. 56, N 4.

89. *Menges K., Jarring G.* Studien zu einer ostturkische Lautlehre. — «Gottingische gelehrte Anzeigen», 1934, N 9.

90. *Morgenstierne G.* Gleanings from Turki dialects-Studia Septentrionalia. Bd. II (Festschrift till Konrad Nielsen). Oslo, 1945.

91. *Munkacsi B., Bang W.* Zur Geschichte der Gutturale im Ostturkischen. — «Keleti Szemle». Budapest, 1915—1916, v. XVI.

92. *Pritsak O.* Das Neuuigurische — In.: *Philologiae Turcicae Fundamenta. T. I.* Wiesbaden, 1959.

93. *Radloff W.* Phonetik der nordlichen Turksprachen. 1-es Heft. Vocale. Leipzig, 1882.

94. *Raquette G.* A Contribution to the existing knowledge of the Eastern Turkistan dialect as it is spoken and written at the present time in the districts of Jarkand and Kashgar. — «J. de Societe Finno — Ougrienne», 1909, v. XXVI.

95. *Eastern Turkish Grammar.* practical and theoretical with vocabulary. P. I. Mitteilungen des Seminars fur orientalische Sprachen zu Berlin. Jg. XV, Abt. II. Berlin, 1912.

96. *Schriebl K.* Bemerkungen zur Sprache von Kasgar und Jarkend — «Keleti Szemle». Budapest, 1913—1914, v. XIV.

97. *Shaw R. B.* A sketch of the Turki language as spoken in Eastern Turkistan (Kasgar and Jarkend) together with a collection of extracts. P. I. Lahore, 1875.

98. *The same.* A Grammar of the language of Eastern Turkistan; with lists of names of birds and plants by J. Scully. — «J. of the Asiatic Society of Bengal». Calcutta, 1877, P. I, v. XLVI, N 111.

99. *Sievers E.* Grunzuge der Phonetik. 3-ed. Leipzig, 1901.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Синкопы и эпентезы гласных	8
Глава II. Выпадение согласных	42
Глава III. О процессах, связанных со структурой слога в уйгурском языке	74
Заключение	108
Литература	115

**Михаил Иванович
Трофимов**

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОГЕ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Рецензенты: кандидат филологических наук Т. Талипов, В. Юдин

*Утверждено к печати Ученым советом Института языкознания
Академии наук Казахской ССР*

Редактор *П. А. Мыктыбаева*. Худож. редактор *И. Д. Сущих*. Оформление художника *М. А. Хоменко*. Техн. редактор *Е. М. Тахметов*.
Корректор *И. Л. Подгорная*.

ИБ № 310

Сдано в набор 5/V-1978 г. Подписано к печати 21/XI-1978 г. УГ013
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага: сорт типографская. № 1. Гарнитура
шрифта литературная. Печать высокая. Объем: усл. п. л. 6,3. Учен.
но-изд. л. 6,6. Тираж 700. Заказ 73. Цена 1 руб.

Издательство «Наука» Казахской ССР. Типография издательства
«Наука» Казахской ССР. Адрес издательства и типографии: 480000
г. Алма-Ата, Шевченко, 28.